Z 60/95 90 (Новая)

НЕ КОПИРОВАТЬ

ДЕКАБРИСТЫ

86 ПОРТРЕТОВЪ,

видъ Петровскаго завода и 2 бытовыхъ рисунка того времени

Пояснительный біографическій текстъ привать-доцента Московскаго университета

П. М. ГОЛОВАЧЕВА

Вступительная статья

В. А. Мякотина

Изданіе М. М. Зензинова

МОСКВА

Z 60/95 Г

ДЕКАБРИСТЫ

86 ПОРТРЕТОВЪ

видъ Петровскаго завода 2 бытовыхъ рисунка того времени

Пояснительный біографическій текстъ привать-доцента Московскаго университета

П. М. ГОЛОВАЧЕВА

Вступительная статья

В. А. Мякотина

Изданіе М. М. Зензинова
МОСКВА

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
90 вып.
24/II-56
ф 2841-40
2007083644

МОСКВА.
Типо-литографія Н. И. Гросманъ и Г. А. Вендельштейнъ, Маросейка,
Малый Златоустовскій пер., домъ Хвощинскаго.
1906.

Конецъ XVIII-го столѣтія, бывшій въ исторіи русскаго народа временемъ полнаго расцвѣта крѣпостного права и безграничнаго произвола государственной власти, явился вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменательнымъ моментомъ въ исторіи русскаго общества. Завязавшееся вѣкомъ ранѣе общеніе Россіи съ культурною жизнью европейскаго Запада дало къ этому времени свои первые зрѣлые плоды, и на русскую почву проникли новыя идеи объ обществѣ и государствѣ,—идеи человѣческаго равенства и политической свободы. Стоя въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ соціальнымъ и государственнымъ строемъ крѣпостной Россіи, эти идеи при первомъ же своемъ появленіи въ ней вызвали глубокій разладъ въ настроеніи русскаго общества и вооружили противъ себя всѣ силы, создавшія и поддерживавшія крѣпостной порядокъ жизни. На мистическіе порывы масонства, на попытки организаціи общественныхъ силъ, предпринятыя Новиковымъ и его друзьями, на страстную проповѣдь свободы, вырвавшуюся изъ устъ Радищева, правительство Екатерины II, напуганное французской революціей, отвѣтило тюрьмою и ссылкой. За этимъ мрачнымъ концомъ Екатерининскаго царствованія послѣдовали еще болѣе мрачные годы царствованія ея сына, полные дикой свирѣпости и безумія. Четыре года, въ теченіе которыхъ Павелъ I сидѣлъ на русскомъ престолѣ, были годами сплошного и жестокаго гоненія, воздвигнутаго властью на все, что носило на себѣ тѣнь свободной мысли. Въ основѣ этого гоненія лежалъ тотъ же страхъ, вызванный въ душѣ русскаго царя поколебавшей европейскіе троны французской революціей, но благодаря особенностямъ личной психики

Павла, оно приняло крайне рѣзкія формы, въ равной мѣрѣ и едва-ли не съ равной жестокостью обрушившись на либеральныя идеи и на заморскіе вкусы, на всѣ предметы и даже на всѣ слова, почему-либо заслужившіе неблаговоленіе русскаго государя. Въ видахъ истребленія вольнодумства въ русскомъ обществѣ былъ воспрещенъ ввозъ изъ-за границы не только какихъ бы то ни было книгъ, но даже и нотъ, а русская литература была подчинена строжайшей цензурѣ. Одновременно съ этимъ и вся вообще доступная наблюденію власти жизнь русскаго общества была взята подъ строгую полицейскую опеку, и эта опека распространилась даже на русскій языкъ, изъ котораго приказами императора были исключены нѣкоторыя слова.

Это гоненіе на вольнодумство, — гоненіе, въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ доходившее до высокаго комизма, въ цѣломъ же преисполненное необычайной свирѣпости,— временно придавило начавшееся на русской почвѣ идейное движеніе, но не заглушило его окончательно и даже не остановило его роста. Въ частности годы правленія Павла оставили въ сознаніи русскаго общества глубокій слѣдъ, и недаромъ одинъ изъ современниковъ этой эпохи, писавшій много времени спустя, утверждалъ, что ихъ «въ отношеніи цѣлаго состава имперіи должно признать благотворительною лихорадкою». Эти годы яснѣе раскрыли передъ верхами русскаго общества дѣйствительную обстановку ихъ жизни и устранили много неосновательныхъ представленій, существовавшихъ раньше и опиравшихся на случайные и плохо понятые факты. Де-Сангленъ въ своихъ запискахъ объ этой эпохѣ говоритъ, что при Екатеринѣ II въ русскомъ обществѣ существовалъ «какой-то духъ рыцарства, который имѣлъ корень не во внутреннемъ убѣжденіи своего достоинства, а въ одной наружности. Все пышное государственное зданіе Екатерины, продолжаетъ онъ, было потрясено,

когда съ мундировъ сорвали золото, потребовали трудолюбивой службы, унизили барство, словомъ, сорвали съ глазъ мишуру; куда дѣвалось это мнимое рыцарство?» Другой изъ людей этой эпохи, А. М. Тургеневъ, еще глубже заглядывая въ вопросъ, находилъ, что всѣ бѣдствія времени Павла были «достойной и заслуженной карой дворянству русскому, стремившемуся въ гнусныхъ чувствахъ и желаніяхъ быть деспотами надъ крѣпостными ихъ крестьянами».

Смыслъ преподаннаго исторіей урока былъ такъ глубоко усвоенъ, конечно, не всѣмъ обществомъ, и далеко не все русское дворянство сумѣло, благодаря этому уроку, понять истинную цѣну своихъ привилегій. Но во всякомъ случаѣ въ болѣе развитой части общества годы разгула безграничнаго и свирѣпаго произвола значительно усилили и обострили стремленіе къ свободѣ. Главы дворцоваго заговора, отнявшаго престолъ и жизнь у Павла, имѣли въ виду на будущее время ограничить власть русскаго императора. Этотъ замыселъ не удался, но стремленіе «обуздать произволъ русскаго правленія» сохранилось въ высшихъ кругахъ русскаго общества, не исключая и тѣхъ, которые непосредственно соприкасались съ правительствомъ. Самъ новый императоръ, Александръ I, первоначально увлекался этой задачей и пытался осуществить ее, сперва при помощи «неоффиціальнаго комитета», составленнаго имъ изъ друзей его юности, затѣмъ при помощи Сперанскаго. Правда, эти попытки были не особенно энергичны и остались не доведенными до конца. Работы неоффиціальнаго комитета не пошли дальше неопредѣленныхъ разговоровъ о необходимости уравнять права сословій, освободить крѣпостныхъ крестьянъ и установить законный порядокъ въ управленіи государствомъ, — разговоровъ, подчасъ заходившихъ очень далеко, но тѣмъ не менѣе не приводившихъ правительство ни къ какимъ общимъ мѣрамъ. Не болѣе удачной оказалась и болѣе рѣшительная попытка

реформы, предпринятая Сперанскимъ. Благодаря той обстановкѣ, въ которой осуществлялась эта попытка, изъ плана, задуманнаго реформаторомъ, въ дѣйствительную жизнь прошло лишь очень немногое, да и то, что прошло, въ сущности потеряло свой истинный смыслъ: Сперанскій разсчитывалъ уничтожить крѣпостное право, создать широкую децентрализацію власти и привлечь народъ къ участію въ законодательствѣ и управленіи, но всѣ эти широкіе планы остались только на бумагѣ, а на дѣлѣ смѣлый реформаторъ, встрѣченный ярой враждой крѣпостниковъ, не нашедшій себѣ поддержки въ охладѣвшемъ къ нему императорѣ, успѣлъ только внести бо́льшую стройность въ неуклюжую бюрократическую машину русскаго государства и непосредственно вслѣдъ за тѣмъ промѣнялъ свой постъ правителя дѣлъ имперіи на положеніе политическаго ссыльнаго. Послѣ того громъ Отечественной войны надолго отвлекъ вниманіе Александра отъ внутреннихъ дѣлъ имперіи, а понемногу и самые планы преобразованія соціальнаго и политическаго быта Россіи уступили свое мѣсто въ умѣ императора, отдававшагося подъ вліяніемъ пережитыхъ потрясеній горячему мистическому увлеченію, мечтамъ о водвореніи въ Европѣ силами Россіи мира и управленія народами на христіанскихъ началахъ, мечтамъ, которыя не замедлила использовать въ свою выгоду европейская реакція.

По временамъ Александръ I и въ эту пору своей жизни еще возвращался къ либеральнымъ идеямъ, служившимъ для него предметомъ поклоненія въ молодости. Присоединенному къ Россіи Царству Польскому была дана конституція, а въ императорской рѣчи при открытіи перваго варшавскаго сейма въ 1818 г. «законно-свободныя учрежденія» были обѣщаны и всѣмъ остальнымъ частямъ государства. Подъ руководствомъ Новосильцева французскій юристъ Deschamps писалъ въ Варшавѣ проектъ такихъ учрежденій для Россіи, а кн. Вяземскій перелагалъ

этотъ проектъ на русскій языкъ. Но всѣ эти тайныя работы и громкія обѣщанія не имѣли уже серьезнаго значенія и только рѣзче подчеркивали дѣйствительную политику правительства, круто свернувшаго на путь крайней реакціи и быстро шедшаго впередъ по этому пути. Народная масса раззорялась и стонала подъ бременемъ все усиливавшихся податей и налоговъ, но эти стоны такъ же мало безпокоили теперь правительство, какъ и стоны крѣпостныхъ крестьянъ, опять всецѣло предоставленныхъ имъ на произволъ помѣщиковъ. Зато правительство ревностно заботилось о насажденіи въ обществѣ и народѣ религіознаго духа [illegible] этихъ видахъ предприняло цѣлое гоненіе на свѣтское просвѣщеніе, къ развитію котораго само передъ тѣмъ прилагало дѣятельныя усилія: высшія учебныя заведенія, въ большинствѣ только что открытыя, одно за другимъ подвергались жестокимъ разгромамъ, надъ окрѣпшею было литературою вновь нависли тяжелымъ бременемъ цензурныя притѣсненія, и умственная жизнь общества снова была взята подъ ревнивую и подозрительную опеку государственной власти. Эта власть, достаточно сильная для охраны своихъ привилегій, оказывалась однакоже слишкомъ слабой для того, чтобы создать господство порядка и законности въ странѣ. Во внутреннихъ дѣлахъ послѣдней царилъ полный хаосъ, но они были оставлены на произволъ чиновниковъ, а все вниманіе верховнаго правительства было устремлено на поддержаніе военной силы государства, необходимой для цѣлей внѣшней политики, причемъ и эта военная сила поддерживалась средствами, способными скорѣе расшатать и ослабить ее. Въ войскахъ опять усилились мелочной формализмъ и жестокая дисциплина, ослабѣвшіе было во время войнъ 1812—14 гг., а, кромѣ того, надъ войскомъ и крестьянствомъ повисъ новый бичъ въ видѣ военныхъ поселеній, этой злосчастной выдумки Александра I. Всѣ протесты крестьянства

и солдатъ противъ этой выдумки не приводили ни къ чему, и военныя поселенія вводились въ жизнь мѣрами неслыханной жестокости, а на всѣ мольбы объ уничтоженіи этихъ поселеній императоръ отвѣчалъ, что они будутъ существовать, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова». Первымъ лицомъ въ правительствѣ, почти совершенно заслонившимъ отъ Россіи личность императора, явился главный исполнитель его воли въ дѣлѣ военныхъ поселеній, Аракчеевъ, этотъ «преданный безъ лести фрунтовой солдатъ», и его желѣзная рука одинаково тяжело давала себя знать и народной массѣ, и передовымъ слоямъ русскаго общества.

Между тѣмъ передовые круги русскаго общества въ свою очередь испытали на себѣ сильное воздѣйствіе войны 1812 года, но ихъ это воздѣйствіе толкнуло на дорогу, прямо противоположную той, по которой пошло русское правительство. Отечественная война открыла передъ глазами дворянскаго общества зрѣлище народной массы, охваченной порывомъ патріотическаго энтузіазма, и тѣмъ самымъ внушила болѣе чуткимъ представителямъ этого общества чувство уваженія къ народу, какъ носителю не только матеріальной, но и нравственной силы. Когда же народная война сломила великую армію Наполеона, и русскія войска двинулись освобождать Западную Европу, «освободители» получили возможность ближе приглядѣться къ западно-европейскимъ идеямъ и порядкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно представить себѣ всю глубину контраста между тѣми великими силами, какія были проявлены русскимъ народомъ, и тѣмъ жалкимъ положеніемъ безправнаго раба, на какое онъ былъ осужденъ у себя на родинѣ. «Еще война длилась, — разсказывалъ впослѣдствіи одинъ изъ современниковъ и дѣятелей этой эпохи, А. А. Бестужевъ, — когда ратники, возвратясь въ домъ, первые разнесли ропотъ... «Мы проливали кровь, говорили они, а насъ заставляютъ опять

потѣть на барщинѣ! Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа». Войска, отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ... Злоупотребленія исправниковъ стали замѣтнѣе обѣднѣвшимъ крестьянамъ, а угнетенія дворянъ чувствительнѣе, потому что они стали понимать права людей». Тѣ впечатлѣнія, которыя переживала при соприкосновеніи съ европейскою жизнью рядовая солдатская масса, съ неменьшею силою воспринимались и образованной частью дворянской молодежи, стоявшей въ рядахъ русскихъ войскъ. «Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ — говоритъ одинъ изъ офицеровъ этой поры—не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ». Но отъ «огромной обстановки», порождавшей рядъ сложныхъ и острыхъ впечатлѣній, русскимъ людямъ вновь пришлось вернуться въ сѣрыя условія своей обыденной жизни, постепенно становившіяся все болѣе мрачными, и рѣзкость этого перехода въ свою очередь не могла не подѣйствовать раздражающимъ образомъ. «Въ 14-мъ году — разсказываетъ И. Д. Якушкинъ—существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіе двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, восхваляющихъ все старое и отрицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ».

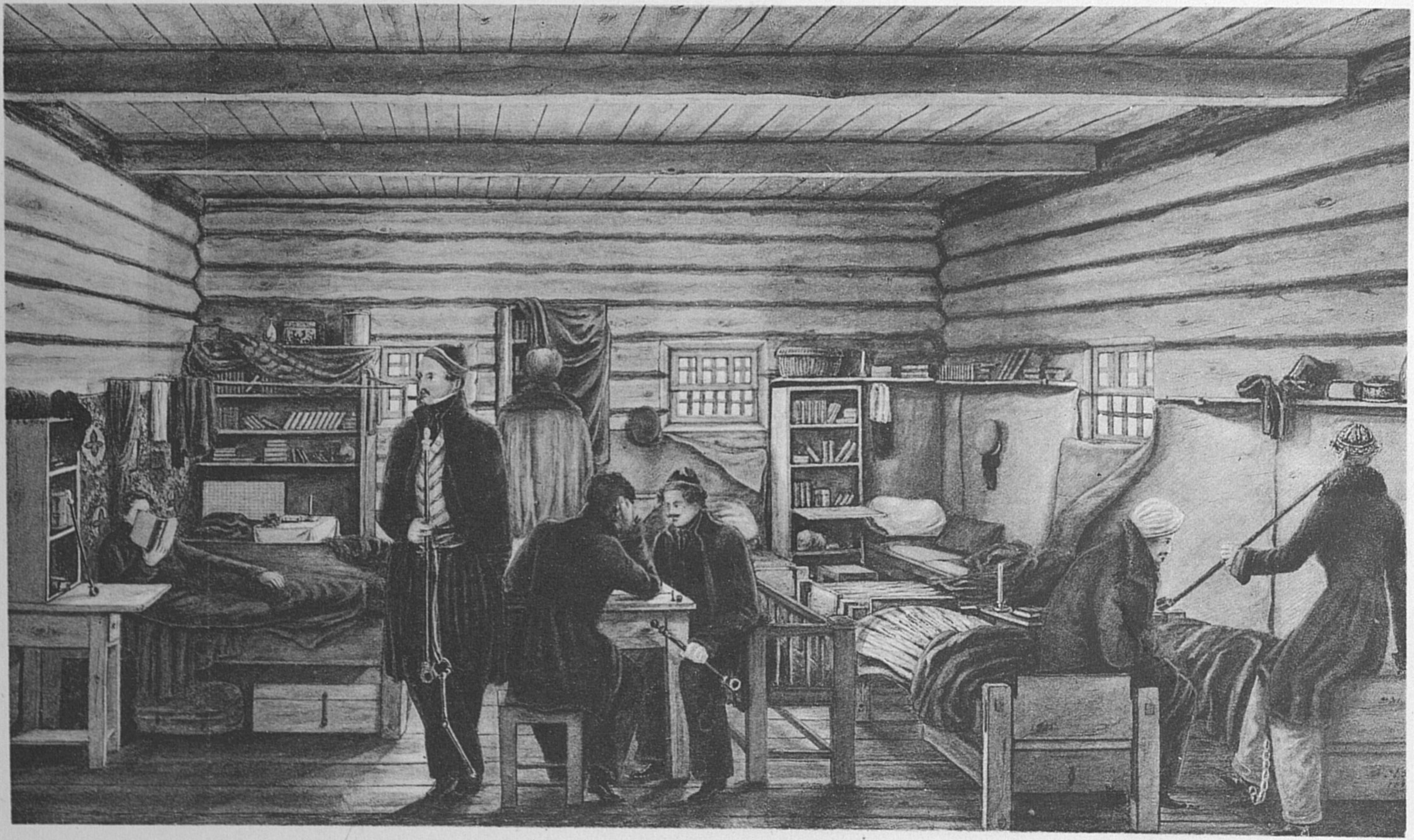
Все значеніе этого скачка выяснилось однако не сразу. На первыхъ порахъ людямъ, сознавшимъ недостатки русскаго быта, представлялось важнымъ лишь выяснить точ-

нѣе сущность этихъ недостатковъ, а вопросъ о средствахъ ихъ устраненія не казался особенно затруднительнымъ и не привлекалъ къ себѣ большого вниманія. Въ этомъ направленіи и шли горячіе разговоры въ кружкахъ офицерской молодежи. «Въ бесѣдахъ нашихъ,— разсказываетъ участникъ одного изъ такихъ кружковъ,—обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще». Такимъ образомъ, идеи, недавно еще бывшія въ Россіи достояніемъ лишь отдѣльныхъ мыслителей, теперь проникли въ гвардейскія и армейскія казармы и нашли себѣ здѣсь горячихъ прозелитовъ, ревностно поведшихъ дальнѣйшую ихъ пропаганду. «На каждомъ шагу—разсказывалъ впослѣдствіи И. Д. Якушкинъ — встрѣчались Скалозубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было не понятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько возовъ палокъ. Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ, какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія уничтожалось и самое дворянство. По мнѣнію тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа. Вообще, свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины».

По мѣрѣ разростанія такой пропаганды и сближенія захваченныхъ ею лицъ въ ихъ средѣ естественно возни-

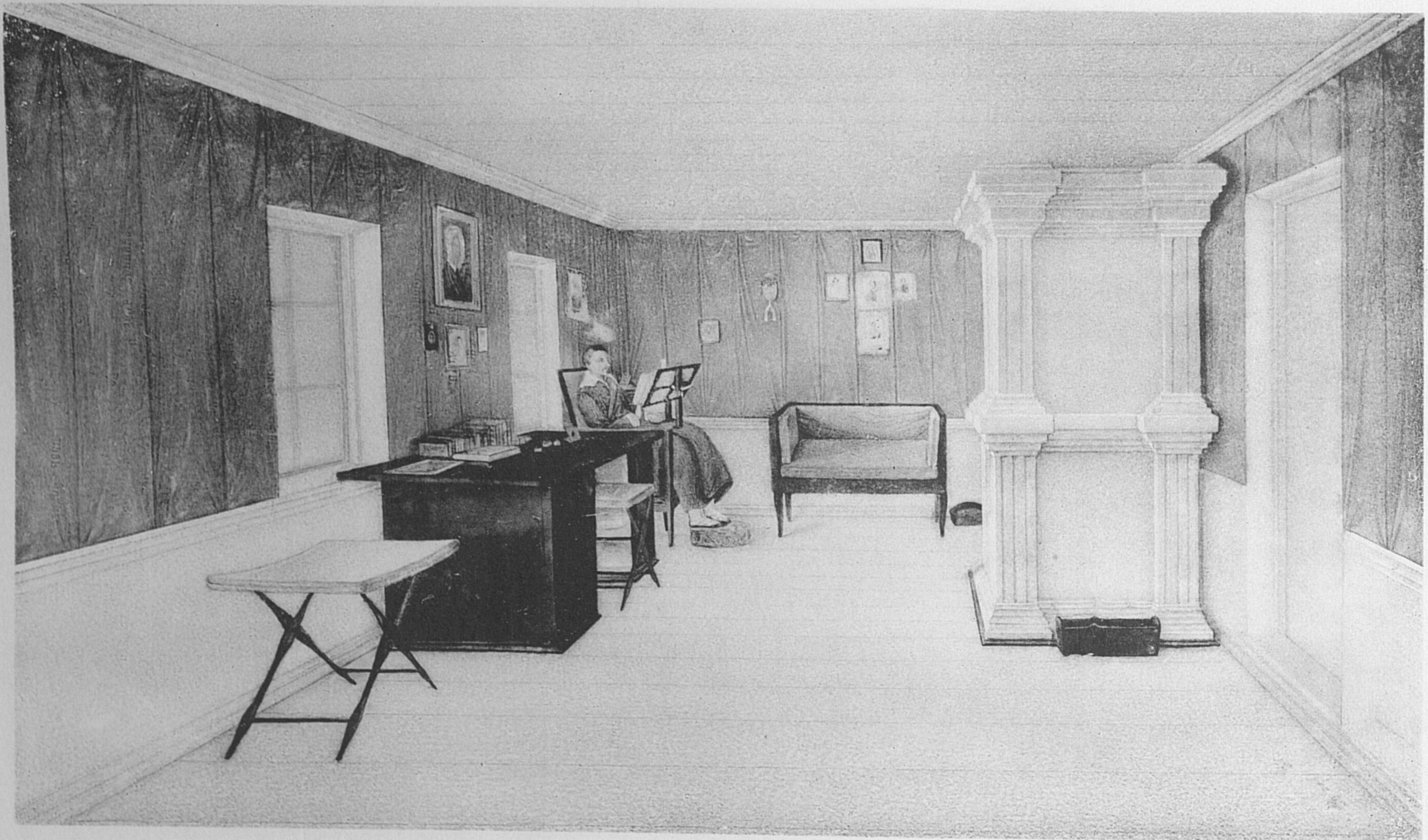

Петровскій заводъ—мѣсто заключенія декабристовъ.

И. А. Анненковъ. Крюковъ. Князь А. И. Барятинскій. Баронъ А. Е. Розенъ.

Камера декабристовъ въ Читинскомъ острогѣ. (1829 г.).

Кабинетъ И. Д. Якушкина въ Ялуторовскѣ. (1836-1855 г.г.).

Казнены чрезъ повѣшеніе 13 іюля 1826 г. на валу Кронверкской куртины Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ.

кала мысль о необходимости объединенія усилій, направленныхъ къ одной и той же общей цѣли. Путь для этого былъ указанъ опытомъ той же Западной Европы, изъ которой проникли на русскую почву освободительныя идеи. «Въ то время — говоритъ М. А. Фонъ-Визинъ — многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба со страстью учились и преимущественно читали сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія теоріи и системы, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи, завезены были въ Петербургъ и навели... на мысль учредить тайное политическое общество въ Россіи». Такимъ путемъ въ началѣ 1817 года образовался «Союзъ Спасенія» или, какъ онъ иначе назывался, «Союзъ истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Союзъ этотъ былъ первоначально основанъ кн. С. П. Трубецкимъ, который сдѣлался въ немъ и предсѣдателемъ, братьями Муравьевыми-Апостолами, Н. М. Муравьевымъ и нѣкоторыми другими лицами изъ находившейся въ столицѣ офицерской молодежи; вскорѣ къ нему присоединились и новыя лица, среди которыхъ особенно выдавались составившій уставъ для «Союза» Пав. Ив. Пестель, Новиковъ, Лунинъ, Ѳ. Н. Глинка, кн. Долгоруковъ и кн. Шаховской. Члены союза обязывались по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовать всѣмъ благимъ начинаніямъ правительства и частныхъ лицъ, добиваться улучшенія и исправленія администраціи, обличая злоупотребленія отдѣльныхъ ея дѣятелей, распространять просвѣщеніе и смягчать общественные нравы путемъ лич-

наго примѣра и распространенія гуманныхъ идей. Зимою 1817—18 г. «Союзъ Спасенія» былъ преобразованъ въ «Союзъ Благоденствія», число членовъ тайнаго общества значительно расширилось и для Союза былъ выработанъ Ал. и Мих. Муравьевыми, кн. Трубецкимъ и Колошинымъ новый уставъ, получившій названіе «Зеленой Книги». Въ этомъ уставѣ, въ основу котораго легъ уставъ нѣмецкаго Тугендбунда, политическая цѣль тайнаго общества была подчеркнута болѣе рѣзко, но тѣмъ не менѣе оно еще не получило вполнѣ опредѣленнаго и законченнаго характера, и самыя собранія членовъ общества напоминали скорѣе случайныя сборища политическихъ единомышленниковъ, чѣмъ организованныя сходки заговорщиковъ.

Пока тайное общество и не являлось, въ сущности, заговоромъ. Правда, его организаторы уже при первоначальномъ его возникновеніи преслѣдовали цѣли преобразованія соціальнаго и государственнаго быта Россіи. Какъ свидѣтельствуетъ Фонъ-Визинъ, уже при созданіи «Союза Спасенія» имѣлось въ виду «ограничить самодержавіе» и добиться осуществленія «тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ». Съ своей стороны Пестель впослѣдствіи показывалъ, что «настоящая цѣль перваго общества была введеніе монархическаго конституціоннаго правленія, а одно освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости было цѣлью при самомъ первомъ началѣ и весьма короткое время, но вмѣстѣ съ принятіемъ устава объ устройствѣ общества принята и цѣль конституціи». Но, стремясь къ уничтоженію крѣпостного права и къ ограниченію самодержавія, члены тайнаго общества первоначально не предполагали рѣшительно разрывать съ правительствомъ, а разсчитывали лишь нѣсколько опережать его дѣятельность, подготовляя въ сознаніи общества почву для благодѣтельныхъ реформъ, которыя могли

бы быть проведены волею власти. Скоро, однакоже, сторонникамъ реформаторскаго движенія пришлось убѣдиться въ томъ, что имъ предстоитъ столкнуться не только съ косностью общества, но и съ реакціонными стремленіями правительства, рѣшительно повернувшаго на такую дорогу, которая не имѣла ничего общаго съ преобразованіемъ государственнаго строя на началахъ гражданской и политической свободы.

По мѣрѣ того, какъ выяснялось это обстоятельство, точнѣе опредѣлялась и позиція тайнаго общества. Поворотъ правительства на дорогу реакціи напугалъ тѣхъ, кто раздѣлялъ либеральныя убѣжденія лишь въ силу подчиненія модѣ, одно время пользовавшейся даже покровительствомъ власти, но вызвалъ глубокое негодованіе въ умахъ людей, искренно проникшихся идеями свободы и уваженія къ человѣческой личности. «Одна мысль о военныхъ поселеніяхъ—говорилъ Пестель въ своей «Русской Правдѣ»—наполняетъ каждую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ. Сколько пало невинныхъ жертвъ для пресыщенія того неслыханнаго зловластія, которое съ яростью мучило несчастныя селенія, для сего заведенія отданныя! Сколько денежныхъ суммъ, на сей предметъ расточенныхъ, всѣ силы государства нарочито соединяя для гибели государства! И все сіе для удовлетворенія неистовому упрямству одного человѣка». «Кончилась война съ Наполеономъ,—писалъ впослѣдствіи другой изъ членовъ тайнаго общества, П. Гр. Каховскій, имп. Николаю — мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ; съ нетерпѣніемъ ждали закона постановительнаго и преобразованія судопроизводства нашего; ждали и что-жь: чрезъ 12 лѣтъ ожиданія лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ... Взгляните на состояніе народное—что есть у насъ: безопасность лицъ и собственность ничѣмъ не оргаждена; совершенное отсутствіе закона и справедли-

вости въ судопроизводствѣ, тяжкіе налоги, взимаемые не съ пріобрѣтеній, но разрушающіе капиталы; убитая торговля, сжатое просвѣщеніе, задушенная свобода — вотъ наше богатство, наше достояніе. Государь, станьте частнымъ лицомъ въ государствѣ нашемъ и спросите самого себя, что бы вы произвели на нашемъ мѣстѣ, когда бы подобный вамъ человѣкъ могъ располагать вами по своему произволу, какъ вещью... Можно ли допустить человѣку, намъ всѣмъ подобному, вертѣть по своему произволу участью пятидесяти милліоновъ людей? Гдѣ, укажите мнѣ страну, откройте исторію, гдѣ, когда, были счастливы народы подъ властью самодержавною, безъ закона, безъ правъ, безъ собственности?» Такимъ образомъ, въ то время, какъ одна часть увлекшагося освободительными идеями общества готова была вслѣдъ за правительствомъ повернуть обратно, среди другой закипало бурное негодованіе, заставлявшее ее находить путь мирной пропаганды слишкомъ долгимъ и медлительнымъ.

Оба эти противорѣчивыя теченія сказались и въ рядахъ самого тайнаго общества, и, благодаря этому, оно не смогло удержаться въ прежнемъ своемъ видѣ. Въ началѣ 1821 года созванъ былъ въ Москвѣ съѣздъ представителей Союза Благоденствія и на этомъ съѣздѣ рѣшено было въ виду обнаружившихся разногласій закрыть Союзъ. Но въ сущности это закрытіе послужило лишь средствомъ къ удаленію изъ тайнаго общества нерѣшительныхъ и ненадежныхъ членовъ. Болѣе рѣшительные изъ этихъ членовъ вовсе не думали отказываться отъ начатой работы, и немедленно вслѣдъ за закрытіемъ Союза Благоденствія возникли два новыя общества, Сѣверное и Южное, названныя такъ по мѣсту своихъ дѣйствій. Всѣ наиболѣе энергичные участники бывшаго Союза вступили въ эти два общества и занялись дѣятельной вербовкой новыхъ членовъ, набирая ихъ по преимуществу среди молодыхъ офицеровъ. Впрочемъ, Сѣверное общество,

распространявшее свою пропаганду главнымъ образомъ среди расположенныхъ въ Петербургѣ гвардейскихъ полковъ, дѣйствовало въ этомъ отношенiи менѣе энергично, и дѣятельность его замѣтно оживилась лишь съ вступленiемъ въ него въ 1823 г. Рылѣева, который очень скоро сталъ здѣсь и во главѣ общества, вмѣстѣ съ кн. Оболенскимъ и Никитой Муравьевымъ. Гораздо энергичнѣе вело дѣло пропаганды и прiобщенiя новыхъ членовъ Южное общество, общепризнаннымъ главою котораго являлся полковникъ Пестель и которое дѣйствовало на югѣ Россiи въ мѣстахъ расположенiя второй армiи и главнымъ образомъ въ Тульчинѣ, гдѣ находился главный ея штабъ. Съ 1823 года Южное общество было раздѣлено на три «управы», Тульчинскую, Каменскую и Васильковскую, состоявшiя подъ общимъ руководствомъ Тульчинской директорiи. Въ эту директорiю входили первоначально Пестель и генералъ-интендантъ второй армiи Юшневскiй, а позднѣе къ нимъ былъ присоединенъ и выдававшiйся своею энергичною дѣятельностью предсѣдатель Васильковской управы, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Между прочимъ Васильковская управа при посредствѣ одного изъ своихъ членовъ, Бестужева-Рюмина, убѣдила вступить въ составъ Южнаго общества основанное подпоручикомъ П. И. Борисовымъ въ 1823 г. «Общество Соединенныхъ Славянъ», члены котораго поставили своей задачей созданiе свободной федерацiи славянскихъ республикъ. Васильковская же управа первая открыла сношенiя съ польскими тайными обществами, а затѣмъ уже и Пестель вступилъ въ переговоры съ представителемъ польскаго «Патрiотическаго Союза», кн. Яблоновскимъ.

Расширяя свою пропаганду, вербуя новыхъ членовъ и заводя новыя сношенiя, тайное общество преслѣдовало теперь болѣе опредѣленно и рѣшительно поставленныя цѣли. Окончательно разочаровавшись въ благихъ намѣренiяхъ самодержавнаго правительства, на ихъ глазахъ

все тяжелѣе угнетавшаго народъ, члены тайнаго общества всѣ свои надежды возложили исключительно на собственныя усилія. Соотвѣтственно этому и Сѣверное, и Южное общество сходились на одномъ и томъ же планѣ—подчинить своему вліянію болѣе или менѣе значительную часть войска и, опираясь на нее, произвести насильственный переворотъ, направленный къ низверженію самодержавія и уничтоженію крѣпостного права. По вопросу о томъ, каково должно быть дальнѣйшее устройство государства, мнѣнія различныхъ членовъ общества расходились и, хотя въ его средѣ существовали болѣе или менѣе тщательно разработанные проекты такого устройства, но эти проекты принадлежали отдѣльнымъ членамъ и во многомъ различались между собою. Среди членовъ Сѣвернаго общества большою популярностью пользовался проектъ конституціи, составленный Никитой Муравьевымъ, въ Южномъ обществѣ такую же популярность имѣла «Русская Правда» Пестеля, встрѣчавшая, впрочемъ, сочувствіе и у нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго общества. Оба эти конституціонные проекта исходили изъ одной и той же основной идеи народовластія, но примѣненіе этой идеѣ въ нихъ давалось далеко не одинаковое.

По проекту Муравьева, составленному подъ сильнымъ вліяніемъ сѣверо-американской конституціи, Россія должна была обратиться въ конституціонную монархію, построенную на федеративномъ началѣ. Основной законъ государства долженъ былъ отмѣнить крѣпостное право, установить равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, установить свободу совѣсти и свободу устнаго и печатнаго слова. Законодательная власть должна была находиться въ совмѣстномъ обладаніи императора и народнаго вѣча, составленнаго изъ двухъ палатъ, палаты представителей и верховной думы, причемъ императору не предоставлялось права безусловнаго veto. Выборы членовъ обѣихъ палатъ должны были происходить на основѣ довольно

высокаго имущественнаго ценза. При этомъ выборы членовъ палаты представителей предполагались прямые, за исключеніемъ выборовъ отъ крестьянства, которые проектировалось сдѣлать двухстепенными. Члены же верховной думы должны были избираться въ «правительствующихъ собраніяхъ» отдѣльныхъ федеративныхъ единицъ или «державъ», на которыя предполагалось раздѣлить Россію. Эти правительствующія собранія, въ вѣдѣніе которыхъ проектировалось передать вопросы мѣстнаго законодательства отдѣльныхъ «державъ», должны были въ свою очередь состоять изъ двухъ палатъ—палаты выборныхъ и державной думы, причемъ отъ избирателей и членовъ обѣихъ палатъ также требовался имущественный цензъ. Въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ Муравьевъ нѣсколько разъ измѣнялъ свои планы: сперва онъ думалъ произвести это освобожденіе безъ всякаго надѣленія крестьянъ землею, затѣмъ проектировалъ отдать крестьянамъ въ собственность ихъ усадьбы и огороды и, наконецъ, остановился на мысли дать освобождаемымъ отъ крѣпостного ига крестьянамъ двухъ-десятинные надѣлы. Иной характеръ носилъ проектъ Пестеля, изложенный имъ въ «Русской Правдѣ» и «Государственномъ Завѣтѣ». Этотъ проектъ также устанавливалъ отмѣну крѣпостного права, равенство гражданъ передъ закономъ, свободу совѣсти, свободу устнаго и печатнаго слова и независимость суда отъ администраціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Пестель шелъ въ своемъ демократизмѣ гораздо дальше. Горячо возставая противъ федеративнаго устройства, въ которомъ онъ видѣлъ попытку возвращенія къ удѣльнымъ порядкамъ, онъ въ то же время являлся послѣдовательнымъ противникомъ монархическаго принципа и проектировалъ обращеніе Россіи въ единую и нераздѣльную республику, съ выдѣленіемъ изъ нея только Польши, которая должна была образовать самостоятельную республику, связанную однакоже

постояннымъ союзомъ съ Россіей. Законодательную власть въ этой будущей русской республикѣ предполагалось вручить состоящему изъ одной палаты и избираемому на пять лѣтъ народному вѣчу, верховная исполнительная власть должна была находиться въ рукахъ державной думы, избираемой также на пять лѣтъ въ составѣ пяти человѣкъ. Выборы въ оба эти учрежденія проектировались двухстепенные, но при этомъ ни для участія въ выборахъ, ни для права быть избраннымъ не устанавливалось никакого имущественнаго ценза. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ Пестеля заключалъ въ себѣ и нѣкоторыя попытки соціальныхъ реформъ. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права должно было, по этому проекту, сопровождаться и надѣленіемъ ихъ землею: именно, крестьяне должны были получить въ общественную собственность половину земель, находившихся въ обладаніи помѣщиковъ. Одновременно съ этимъ во всѣхъ волостяхъ въ частной собственности «вольныхъ землевладѣльцевъ» должна была остаться лишь половина земель, а другая половина должна была перейти путемъ выкупа ея государствомъ въ «общественную собственность», причемъ изъ этихъ послѣднихъ земель предполагалось составить своего рода государственный земельный фондъ, на пользованіе которымъ въ размѣрѣ, необходимомъ для пропитанія, имѣлъ бы право каждый гражданинъ, приписанный къ данной волости.

Проекты Муравьева и Пестеля неоднократно обсуждались въ собраніяхъ отдѣльныхъ членовъ тайнаго общества, по поводу ихъ высказывались различныя мнѣнія, но ни одинъ изъ этихъ проектовъ въ сущности не былъ принятъ обществомъ. По словамъ самого Пестеля, «изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны или предлагаемы или о коихъ было говорено, ни одна не была докончена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было

и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была, такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ». Въ сущности, члены тайнаго общества не признавали за собою даже права вводить въ Россіи ту или иную законченную конституцію. По мнѣнію Рылѣева, тайныя общества могли лишь разрушить то правленіе, которое признавали «неудобнымъ для своего отечества, и потомъ тотъ государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обоихъ обществъ, представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ проектъ», а «насильное введеніе» такого устава явилось бы «нарушеніемъ правъ народа». Съ этимъ мнѣніемъ соглашались и другіе видные дѣятели Сѣвернаго общества и на совѣщаніи ихъ, по словамъ Рылѣева, «приговору Великаго Собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасность. Проектъ конституціи, составленный Муравьевымъ, должно было представить народному Собору какъ проектъ». Въ свою очередь и Пестель разсматривалъ свою «Русскую Правду» не столько какъ основной конституціонный законъ, сколько какъ наказъ временному правительству, хотя такое опредѣленіе и не было вполнѣ согласовано съ ея содержаніемъ.

На ряду съ вопросомъ о томъ устройствѣ, какое должно было быть придано государству послѣ переворота, тайному обществу, переродившемуся въ военный заговоръ, предстояло рѣшить вопросъ о планѣ самаго переворота. Для общества, составленнаго по преимуществу изъ военной молодежи [1]) и рѣшившагося дѣйствовать

[1]) Приблизительное понятіе объ участіи въ тайномъ обществѣ людей различныхъ поколѣній могутъ дать слѣдующія данныя: изъ 117 лицъ, осужденныхъ въ 1826 г. верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ возрастѣ отъ

революціоннымъ путемъ, наиболѣе подходящей формой переворота естественно представлялось открытое возстаніе войска, столько разъ повторявшееся въ то время въ различныхъ европейскихъ государствахъ и казавшееся тѣмъ болѣе возможнымъ въ Россіи, что среди русской арміи былъ широко разлитъ духъ недовольства. Въ общемъ своемъ видѣ этотъ планъ и былъ принятъ, но обо всѣхъ его подробностяхъ въ обществѣ велись только разговоры. Въ этихъ разговорахъ проектировались различные сроки возстанія, указывались разные способы его подготовки, взвѣшивались и обсуждались возможныя препятствія и средства ихъ устраненія, высказывались мнѣнія о необходимости убить императора и истребить царствующую фамилію, намѣчались даже лица, готовыя взять на себя эту задачу. Но разговоры и предположенія не успѣли превратиться въ строго обдуманный планъ общихъ дѣйствій. Раньше, чѣмъ могъ быть выработанъ такой планъ, неожиданныя событія вынудили тайное общество выйти на открытую арену и приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Внезапная смерть имп. Александра застигла тайное общество врасплохъ и въ первую минуту оно не разсчитывало воспользоваться моментомъ смѣны императора для осуществленія своихъ плановъ. Но касавшіяся престолонаслѣдія распоряженія Александра I и колебанія его наслѣдниковъ создали въ Россіи длительное междуцарствіе, на престолъ готовился вступить нелюбимый гвардіей и успѣвшій уже проявить свои деспотическія наклонности Николай Павловичъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ тайному обществу стало извѣстно, что его существованіе уже открыто правительствомъ. При такихъ условіяхъ руководители Сѣвернаго общества не рискнули пропу-

20 до 25 лѣтъ находились 36 человѣкъ, отъ 26 до 30 лѣтъ—43, отъ 31 до 35 лѣтъ—25, отъ 36 до 40 лѣтъ—10, отъ 41 до 45 лѣтъ—2 и отъ 46 до 50 лѣтъ—одинъ.

стить единственную удобную минуту и рѣшились попытаться «доставить Россіи правильное правленіе, воспользовавшись обстоятельствами, небывалыми въ Россіи»,— рѣшились скорѣе въ силу сознанія необходимости принести себя въ жертву во имя идеи, чѣмъ вслѣдствіе твердой надежды на успѣхъ. «Мало видовъ на успѣхъ,— говорилъ Рылѣевъ—но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и примѣръ принесутъ пользу». «Предвижу,— говорилъ онъ же въ другой разъ—что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо. Тактика революцій заключается въ одномъ словѣ: дерзай, и, ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ».

Роковое предчувствіе не обмануло Рылѣева. Попытка открытаго возстанія, произведенная 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ, окончилась полной неудачей, и всѣ дѣятели Сѣвернаго общества попали въ руки правительства. Такъ же неудачна была и попытка возстанія, предпринятая на югѣ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, а остальные члены Южнаго общества, уже раньше прослѣженные агентами правительства, были перехватаны прежде, чѣмъ успѣли приступить къ какимъ-либо дѣйствіямъ. Для декабристовъ наступилъ часъ расплаты за ихъ мечты о свободѣ русскаго народа, и эта расплата оказалась въ высшей степени жестокой.

Участь декабристовъ была предрѣшена Николаемъ Павловичемъ уже въ самый моментъ подавленія заговора. «Страшно сказать,—писалъ Николай 15 декабря своему брату въ Варшаву—но необходимъ внушительный примѣръ, и такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ убійцахъ, то ихъ участь не можетъ быть достаточно сурова». «Ваше поведеніе, дорогой братъ,—отвѣчалъ ему Константинъ Павловичъ — безподобно, но, ради Бога, обдумывайте его, и пусть ваше милосердіе не увлечетъ васъ слишкомъ далеко». «Милосердіе» имп. Николая и не увлекло его особенно далеко. Слѣдствіе надъ дека-

бристами производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ императора и онъ самъ распоряжался допросами и пытками главнѣйшихъ обвиняемыхъ. Что касается суда, то онъ явился лишь грубою пародіей на судъ: судебная коммиссія, дѣйствовавшая подъ именемъ верховнаго уголовнаго суда, осудила обвиняемыхъ, не потрудившись ни допросить, ни повидать ихъ, и въ своемъ приговорѣ буквально слѣдовала указаніямъ императора. Въ концѣ концовъ изъ 117 лицъ, преданныхъ верховному уголовному суду, пятеро—Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Мих. Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій—были приговорены къ повѣшенію, 31—къ безсрочной каторгѣ, а остальные—къ срочной каторгѣ, къ заключенію въ крѣпости и къ другимъ карамъ.

Этотъ трагическій конецъ декабристовъ прочно закрѣпилъ въ сознаніи русскаго общества значеніе того дѣла, которому они служили. Несовмѣстимость идеи народной свободы съ самодержавнымъ и крѣпостнымъ строемъ старой Россіи была выяснена еще раньше декабристовъ, какъ раньше ихъ начался въ Россіи и мартирологъ мучениковъ за эту идею. Но декабристы первые указали путь активнаго проведенія этой идеи въ русскую жизнь и первые пошли по найденному пути до конца. Начатое ими революціонное движеніе привело ихъ къ висѣлицѣ и каторгѣ, но ни каторга, ни висѣлица не уничтожили основныхъ идей этого движенія и не помѣшали ему возродиться съ новою силою. Для позднѣйшихъ поколѣній благородная попытка пламенныхъ энтузіастовъ Александровской эпохи явилась своего рода маякомъ, освѣщавшимъ путь возможной работы для блага народа, и не прошло еще десяти лѣтъ со времени приговора надъ декабристами, какъ юноша Герценъ уже далъ себѣ клятву продолжать начатое ими дѣло завоеванія свободы для русскаго народа.

В. Мякотинъ.

Лица, имѣвшія отношеніе къ событію 14 декабря 1825 г., еще въ прошломъ вѣкѣ привлекли къ себѣ вниманіе всѣхъ, интересующихся русской исторіей, и съ 60-хъ годовъ появляются о нихъ біографическія свѣдѣнія въ спеціальной и общей печати того времени. Съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія этими свѣдѣніями становятся богаты историческія изданія, какъ «Русская Старина» и «Русскій Архивъ», а съ 80-хъ годовъ и «Историческій Вѣстникъ», давшія и портреты нѣкоторыхъ декабристовъ. Въ ближайшее къ намъ время этимъ лицамъ посвящаются спеціальныя изслѣдованія, какъ книга г. Дмитріева-Мамонова «Декабристы въ Западной Сибири», а вышедшая въ 1902 г. книга Шильдера «Императоръ Николай I» содержитъ 23 портрета декабристовъ *). Въ самое послѣднее время фонъ-Визину, бар. Штейнгелю и кн. Оболенскому посвящены обстоятельныя біографіи гг. Семевскаго, Богучарскаго и Щеголева, Пестелю—г. Павлова-Сильванскаго, Тургеневу — г. Корнилова. Настоящее изданіе является, такимъ образомъ, естественнымъ шагомъ впередъ въ давно уже намѣченномъ направленіи. Дошедшіе до насъ портреты декабристовъ **) обязаны своимъ происхожденіемъ искусной, быстрой и вѣрной кисти Н. А. Бестужева. Еще въ Читинскомъ острогѣ, по свидѣтельству такихъ очевидцевъ, какъ Бѣляевъ, Розенъ, Свистуновъ и др., Бестужевъ снималъ со своихъ товарищей акварельные портреты. Мы имѣли случай

*) Только С. И. Муравьевъ-Апостолъ ошибочно названъ тамъ Матвѣемъ Ивановичемъ.

**) Разумѣемъ ту коллекцію портретовъ, которая положена въ основу настоящаго изданія.

видѣть портреты нѣкоторыхъ иркутянъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, несомнѣнно принадлежащіе кисти Бестужева, и удивляться тонкости и отчетливости его работы. Во время жизни Бестужевыхъ въ Селенгинскѣ, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» М. А. Бестужевъ, «у насъ съ нимъ (братомъ) было намѣреніе составить по возможности полныя біографіи всѣхъ нашихъ товарищей, и братъ имѣлъ намѣреніе приложить ихъ къ коллекціи портретовъ, нарисованныхъ имъ акварелью съ изумительнымъ сходствомъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ портретовъ, за спѣшностью отправленія назначеннаго на поселеніе, были сняты въ нѣсколько часовъ. Эта коллекція увезена сестрой Еленой Александровной». Въ 60-хъ годахъ коллекція эта была продана К. Т. Солдатенкову. Но у Бестужева, несомнѣнно, осталась еще коллекція этихъ портретовъ въ копіяхъ, перешедшая въ собственность селенгинскаго купца М. М. Лушникова, съ которымъ Бестужевъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. «Братъ и я, говоритъ М. Бестужевъ, мы полюбили его за патріархальную простоту, доброту и правоту. Одного изъ его сыновей братъ училъ рисовать». Эта коллекція портретовъ въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ была отправлена въ Россію, для ея напечатанія или передачи въ какое-либо учрежденіе, съ кяхтинскимъ коммиссаромъ Пфаффіусомъ, который неожиданно скончался въ Иркутскѣ, и дальнѣйшая ея судьба неизвѣстна. Но еще ранѣе, въ половинѣ 70-хъ годовъ, та же самая коллекція была прислана въ Москву съ той же самой цѣлью, но дѣло не могло состояться по цензурнымъ условіямъ того времени. Тогда, съ разрѣшенія владѣльца коллекціи, А. М. Лушникова, Н. М. Зензиновъ предложилъ извѣстному въ Москвѣ въ 70-хъ годахъ талантливому художнику-портретисту Питчу нарисовать карандашомъ портреты съ оригиналовъ лушниковской коллекціи. Такова исторія портретовъ, воспроизведенныхъ въ настоящемъ изданіи. Декабристы За-

валишинъ, Бѣляевъ и М. И. Муравьевъ-Апостолъ, видѣвшіе эти портреты, не разъ удостовѣряли ихъ сходство съ оригиналами; то же самое подтверждали и лица, видѣвшія декабристовъ еще въ 30-хъ годахъ. Кромѣ того, для настоящаго изданія употреблены портреты, фотографическія карточки и литографіи, составлявшіе коллекцію М. И. Муравьева-Апостола и пріобрѣтенные въ февралѣ 1903 г. у его недавно скончавшейся воспитанницы А. П. Созоновичъ, а также портреты изъ коллекцій Е. В. Якушкина и кн. С. И. Шаховского. Портретъ Пестеля заимствованъ изъ «Альбома пушкинской худож. выставки», а В. К. Кюхельбекера—изъ «Рус. Стар.». Всѣ портреты, принадлежащіе къ основной коллекціи М. М. Зензинова, ея владѣльца въ настоящее время, и впервые здѣсь воспроизведенные въ ея полномъ составѣ, отмѣчены звѣздочкой.

Портреты декабристовъ, составляющіе центръ тяжести настоящаго изданія, сопровождаются необходимымъ пояснительнымъ текстомъ. Огромное количество матеріала, накоплявшагося по данному вопросу въ теченіе полувѣка, сдѣлало неизбѣжными опущенія, недосмотры и, быть можетъ, нѣкоторыя фактическія ошибки при составленіи пояснительнаго текста къ портретамъ, а потому очень было бы важно, въ интересахъ возможной исторической точности, если бы лица, располагающія нужными свѣдѣніями, преимущественно потомки упомянутыхъ въ настоящемъ изданіи декабристовъ,—подѣлились данными своихъ фамильныхъ архивовъ и сообщили свои поправки и указанія въ складъ изданія (Москва, Большой Кисельный пер., д. Франкъ, контора Бр. Зензиновыхъ) на имя Петра Михайловича Головачева.

x

Иванъ Борисовичъ
Аврамовъ.

Аврамовъ И. Б.

Иванъ Борисовичъ Аврамовъ, поручикъ генеральнаго штаба по квартирмейстерской части, родился въ 1802 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ домѣ родителей подъ руководствомъ иностранныхъ наставниковъ, затѣмъ учился въ пансіонѣ при тульскомъ александровскомъ училищѣ и наконецъ въ знаменитой муравьевской школѣ колонновожатыхъ въ Москвѣ. Аврамовъ принадлежалъ къ Южному обществу, но не выдавался особенной дѣятельностью. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли». Аврамовъ былъ причисленъ къ VII разряду осужденныхъ и приговоренъ къ 4 годамъ каторги и 2 годамъ поселенія. Въ 1828 г. онъ былъ отправленъ въ Туруханскъ, гдѣ впослѣдствіи сталъ заниматься торговлей въ качествѣ приказчика у одного изъ мѣстныхъ купцовъ. Въ январѣ 1856 г. Аврамовъ былъ зарѣзанъ у себя на квартирѣ въ Туруханскѣ съ цѣлью ограбленія вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, декабристомъ Лисовскимъ.

Аврамовъ П. В.

Павелъ Васильевичъ Аврамовъ, полковникъ казанскаго пѣхотнаго полка, родился въ 1791 г. и получилъ образованіе въ І-мъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена». Онъ принадлежалъ къ Южному о-ву и былъ осужденъ по IV разряду на 15 л. каторжныхъ работъ и 12 лѣтъ поселенія. Аврамовъ скончался на поселеніи въ с. Оёкѣ Иркутской губ. близъ Иркутска 5 ноября 1836 г. Не выдававшійся по энергіи, Аврамовъ отличался мягкостью и привлекательностью характера и теплымъ отношеніемъ къ дѣлу тайнаго общества. Аврамовъ былъ добрый, общительный, веселый человѣкъ; онъ помогалъ другимъ, заступался за невинныхъ и пользовался общей любовью. Онъ любилъ свой казанскій полкъ и въ тюрьмѣ и ссылкѣ часто вспоминалъ о немъ въ трогательныхъ стихахъ. Одаренный наблюдательностью и воображеніемъ, Аврамовъ былъ прекраснымъ разсказчикомъ и владѣлъ чистымъ и правильнымъ русскимъ языкомъ. Особенно удавались ему разсказы изъ солдатской жизни, которую онъ зналъ очень хорошо.

Павелъ Васильевичъ
Аврамовъ.

Анненковъ И. А.

Иванъ Александровичъ Анненковъ, поручикъ кавалергардскаго полка, родился въ 1802 г. Онъ получилъ домашнее образованіе подъ руководствомъ гувернеровъ— швейцарца Дюбуа и француза Бержэ. Мать его, Анна Ивановна, обладала огромнымъ состояніемъ, была женщина холодная, эгоистичная, безсердечная и отличилась необыкновенными причудами и капризами. Анненковъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, былъ признанъ виновнымъ «въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли», причисленъ къ II разряду осужденныхъ и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ и вѣчному поселенію въ Сибири (смягченный приговоръ вмѣсто смертной казни). Въ 1828 г. въ мѣсто заключенія Анненкова прибыла его невѣста, француженка Полина Гёбль, (Geuble, Прасковья Егоровна), которая уже имѣла отъ него дочь. Она съ громаднымъ трудомъ испросила разрѣшеніе Николая I на путешествіе въ Сибирь и на бракъ съ Анненковымъ. Въ 1836 г. Анненковъ былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и водворенъ въ селѣ Бѣльскомъ Иркутской губ., а въ 1839 г. переведенъ въ Тобольскую губ. съ правомъ поступленія на гражданскую службу и опредѣленъ копіистомъ въ туринскій земскій судъ. Въ Туринскѣ Анненковъ съ семьей велъ скромный образъ жизни, будучи вполнѣ обезпеченъ тѣми денежными средствами, которыя получалъ изъ Россіи.

Неприглядное прозябаніе въ захолустномъ Туринскѣ съ его суровымъ климатомъ заставили Анненкова хлопотать о переводѣ въ какую нибудь мѣстность Тобольской губ. съ лучшими условіями для жизни, и въ іюнѣ 1841 г. онъ былъ перемѣщенъ на жительство въ Тобольскъ, гдѣ принятъ въ штатъ канцеляріи общаго губернскаго управленія канцелярскимъ служителемъ 4 разряда. Лишь въ 1848 г. Анненковъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора и въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ исправляющимъ должность засѣдателя тобольскаго приказа о ссыльныхъ, а въ 1851 г. получилъ должность засѣдателя тобольскаго приказа общественнаго призрѣнія. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Тобольскъ Анненковъ пріобрѣлъ себѣ помѣстительный деревянный домъ на углу Мокринской улицы и Селивановскаго переулка, гдѣ и образовался одинъ изъ центровъ обширной семьи декабристовъ, поселенныхъ въ Тобольскѣ. Анненковъ былъ совершенно счастливъ въ супружествѣ съ Прасковьей Егоровной, маленькой, живой брюнеткой, плохо говорившей порусски. Онъ былъ чрезвычайно заботливымъ и нѣжнымъ отцомъ, очень любилъ своихъ сыновей и дочерей и тщательно занимался ихъ воспитаніемъ. Обыкновенно послѣ обѣда, разсказывалъ намъ одинъ очевидецъ, Анненковъ выкуривалъ сигару, вынималъ изъ угла эспадроны и рапиры и приглашалъ всѣхъ дѣтей заняться фехтованіемъ, въ которомъ былъ замѣчательно искусенъ. Въ 1856 г. Анненковъ покинулъ Тобольскъ, оставивъ самыя лучшія воспоминанія среди сослуживцевъ и городскихъ жителей, съ уваженіемъ относившихся къ его твердымъ, независимымъ убѣжденіямъ и высокимъ нравственнымъ качествамъ. Родственники, наслѣдовавшіе въ 1825 г. его имущество, уступили ему столько, что онъ могъ жить безбѣдно. Съ 1861 г. Анненковъ былъ нижегородскимъ предводителемъ дворянства нѣсколько трехлѣтій подрядъ, пока его здоровье не разстроилось совер-

Иванъ Александровичъ
Анненковъ.

шенно и отъ старческихъ недуговъ и особенно послѣ кончины любимой супруги. Послѣ смерти жены (14 сентября 1876 г.) у него развилась меланхолія, первое начало которой положено было еще въ Петропавловской крѣпости. Онъ скончался 27 января 1878 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ и похороненъ въ монастырѣ Креста Господня. Въ молодости Анненковъ былъ очень красивъ, строенъ, обладалъ геркулесовской силой, такъ что одной рукой безъ труда поднималъ тяжесть до 3 пудовъ, былъ неутомимый пловецъ, превосходный ѣздокъ. По натурѣ онъ былъ крайне сосредоточенъ, молчаливъ, тихъ, отличался вообще мягкимъ и кроткимъ характеромъ.

Барятинскій А. И.

Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, штабъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, адъютантъ командующаго 2-й арміей, родился въ 1798 г. Барятинскій воспитывался въ петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ, но вышелъ оттуда въ концѣ 1814 г. и поступилъ по волѣ родителей, но противъ собственнаго желанія, въ министерство иностранныхъ дѣлъ на службу. Такъ какъ для поступленія туда требовался дипломъ изъ педагогическаго института, то Барятинскій въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ бралъ у проф. Кукольника уроки естественнаго права и слушалъ въ институтѣ лекціи по физикѣ и политической экономіи. Вскорѣ онъ перешелъ въ военную службу. Барятинскій, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ Южнаго общества, былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго, участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять его принятіемъ членовъ и порученій и зналъ о приготовленіи къ мятежу». Барятинскій былъ причисленъ къ I разряду, осужденъ на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ (послѣ смягченія) и вѣчному поселенію и послѣ предварительнаго заключенія въ Кексгольмѣ отправленъ въ Читу. Въ началѣ 1840 г. Барятинскій прибылъ въ Тобольскъ на поселеніе. Кратковременное пребываніе его въ Тобольскѣ было сплошнымъ физическимъ страданіемъ. Здоровье Барятинскаго было

Князь

Александръ Ивановичъ

Барятинскій.

подорвано еще въ Россіи вслѣдствіе особенностей его личнаго поведенія. Въ Сибири онъ пріобрѣлъ новые недуги, требовавшіе продолжительнаго лѣченія и лишнихъ расходовъ, между тѣмъ какъ онъ получалъ отъ сестры всего по 500 рубл. ас. въ годъ. Лѣтомъ 1844 г. болѣзнь Барятинскаго усилилась, онъ потерялъ голосъ, а такъ какъ не имѣлъ средствъ не только на лѣченіе, но и на содержаніе, то принужденъ былъ поступить въ тобольскую больницу приказа общественнаго призрѣнія. Просьба его генер.-губернатору Западной Сибири о выдачѣ ему 200 р. заимообразно изъ какихъ нибудь казенныхъ суммъ была удовлетворена, но было уже поздно. Барятинскій скончался 19 янв. 1844 г. и похороненъ на Завальномъ кладбищѣ вблизи церкви Семи Отроковъ. Князь Барятинскій умеръ въ такой бѣдности, что все оставшееся послѣ него имущество было оцѣнено въ 11 руб. 3 коп. У него была всего одна рубашка, 2 пары носковъ и прочее въ этомъ родѣ. Его деревянная некрашеная кроват стоила всего 15 коп. Девять книгъ, составлявшихъ всю его библіотеку, были сочиненія по математикѣ на французскомъ и русскомъ языкахъ и грамматики и словари греческаго языка. Тобольская администрація отмѣтила въ своихъ отчетахъ Барятинскаго, какъ лицо, отличавшееся «хорошимъ и скромнымъ поведеніемъ». Барятинскій былъ вообще отличный математикъ и умный, образованный человѣкъ. Его міровоззрѣніе было чисто матеріалистическое, и въ этомъ отношеніи онъ постоянно находился въ антагонизмѣ съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, противъ котораго во время заключенія въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ написалъ трактатъ на французскомъ языкѣ, такъ какъ зналъ послѣдній лучше, чѣмъ русскій. Вѣроятно, взглядами Барятинскаго на религіозные вопросы объясняется та отчужденность и отрѣшенность, которую онъ испытывалъ въ Тобольскѣ, гдѣ огромное большинство изъ компаніи декабристовъ было проникнуто противополож-

ными взглядами. Поэтому къ нему вполнѣ примѣнимы слова Батенкова изъ его «Одичалаго»:

Ничьей слезой
Прахъ бѣдный мой
Въ гробу гниломъ не оросится,
И на покой
Чужой рукой
Чета рѣсницъ соединится...

Басаргинъ Н. В.

Николай Васильевичъ Басаргинъ, поручикъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена». Онъ былъ отнесенъ къ II разряду и осужденъ, послѣ положенія головы на плаху, на вѣчную каторжную работу. Басаргинъ родился въ 1799 г. и учился сначала дома, а затѣмъ въ муравьевской школѣ колонновожатыхъ. Въ 1819 г. онъ былъ произведенъ въ офицеры генеральнаго штаба, а въ слѣдующемъ опредѣленъ на службу въ Тульчинъ (Каменецъ-Подольской губ.). Въ Тульчинѣ, бывшемъ центромъ Южнаго общества, Басаргинъ скоро сблизился съ молодыми людьми, находившимися при главной квартирѣ (Барятинскій, Фаленбергъ, Крюковы, Аврамовы, Бобрищевы-Пушкины, Черкасовъ и др.). «Направленіе этого общества (кружка товарищей), говоритъ Басаргинъ въ своихъ «Запискахъ», было болѣе серьезное, чѣмъ свѣтское или беззаботно-веселое. Не избѣгая развлеченій, столь естественныхъ въ лѣтахъ юности, каждый старался употребить свободное отъ службы время на умственное и нравственное самообразованіе. Лучшимъ развлеченіемъ для насъ были вечера, когда мы собирались вмѣстѣ и давали другъ другу отчеты въ томъ, что дѣлали, читали, думали. Тутъ обыкновенно толковали о современныхъ событіяхъ и вопросахъ. Часто разсуждали

объ отвлеченныхъ предметахъ и вообще дѣлили между собой свои свѣдѣнія и мысли». Съ 1821 г. Басаргинъ сталъ менѣе увлекаться интересами Южнаго общества вслѣдствіе служебныхъ командировокъ въ отдаленныя мѣста и женитьбы въ 1824 г. Въ августѣ 1825 г. Басаргинъ потерялъ жену отъ послѣродовой горячки. Когда начались аресты, Басаргинъ могъ бы спастись за границу, воспользовавшись паспортомъ одного француза, раздумавшаго ѣхать и вернувшаго свой документъ въ канцелярію, которою завѣдывалъ Басаргинъ. «Но мысль оставить родину въ такое время, когда угрожаетъ опасность, отдѣлить свою судьбу отъ судьбы товарищей и навлечь подозрѣніе и, можетъ быть, негодованіе правительства на тѣхъ начальниковъ, отъ которыхъ, кромѣ ласки и благосклонности, ничего не видѣлъ,—все это вмѣстѣ, говоритъ Басаргинъ, заставило меня отказаться отъ перваго помысла, и, чтобы навсегда избавиться отъ искушенія, я тутъ же изорвалъ и сжегъ паспортъ». Скоро наступили для Басаргина тяжелые дни испытаній. «То, что я испыталъ и перечувствовалъ въ первый день заключенія моего въ казематѣ—описать невозможно», говоритъ онъ въ «Запискахъ». Съ одной стороны, воспоминанія прошлаго, еще столь свѣжія, съ другой—весь ужасъ настоящаго и безнадежное будущее. Ночью я нѣсколько разъ вскакивалъ со своего жесткаго ложа и не понималъ, гдѣ нахожусь. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ дневного свѣта и воображалъ даже, что помѣшанъ въ умѣ. Утро застало меня совершенно изнуреннымъ». Во время своего заключенія Басаргинъ получилъ начало той нервной болѣзни, которая развилась у него впослѣдствіи. Не имѣя книгъ, онъ такъ занималъ свой умъ, чтобы отвлечь его отъ угнетающихъ размышленій: «Задавалъ себѣ вопросы по всѣмъ отраслямъ знаній, въ которыхъ имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія, обсуждалъ и дѣлилъ эти вопросы, какъ задачи или какъ предложенія, которыя я долженъ былъ

Николай Васильевичъ
Басаргинъ.

приводить въ исполненіе». Онъ задавалъ себѣ вопросы чисто-нравственнаго или религіознаго характера, обсуждалъ планы военныхъ дѣйствій, политическихъ учрежденій, промышленныхъ предпріятій. Сначала онъ опредѣлялъ данныя, которыя должны были служить основаніями его соображеній, потомъ соображалъ, какъ распорядиться этими данными для предположенной цѣли. Это успокоило взволнованный умъ Басаргина. Пища давалась ему плохая: жиденькій супъ изъ телятины, жареная телятина, по большей части несвѣжая, чай съ булкой и сушеный черный хлѣбъ съ водой. Такъ какъ изъ казны на содержаніе каждаго заключеннаго выдавалась порядочная сумма (генераламъ по 5 р., штабъ-офицерамъ по 3 и оберъ-офицерамъ по 1 р. 50 к. въ день), то плохая пища объясняется лишь воровствомъ со стороны ближайшаго тюремнаго начальства. При арестѣ Басаргинъ отдалъ плацъ-майору 1700 р. своихъ денегъ, изъ которыхъ получилъ впослѣдствіи только 10 серебряныхъ гривенниковъ. Спустя нѣкоторое время Басаргинъ получилъ возможность черезъ сторожа абонироваться во французскомъ книжномъ магазинѣ и брать оттуда книги—Вальтеръ-Скотта, Кутри и др. Онъ пользовался также книгами своихъ товарищей по заключенію. Во время проѣзда по Сибири Басаргинъ встрѣчалъ отъ всѣхъ «неподдѣльное участіе». «На станціяхъ, говоритъ онъ, простой народъ толпился около повозки и хотя видимо боялся жандармовъ, но нерѣдко тѣ, которые были посмѣлѣе, бросали къ намъ въ повозку мѣдныя деньги. Я до сихъ поръ храню, какъ драгоцѣнность, мѣдную денежку, которую я взялъ у нищей старухи. Она вошла къ намъ въ избу и, показывая нѣсколько мѣдныхъ монетъ, сказала: «Вотъ все, что у меня есть; возьмите, батюшки, отцы наши родные! Вамъ онѣ нужнѣе, чѣмъ мнѣ». Мы прослезились, и я выбралъ у ней самую старую мѣдную монету, положилъ въ карманъ и благодарилъ отъ самаго искрен-

няго сердца». Свѣтлыя и трогательныя воспоминанія оставило въ Басаргинѣ время заключенія въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ. «Мы были веселы, легко переносили свое положеніе и, живя между собою дружно, какъ члены одного семейства, бодро и спокойно смотрѣли на ожидавшую насъ будущность». «Между нами не произносилось никакихъ упрековъ, никакихъ даже другъ другу намековъ относительно нашего дѣла. Никто не позволилъ себѣ даже замѣчаній другому, какъ велъ онъ себя при слѣдствіи, хотя многіе изъ насъ обязаны своей участью неосторожнымъ показаніямъ или недостатку твердости кого нибудь изъ товарищей. Казалось, что всѣ недоброжелательные помыслы были оставлены въ покинутыхъ нами казематахъ, и что сохранилось во всѣхъ одно только взаимное другъ къ другу расположеніе». Температура взаимной любви и расположенія особенно высоко поднималась во время болѣзни кого либо изъ товарищей. Въ 1834 г. Басаргинъ захворалъ воспаленіемъ мозга. Лѣчили его Вольфъ и Артамонъ Муравьевъ. «Товарищи во время болѣзни не отходили отъ меня, говоритъ Басаргинъ. Каждую ночь дежурили четверо и не спали по очереди, чтобы услуживать мнѣ и давать лѣкарство. Ивашевъ съ женой почти каждый день навѣщали меня и приготовляли мнѣ у себя на дому кушанье и питье. Однимъ словомъ, нигдѣ бы я не могъ найти такого ухода, такой предупредительности, какъ въ Петровской тюрьмѣ. Мудрено ли послѣ этого, что въ теченіе 10 лѣтъ нашей тюремной жизни мы потеряли только одного Пестова, и то больше по собственной его неосторожности». «Можетъ быть, заканчиваетъ Басаргинъ свои тюремныя воспоминанія, мнѣ не повѣрятъ, но, припоминая прежнія впечатлѣнія, скажу, что грустно мнѣ было оставлять тюрьму нашу. Я столько видѣлъ здѣсь чистаго, благороднаго, столько любви къ ближнему, такъ привыкъ думать и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, что, всту-

пая опять въ обыкновенныя общественныя сношенія, боялся найти совершенно противное, жить, не понимая другихъ и, въ свою очередь, быть для нихъ непонятымъ. Благодѣтельно, съ пользой, прошли эти 10 лѣтъ для моего умственнаго и нравственнаго образованія; но они не только не подвинули меня ни на шагъ въ опытности житейской, а скорѣе заставили забыть и то, что было пріобрѣтено прежде. Понимая все это, страшно было явиться въ свѣтъ лишеннымъ всякихъ внѣшнихъ преимуществъ, всего, чему поклоняется толпа, и съ такими правилами и убѣжденіями, которыя могли показаться не только безразсудными, но даже вредными господствуюшимъ понятіямъ». Въ петровской «академіи» Басаргинъ читалъ курсъ математики и любилъ, пощипывая усъ (по привычкѣ), проводить цѣлые часы за шахматами. Басаргинъ былъ замѣчательнымъ шахматистомъ, и всѣ удивились, что его побѣдилъ простой бурятскій тайша, съ которымъ онъ игралъ на дневкѣ во время общаго передвиженія заключенныхъ изъ Читы въ Петровскій заводъ. Опасаясь лишеній въ будущемъ, Басаргинъ, передъ своимъ выходомъ на поселеніе, рѣшилъ испытать себя еще въ тюрьмѣ и на цѣлые полгода отказался отъ мяса, чая и табаку. Получивъ изъ «маленькой» артели 700 р. ас. и издержавъ на дорогу 100 р., Басаргинъ 17 сент. 1836 г. прибылъ на поселеніе въ Туринскъ, гдѣ онъ остался жить, чтобы не разлучаться со своими друзьями Ивашевыми. Необезпеченное вначалѣ, матеріальное положеніе Басаргина вскорѣ улучшилось: его братъ и родственникъ Барышниковъ обязались присылать ему по 1400 р. ас. въ годъ, а Барышниковъ единовременно выслалъ 4000 р. для устройства на мѣстѣ поселенія. Басаргинъ построилъ себѣ въ Туринскѣ деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ. 27 августа 1839 г. онъ женился въ Туринскѣ на Марьѣ Елисѣевнѣ Мавриной, дочери поручика, молоденькой и

хорошенькой, но слабой здоровьемъ дѣвушкѣ. Послѣ смерти Ивашевыхъ, Басаргинъ началъ хлопотать о переводѣ въ другое мѣсто, что и состоялось въ началѣ 1842 г. Въ Курганѣ, куда онъ былъ переведенъ, онъ занимался различными коммерческими операціями и на досугѣ любилъ поиграть въ карты. Въ Курганѣ онъ потерялъ вторую жену. Въ 1846 г. Басаргину было разрѣшено поступить на государственную службу, и онъ былъ опредѣленъ въ штатъ канцеляріи пограничнаго начальника сибирскихъ киргизъ въ Омскъ. Прогоновъ онъ получилъ на одну лошадь. Въ самый день прибытія Басаргина въ Омскъ мѣстный полицеймейстеръ представилъ его при рапортѣ «вообще съ кувертомъ при семъ» пограничному начальнику сибирскихъ киргизъ генералу Вишневскому. Во время полуторагодичнаго пребыванія въ Омскѣ на Басаргина не возлагалось никакихъ обязанностей, кромѣ самыхъ несложныхъ канцелярскихъ. Онъ сталъ ходатайствовать о переводѣ въ Ялуторовскъ куда и былъ переведенъ въ 1848 г. съ причисленіемъ къ тамошнему земскому суду. Въ Ялуторовскѣ, онъ женился въ 3-й разъ на Ольгѣ Ивановнѣ Медвѣдевой (урожденной Менделѣевой, родной сестрѣ извѣстнаго химика Д. И. Менделѣева), вдовѣ купца и фабриканта, и взялъ за нею въ приданое стеклодѣлательный Коптюльскій заводъ для выдѣлки бѣлой посуды. Скончался Басаргинъ въ Москвѣ въ февралѣ 1861 г., въ домѣ Дубовицкаго на Тверскомъ бульварѣ. Онъ оставилъ послѣ себя «Записки» едва ли не самый цѣнный первоисточникъ въ серіи мемуаровъ для исторіи декабристовъ. Взгляды Басаргина на вопросы нравственно-политическіе отличались широтою и гуманностью. Въ человѣческой природѣ, по его мнѣнію, нѣтъ и быть не можетъ исключительнаго преобладанія зла надъ добромъ, и самая озвѣрѣвшая душа должна издать «сочувствующій добру звукъ», если только ея умѣло коснуться. Дурные поступки людей, по

его мнѣнію,—нравственныя болѣзни, «которыя бы слѣдовало лѣчить съ особеннымъ вниманіемъ и любовью, а не преграждать имъ (людямъ) всѣ пути къ исправленію». Онъ надѣялся, что съ успѣхами просвѣщенія и гражданственности нравственные недуги людей не будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ «средневѣковое правило возмездія». Онъ стоялъ на сторонѣ «не мнимаго, но настоящаго просвѣщенія, основаннаго на любви къ ближнему и справедливости». Какъ и всѣ декабристы, Баргинъ ненавидѣлъ крѣпостное право и считалъ его учрежденіемъ развращающимъ. Если извѣстное учрежденіе, думалъ онъ, само по себѣ неудовлетворительно, то виной въ томъ злѣ, которое оно порождаетъ, является, несомнѣнно, оно само, а не люди, «которые дѣйствуютъ въ немъ только болѣе или менѣе согласно съ его духомъ».

Батенковъ Г. С.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ, подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство, соглашался на умыслъ бунта и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами». Онъ былъ отнесенъ къ III разряду и осужденъ на вѣчную ссылку въ каторжную работу. Срокъ этотъ былъ сокращенъ до 15 лѣтъ, но, по особому высочайшему повелѣнію, Батенковъ былъ оставленъ на 20 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи. Батенковъ родился 25 марта 1793 г. въ Томскѣ слабымъ, хилымъ ребенкомъ 60-лѣтняго отца. Онъ появился на свѣтъ безъ признаковъ движенія, такъ что его сочли уже умершимъ и приготовлялись хоронить. Онъ росъ вдумчивымъ, нѣжнымъ, пугливымъ мальчикомъ: одинъ разъ онъ испугался звона соборнаго колокола, другой—рѣзного изображенія св. Николая въ одной изъ церквей и т. п. Онъ не могъ смотрѣть на птицъ въ клѣткахъ, не могъ видѣть, какъ рѣжутъ куръ. Въ дѣтствѣ онъ былъ склоненъ къ подвижничеству: спалъ иногда на голомъ полу, отказывался отъ мясной пищи. Въ дѣтствѣ же онъ получилъ на всю жизнь отвращеніе къ мясу и рыбѣ. Болѣзненный, слабый ребенокъ отличался необыкновенною вдумчивостью. Однажды въ церкви, гдѣ онъ былъ, говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ», вдругъ разнесся слухъ, что горитъ губернское правленіе. Сейчасъ

Гавріилъ Степановичъ
Батенковъ.

ему представился рядъ вопросовъ: какъ, чѣмъ оно правитъ, да вдобавокъ еще и горѣть можетъ? Какъ только онъ познакомился съ математикой, его очень заинтересовалъ вопросъ о пространственныхъ отношеніяхъ. Подъ вліяніемъ ссыльнаго гр. Салтыкова, который любилъ заниматься татарскимъ языкомъ, маленькій Батенковъ заинтересовался татарской грамотой и началъ учиться ей прежде русской. Гр. Салтыковъ сдѣлалъ ему рисованныя буквенныя карточки, и онъ постоянно складывалъ и разбиралъ ихъ. Читать по-русски онъ научился незамѣтно для себя. «Классической моей книгой, говоритъ онъ, былъ атласъ, подаренный мнѣ дядей». Первый прочитанный имъ печатный текстъ была газетная статья о трафальгарской битвѣ и о смерти адмирала Нельсона. Писать онъ научился также незамѣтно и также началъ съ татарскихъ буквъ. Карамзинъ («Письма русск. путешественника», «Аглая» и др.), Ломоносовъ, Державинъ, Дмитріевъ, Богдановичъ были его любимыми писателями въ дѣтствѣ. Маленькій Батенковъ очень любилъ церковное чтеніе и пѣніе, но самъ никогда не умѣлъ пѣть. Ариѳметика чрезвычайно занимала его уже въ дѣтствѣ, и онъ заинтересовался ею одновременно съ чтеніемъ и письмомъ. По окончаніи курса въ тобольскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи, Батенковъ былъ опредѣленъ во 2-й петербургскій кадетскій корпусъ, откуда 21 мая 1812 г. выпущенъ прапорщикомъ въ 13 артиллерійскую бригаду. Въ войнѣ 1812 г. Батенковъ принималъ дѣятельное участіе. За отличіе въ сраженіи при Ларотьерѣ онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Въ сраженіи при Монмиралѣ, будучи окруженъ непріятелемъ, онъ получилъ 10 штыковыхъ ранъ, былъ взятъ въ плѣнъ и лѣчился во французскомъ госпиталѣ. Товарищи считали его погибшимъ. Служа въ Варшавѣ, Батенковъ подалъ въ отставку по слѣдующему случаю: идя одѣтымъ въ штатское платье, онъ встрѣтилъ начальника, который грубо замѣ-

тилъ ему: «Надѣвши разъ ливрею, нельзя смѣть ее снимать!» «А, если это ливрея, то я не хочу ее носить!» былъ отвѣтъ Батенкова. Въ томъ же 1816 г. Батенковъ поступилъ въ только что учрежденное вѣдомство инженеровъ путей сообщенія и былъ назначенъ въ Западную Сибирь управляющимъ X округомъ путей сообщенія. Такое назначеніе явилось знакомъ немилости къ нему. Состоя уже членомъ петербургской масонской ложи «Избраннаго Михаила», Батенковъ, по прибытіи въ Томскъ, основалъ тамъ въ 1818 г., вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ фонъ-Трейблютомъ, мѣстную ложу «Восточнаго Свѣтила». Когда Сперанскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири, Батенковъ скоро обратилъ на себя его вниманіе и сдѣлался его ближайшимъ сотрудникомъ. Онъ составилъ для Сперанскаго 7 записокъ: 1) о сухопутныхъ сообщеніяхъ, 2) объ учрежденіи этаповъ, 3) о ссыльныхъ, 4) объ инородцахъ, 5) о сибирскихъ казакахъ, 6) о занятіи киргизской степи Средней орды, 7) о приведеніи въ извѣстность земель въ Сибири. Послѣдняя записка, представленная гр. Сперанскимъ начальнику главнаго штаба кн. Волконскому, легла въ основу топографическихъ съемокъ Сибири. Когда Сперанскій занялся въ Иркутскѣ учрежденіемъ училища для обученія по ланкастерскому методу, Батенковъ составилъ для него руководство геометріи, которое и было напечатано въ иркутской типографіи. Послѣ вызова Сперанскаго въ Петербургъ, Батенковъ послѣдовалъ за нимъ, былъ производителемъ дѣлъ Сибирскаго Комитета, учрежденнаго въ 1821 г., жилъ даже въ его домѣ, гдѣ встрѣчался съ цвѣтомъ петербургской интеллигенціи того времени. За участіе въ дѣлахъ Сибирскаго Комитета Батенковъ получилъ единовременно 10,000 р. ас. Послѣ закрытія Комитета въ началѣ 1825 г., Батенковъ, по особенной рекомендаціи Сперанскаго, принятъ былъ на службу Аракчеевымъ, знавшимъ его за способнаго и очень трудолюбиваго че-

ловѣка, произведенъ въ подполковники и сдѣланъ членомъ совѣта военныхъ поселеній съ содержаніемъ въ 10,000 р. ас. въ годъ. Но въ томъ же году Батенковъ долженъ былъ оставить службу изъ-за Клейнмихеля, оклеветавшаго его передъ Аракчеевымъ. Опасаясь, что Клейнмихель займетъ мѣсто Аракчеева, какъ бы разстроеннаго умственно послѣ убійства его фаворитки Минкиной,—Батенковъ вышелъ въ отставку. Раздраженіе, сознаніе себя не у дѣлъ создали въ Батенковѣ почву для такого настроенія, которымъ какъ нельзя лучше воспользовались члены Сѣвернаго общества, въ которое привлекъ его А. Бестужевъ. Бестужевы, Рылѣевъ, кн. Трубецкой очень уважали Батенкова и дорожили его мнѣніями и совѣтами. Члены Сѣвернаго общества воспользовались его развитымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ. Повидимому, Батенковъ мечталъ стать членомъ предполагаемаго верховнаго правленія, но вліятельные элементы общества, кажется, прочили его лишь правителемъ дѣлъ этого учрежденія. Но Батенковъ былъ знакомъ съ членами Сѣвернаго общества не болѣе 2 мѣсяцевъ и былъ арестованъ недѣли черезъ 2 послѣ 14 декабря. Передаютъ, будто Батенковъ, участіе котораго въ подготовкѣ декабрьскаго событія было лишь косвенное, не только получилъ полное прощеніе, но и награду,—отказался отъ этого и написалъ, что онъ сочувствуетъ всему дѣлу; онъ поступилъ такъ изъ боязни обвиненія въ предательствѣ. Это до нѣкоторой степени объясняетъ высочайшее повелѣніе, отмѣнившее приговоръ коммиссіи и значительно усугубившее наказаніе Батенкову. Первые ½ года онъ находился въ фортѣ Свартгольмѣ на Аландскихъ островахъ, а все остальное время въ казематѣ Петропавловской крѣпости, имѣвшемъ 10 шаговъ въ длину, 6 въ ширину и аршина 4 высоты. Солнечный свѣтъ изрѣдка и только сверху проникалъ въ помѣщеніе Батенкова, такъ что ему приходилось почти всегда сидѣть при лампѣ.

Его другу, Елагину, черезъ нѣкоторое время удалось доставить ему Библію на нѣсколькихъ языкахъ съ соотвѣтствующими словарями. Потомъ всѣ извѣстія о немъ прекратились, такъ что его друзья думали, что онъ сошелъ съ ума. Но стойкая натура Батенкова вынесла тяжелое испытаніе. Ему давали только духовно-нравственныя книги. Онъ занимался сличеніемъ Библіи на древнихъ и новыхъ языкахъ, а всѣ нужныя книги доставлялись ему даже изъ Публичной библіотеки. Ему позволялось и писать, но все, имъ написанное, онъ долженъ былъ посылать коменданту или истреблять собственноручно. Пища Батенкова въ крѣпости была удовлетворительна: ему давали яичницу, молочныя каши, такъ какъ онъ не употреблялъ ни мяса, ни рыбы, чай или кофе, а иногда бѣлое виноградное вино, по его желанію. Но двѣнадцатилѣтнее отсутствіе общенія съ людьми, при темпераментѣ Батенкова, оказало свое дѣйствіе: онъ почти разучился говорить, прежній стройный ходъ его мозговой дѣятельности сталъ иногда подвергаться пріостановкамъ. Въ часы вѣчнаго безмолвія и одиночества сложились, вѣроятно, строфы его «Одичалаго».

Здѣсь взоръ потухшій лишь находитъ
Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ
Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
Соломы сгнившей пукъ обшитый
И на увлаженныхъ стѣнахъ
Слѣды страданій позабытыхъ...
Живой въ гробу
Кляну судьбу
И день несчастнаго рожденья!..

Въ 1846 г. Батенковъ былъ отправленъ на поселеніе въ Томскъ. При отъѣздѣ ему было выдано 500 р. на обзаведеніе; его снабдили всѣмъ необходимымъ для дальней поѣздки, дали волчью шубу, крытую сукномъ. Въ

Петербургѣ у него уже не было ни друзей, ни знакомыхъ. Въ мартѣ Батенковъ прибылъ въ Томскъ, гдѣ и остановился въ гостинницѣ «Лондонъ», откуда перешелъ въ домъ Лучшевыхъ. Двадцатилѣтнее одиночное заключеніе не прошло безслѣдно для Батенкова: онъ утерялъ даръ литературнаго изложенія, хотя въ 20-хъ годахъ въ «Сынѣ Отеч.» было напечатано нѣсколько его статей о Сибири; онъ утратилъ умѣнье практически прилагать свои знанія и способности къ дѣлу, отсталъ въ своей спеціальности, такъ что всѣ его недюжинныя знанія и дарованія пошли прахомъ. Вообще, онъ пострадалъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ его товарищи, осужденные на каторжныя работы. Батенковъ получалъ изъ казны пособіе въ размѣрѣ, обычномъ для всѣхъ нуждавшихся декабристовъ, и пользовался поддержкой золотопромышленника Асташева, бывшаго когда-то членомъ масонской ложи въ Томскѣ. Какъ передаютъ, Батенкову былъ подаренъ пай въ одномъ изъ золотопромышленныхъ предпріятій, съ котораго онъ и получалъ нѣкоторый доходъ. Батенковъ скоро освоился съ пріютившей его семьей Лучшевыхъ: училъ грамотѣ дѣтей, помогалъ старшему по разнымъ постройкамъ. Въ Томскѣ онъ велъ дѣятельную жизнь: рано вставалъ, весь день былъ на ногахъ, съ удовольствіемъ читалъ газеты. Попрежнему онъ оставался строгимъ вегетаріанцемъ, совсѣмъ не пилъ водки, пріобрѣлъ страсть къ купанью даже до самыхъ заморозковъ. Онъ былъ чрезвычайно набоженъ, посѣщалъ всѣ церковныя службы, почти наизустъ зналъ Библію. Губернаторъ, архіерей, вообще вся мѣстная знать радушно принимала его и посѣщала запросто. Въ обществѣ онъ былъ чрезвычайно любезенъ, особенно съ дамами, разговоръ съ которыми былъ ему очень пріятенъ. Онъ не любилъ только касаться событія 14 декабря и никогда не говорилъ о своемъ заключеніи. Рѣчь его отличалась книжностью, витіеватостью, пестрѣла учеными терминами и латинскими фразами и предпочи-

талъ онъ говорить о высокихъ нравственно-религіозныхъ и философскихъ предметахъ. Онъ зналъ латинскій, греческій и еврейскій языки, говорилъ и писалъ по-французски и по-нѣмецки. Никогда и ни о комъ онъ не отзывался рѣзко. Онъ былъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, хотя въ старости казался сутуловатымъ. Прямой носъ и подбородокъ, правильныя черты лица придавали ему нѣкоторое сходство съ Наполеономъ I. Его задумчивый взглядъ какъ бы говорилъ о проведенныхъ долгихъ годахъ самонаблюденія и одиночества. Въ 1856 г. Батенковъ переѣхалъ въ Калугу и купилъ тамъ домъ, получивъ отобранные у него при арестѣ 10,000 р. съ наросшими процентами. Къ нему переѣхала вдова одного изъ Лучшевыхъ съ двумя малолѣтними дѣтьми. Изъ Калуги онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Москву и Петербургъ. И здѣсь, какъ въ Томскѣ, Батенковъ не любилъ одиночества, всегда искалъ шума, движенія и общества. Въ Калугѣ онъ и скончался 29 окт. 1863 г. въ 9½ ч. вечера.

Бестужевъ А. А.

Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, адъютантъ герцога Александра Виртембергскаго, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, возбуждалъ къ тому другихъ, соглашался также и на лишеніе свободы императорской фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ». Бестужевъ родился въ 1797 г. Отецъ Бестужева служилъ во флотѣ, но вышелъ въ отставку еще при Павлѣ, не будучи въ состояніи выносить тяжелаго гнета Аракчеева. Онъ былъ человѣкъ образованный, преданный наукѣ и литературѣ и близко принимавшій къ сердцу интересы родины. Поступивъ снова на службу при воцареніи Александра I, Бестужевъ сталъ издавать «С.-Петербургскій Журналъ», просуществовавшій всего годъ, въ которомъ онъ напечаталъ свой «Опытъ военнаго воспитанія», въ 1803 г. изданный имъ отдѣльно. Въ 1807 г. онъ издалъ новую книгу: «Правила военнаго воспитанія». Домъ Бестужева былъ маленькимъ музеемъ, наполненнымъ гравюрами, эстампами, картинами, моделями пушекъ, крѣпостей, коллекціями минераловъ. Домашняя атмосфера была чрезвычайно благопріятна для развитія таланта будущаго Марлинскаго. «Будучи вседневно окружены столь разнообразными пред-

метами, вызывающими дѣтское любопытство, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» М. А. Бестужевъ, пользуясь во всякое время безпрепятственнымъ доступомъ къ отцу, хотя постоянно занятому серьезными дѣлами, но не скучающему удовлетворять наше дѣтское любопытство, слушая его толки и разсужденія съ учеными, художниками, мастерами,—безсознательно всасывались всѣми порами нашего тѣла благотворные элементы окружающихъ насъ стихій. Прибавьте къ этому кругъ знакомства небольшой, но людей избранныхъ, дружескія бесѣды безъ принужденія, гдѣ веселость смѣнялась дѣльными разсужденіями, споры безъ желчи, поучительные разсказы безъ претензіи на ученость; прибавьте нѣжную къ намъ любовь родителей, ихъ доступность, полную свободу съ завѣтомъ не переступать черты запрещенной,—и тогда можно будетъ составить нѣкоторое понятіе о послѣдующемъ складѣ ума и сердца нашего семейства». Склонности дѣтей не насиловались въ этомъ домѣ, для развитія таланта и индивидуальныхъ свойствъ ихъ личностей представлялся полный просторъ. Бестужевъ провелъ счастливое и интересное дѣтство и рано увлекся библіотекой отца. Прежде чѣмъ найти для себя опредѣленное внѣшнее положеніе и опредѣленное русло для проявленія своего таланта, Бестужевъ сдѣлалъ цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ. На 10-мъ году жизни онъ поступилъ въ горный корпусъ, но вмѣсто математики, которая стояла тамъ на первомъ планѣ, увлекся роднымъ языкомъ и литературой. Экзальтація чувства, его врожденная черта, тогда рѣшительно обнаружилась: онъ воображалъ себя Ринальдо-Ринальдинѣ, Карломъ Мооромъ, атаманомъ шайки разбойниковъ, мечталъ объ опасныхъ приключеніяхъ на сушѣ и на водѣ. Обнаружилась въ немъ также страсть первенствовать во всемъ, блистать. Послѣ морской двухмѣсячной прогулки съ братомъ Николаемъ, Бестужевъ увлекся моремъ; во всѣ игры и развлеченія перенесена новая

Дмитрій Иринарховичъ
Завалишинъ.

Александръ Александровичъ
Бестужевъ (Марлинскій).

страсть къ морю. Горный корпусъ оставленъ. Бестужевъ готовится къ экзамену на гардемарина. Но необходимость снова имѣть дѣло съ математикой охладила Бестужева. Онъ мечтаетъ теперь стать артиллеристомъ, и всѣ его развлеченія и занятія получаютъ артиллерійскій колоритъ. Наконецъ, по совѣту друга семьи, ген. Чичерина, Бестужевъ поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-драгунскій полкъ и въ 1818 г. былъ уже оберъ-офицеромъ. Для него начался рядъ успѣховъ и увлеченій всякаго рода, но, какъ типичный представитель военной молодежи того времени, онъ умѣлъ согласить военную выправку съ дисциплиной ума и сердца. Въ 1821 г. онъ былъ адъютантомъ при Бетанкурѣ, главноуправляющемъ путями сообщенія, а послѣ него у его преемника, герцога Виртембергскаго. Выступивъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марлинскаго, онъ быстро пріобрѣлъ литературную извѣстность, вошелъ въ сношенія съ литераторами того времени, между прочимъ съ Гречемъ и Булгаринымъ, которые тогда искали молодыхъ сотрудниковъ для своихъ изданій, и нравственныя качества которыхъ тогда еще не опредѣлились, какъ впослѣдствіи. Бестужевъ, чуждаясь старыхъ писателей, какъ Жуковскій и Карамзинъ, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, въ тѣсной дружбѣ съ Грибоѣдовымъ и особенно съ Рылѣевымъ. Его увлеченіе политическими идеями было непрочно и неглубоко; это было проявленіе свойственной ему экзальтаціи, какая уже не разъ охватывала его въ дѣтствѣ и ранней молодости. Онъ лишь за 8 мѣсяцевъ до 14 декабря былъ принятъ въ число членовъ Сѣвернаго общества, и лишь въ октябрѣ температура его политической экзальтаціи достигла высшаго предѣла. Въ событіяхъ на Сенатской площади онъ принималъ дѣятельное участіе, успѣлъ бѣжать, но скоро явился самъ въ Зимній дворецъ и былъ допущенъ къ императору Николаю I. Этотъ поступокъ и разговоръ имѣли то послѣдствіе, что хотя приговоромъ суда онъ

и былъ отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ смертной казни, но, послѣ короткаго заключенія въ фортѣ Слава, былъ отправленъ на поселеніе въ Якутскъ. Въ Якутскѣ онъ велъ скучную, однообразную, томительную жизнь. Въ это время онъ очень много читалъ, преимущественно по-нѣмецки и по-англійски, и только писалъ много стиховъ. Послѣ его письма къ Дибичу, въ апрѣлѣ 1829 г. онъ получилъ назначеніе рядовымъ на Кавказъ, гдѣ его ожидала лишь скучная гарнизонная жизнь, которую онъ разнообразилъ волокитствомъ. Съ 1830—1835 гг. Бестужевъ прожилъ въ Дербентѣ, гдѣ его постоянно терзали скука отъ бездѣйствія и преслѣдованія его батальоннаго командира. Но за то въ Дербентѣ онъ писалъ такъ много, какъ никогда: «Наѣзды», «Аммалатъ-Бекъ», «Лейтенантъ Бѣлозоръ» написаны имъ въ это время. Въ 1834 г. онъ былъ переведенъ въ Ахалцыхъ, и съ этихъ поръ до самой смерти проводилъ почти все время въ походахъ и набѣгахъ при самыхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ. Здоровье его пошатнулось, уныніе овладѣло имъ. Несмотря на хлопоты кн. Воронцова, Бестужевъ, хотя и произведенный въ офицеры, не могъ получить переводъ въ Крымъ, для поправленія здоровья, и былъ назначенъ въ Кутаисъ. Онъ утратилъ всякое стремленіе жить и едва ли не съ намѣреніемъ подставилъ себя подъ пули горцевъ въ стычкѣ при Адлерѣ 7 іюля 1837 г. Еще въ 1832 г. вышло первое полное собраніе его сочиненій, даже безъ его псевдонима. Въ матеріальныхъ средствахъ онъ не нуждался, такъ какъ его издатели платили ему очень щедрый гонораръ. Въ своей литературной дѣятельности Бестужевъ, какъ и въ жизни весь былъ—порывъ, стремленіе. Разнообразіе идей, замысловъ, типовъ, психологическихъ проблемъ, сила воображенія, яркость стиля—его положительныя качества; неумѣнье найти всему этому подходящую литературную форму, отсутствіе чувства мѣры, неудовлетворительность

литературной обработки — его недостатки. Онъ стоялъ какъ бы на перекресткѣ двухъ литературныхъ направленій — стараго, сантиментальнаго, и новаго, реальнаго. Романтическіе типы и пріемы въ его раннихъ повѣстяхъ разнообразны, красивы и выдержаны въ хорошемъ романтическомъ стилѣ; эти качества, въ соединеніи съ моральной тенденціей въ его разсказахъ и съ элементомъ фаталистическимъ, привлекающимъ воображеніе,—обезпечили Марлинскому огромный литературный успѣхъ среди публики того времени. Онъ внесъ много хорошаго въ область мысли и чувства своихъ читателей, особенно гуманность, какъ отраженіе идеаловъ своей юности. Тамъ, гдѣ Бестужеву-Мирлинскому приходилось непосредственно сталкиваться съ окружающей дѣйствительностью, дѣлаться ея бытописателемъ, онъ становится наблюдательнымъ, правдивымъ, какъ бы предвѣстникомъ новаго реалистическаго направленія въ искусствѣ: онъ, напр., не идеализируетъ, не прикрашиваетъ дикихъ обитателей Сибири и Кавказа. Имъ, можно сказать, открыты русскій солдатъ и офицеръ, какъ жизненные, часто очень симпатичные типы. Онъ долженъ занять опредѣленное мѣсто въ исторіи русскаго реальнаго романа, какъ прекрасный примѣръ незамѣтнаго, вызваннаго вліяніемъ жизни, перехода отъ романтизма къ реализму.

Бестужевъ М. А.

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту». Онъ былъ отнесенъ къ II разряду и приговоренъ къ положенію головы на плаху, а затѣмъ къ вѣчной каторжной работѣ. Бестужевъ родился 22 сентября 1800 г. и принадлежалъ къ семьѣ Бестужевыхъ, столь славной блестящими дарованіями большинства ея членовъ. Онъ учился въ морскомъ корпусѣ, гдѣ директоромъ въ то время былъ Карцевъ, и гдѣ нанимаемые на мѣдные гроши учителя отличались своимъ умственнымъ и нравственнымъ ничтожествомъ. По выходѣ изъ корпуса Бестужевъ жилъ у Торсона, который руководилъ его занятіями — онъ занимался тогда французскимъ языкомъ, физикой, механикой, читалъ историческія сочиненія и путешествія. Въ началѣ 1819 г. Бестужевъ отправился на службу въ Архангельскъ, гдѣ провелъ 2½-лѣтній періодъ счастливой любви. Вернувшись въ Петербургъ, Бестужевъ нашелъ любимаго и уважаемаго имъ Торсона обиженнымъ и раздраженнымъ: морской министръ Моллеръ отнялъ у него честь и награду за изобрѣтеніе корабля по совершенно новому типу и поручилъ его сооруженіе другому лицу. Это обстоятельство, а также и вообще разстройство, которое министры Моллеръ и Тра-

Михаилъ Александровичъ
Бестужевъ.

версэ внесли въ русскій флотъ, создало почву для недовольства въ Бестужевѣ и дало ему мотивъ для болѣе широкихъ обобщеній. Торсонъ принялъ его въ члены Сѣвернаго общества, а братъ, А. Бестужевъ, посовѣтовалъ перейти въ армію. Въ своей ротѣ Бестужевъ отмѣнилъ жестокія наказанія и пріобрѣлъ любовь солдатъ. Первое время своего ареста Бестужевъ провелъ въ Шлиссельбургѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣкогда жилъ и былъ убитъ, при извѣстной попыткѣ Мировича, Іоаннъ Антоновичъ. Площадь этой комнаты равнялась 4 квадратнымъ шагамъ, изъ чего нужно еще исключить мѣсто, занятое печью, столомъ, кроватью и табуретомъ. Въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ Бестужевъ предался многочисленнымъ и многостороннимъ занятіямъ: у Завалишина онъ учился испанскому языку, у Рукевича — польскому и латинскому, у А. Поджіо — итальянскому и у гр. Чернышева — англійскому, дѣлалъ для чтеній на общихъ собраніяхъ переводы философскихъ и историческихъ статей, повѣстей и разсказовъ, изучилъ золотое дѣло, часовое, переплетное, токарное, башмачное, картонажное и шапочное мастерства, такъ что шилъ щегольскія фуражки. Вообще онъ былъ чрезвычайно способенъ ко всѣмъ техническимъ производствамъ. Увлекаясь въ это время Байрономъ, Бестужевъ много писалъ въ подражаніе ему, но Н. Бестужевъ всегда охлаждалъ его и предостерегалъ отъ манерности и кудреватости. Въ этотъ періодъ Бестужевъ написалъ нѣсколько повѣстей, изъ которыхъ лучшей ему казалась «Случай—великое дѣло». Основавшись на поселеніи въ Селенгинскѣ, Забайкальской области, Бестужевъ женился на дочери казачьяго есаула Селиванова, дѣвицѣ съ природнымъ умомъ и практической смѣтливостью, чѣмъ вообще отличаются сибирячки, построилъ прекрасный домъ и началъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, хотя новыя стѣснительныя правила, введенныя специально

для декабристовъ въ концѣ 40-хъ годовъ, очень мѣшали его хозяйству; такъ, напр., имъ было запрещено удаляться изъ города болѣе чѣмъ за 15 верстъ, а покосы Бестужева оказались въ 15½ вер. Ходатайство, посланное въ Петербургъ, осталось безъ отвѣта. Домъ Бестужевыхъ скоро сталъ притягательнымъ центромъ для всѣхъ высшихъ чиновниковъ, пріѣзжавшихъ въ Селенгинскъ; многіе даже нарочно сворачивали въ Селенгинскъ, чтобы видѣться съ умными, образованными и гостепріимными братьями Бестужевыми. Это возбуждало зависть и недоброжелательство къ нимъ со стороны нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ, вызывало доносы и интриги и вообще доставляло имъ иногда непріятности. Потерявъ въ половинѣ 60-хъ годовъ жену и почти одновременно старшую дочь, учившуюся въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ, Бестужевъ переѣхалъ на жительство въ Москву и поселился вмѣстѣ съ своими 3 сестрами. Онъ скончался въ Москвѣ 21 іюня 1871 г. и похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Онъ оставилъ напечатанныя уже «Воспоминанія». М. А. Бестужевъ на всю жизнь сохранилъ свойства характера своей юности: веселость, откровенность, сообщительность, склонность къ легкой насмѣшливости и невинному сарказму.

Бестужевъ Н. А.

Николай Александровичъ Бестужевъ, капитанъ-лейтенантъ 8-го экипажа, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади». Онъ былъ отнесенъ къ II разряду и приговоренъ къ положенію головы на плаху и ссылкѣ въ вѣчную каторжную работу. Бестужевъ родился 13 апрѣля 1791 г. въ Петербургѣ и провелъ раннее дѣтство въ столь же благопріятной умственной и нравственной атмосферѣ, какъ и его братья. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ рѣшилъ стать морякомъ. Передъ этимъ ему случилось посѣтить военный корабль, гдѣ онъ увлекся морякомъ Лукинымъ, силачемъ, который показался впечатлительному мальчику идеаломъ рыцарства и чести. Въ морскомъ корпусѣ на Бестужева оказывалъ хорошее вліяніе инспекторъ Гамалѣя, превосходный педагогъ и прекрасный математикъ, авторъ многихъ учебниковъ, честный, трудолюбивый и талантливый. Кромѣ любви къ наукѣ, которую Гамалѣя старался вдохнуть въ своихъ учениковъ (въ чемъ онъ и успѣлъ), онъ имѣлъ на нихъ огромное нравственное вліяніе. Воспоминанія о групповыхъ занятіяхъ въ квартирѣ Гамалѣи, въ которыхъ принимали участіе наиболѣе талантливые изъ его учениковъ, на всю жизнь остались у Бестужева лучшими воспоминаніями изъ его школьной жизни. Въ корпусѣ онъ былъ любимымъ ученикомъ знаменитаго тогда математика Кузнецова; онъ тогда особенно увлекался математикой и окончилъ первымъ по выпуску. Дома Бестужевы занимались съ извѣстнымъ препо-

дователемъ Василевскимъ политической экономіей, философіей, психологіей, логикой и естественнымъ правомъ. Живой умъ Василевскаго имѣлъ большое вліяніе на Бестужева; его стремленіе выражаться всегда красиво, картинно также отразилось на братьяхъ, особенно на Александрѣ (Марлинскомъ). Бестужевъ во время своего пребыванія въ корпусѣ хорошо познакомился съ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ языками и ихъ литературами. Кромѣ спеціальныхъ морскихъ наукъ, онъ хорошо зналъ также физику и астрономію. Въ то же время онъ поступилъ въ академію художествъ и учился рисованію. Такимъ образомъ, Бестужевъ получилъ блестящее и разностороннее образованіе, которое находилось въ полной гармоніи съ его необыкновенными природными способностями. Въ 1811 г. умеръ отецъ Бестужева, и это несчастіе было неожиданнымъ громовымъ ударомъ для всей семьи, которую онъ оставилъ почти безъ всякихъ средствъ, Въ 19 лѣтъ Н. Бестужевъ оказался опорою всей семьи и съ честью выполнилъ эту задачу. Сначала онъ былъ оставленъ преподавателемъ въ морскомъ корпусѣ, но въ 1814 г. перешелъ во фронтовую службу въ Кронштадтъ, что болѣе обезпечивало его семейство. Во время своего 9-лѣтняго пребыванія въ Кронштадтѣ, какъ и всюду, Бестужевъ сближался только съ людьми благороднаго характера, живого темперамента и хорошаго образованія. Здѣсь онъ обнаружилъ еще новый талантъ—сценическій, и въ устроенномъ имъ театрѣ былъ не только режиссеромъ, главнымъ актеромъ, но даже декораторомъ. Въ 1815 г. Бестужевъ ѣздилъ въ Голландію и написалъ «Записки о Голландіи». Въ 1817 г. онъ былъ опять за границей, на этотъ разъ во Франціи и въ южной Испаніи. Въ это время у обоихъ Бестужевыхъ, Николая и Михаила, окончательно укрѣпились сѣмена либерализма, для котораго такую прекрасную почву представляла передовая военная молодежь той

Николай Александровичъ
Бестужевъ.

эпохи. Норвежскій консулъ Эриксонъ въ Кронштадтѣ, убѣжденный и образованный республиканецъ, еще болѣе способствовалъ укрѣпленію этихъ идей въ Бестужевѣ. Перейдя на службу въ Петербургъ, Бестужевъ былъ помощникомъ директора маяковъ Финскаго залива, но когда ему надоѣло заниматься устройствомъ маячныхъ лампъ, рефлекторовъ, машинъ для вертящихся огней маяковъ, а, главное, вслѣдствіе очень тяжелаго характера своего начальника,—онъ оставилъ эту должность и поступилъ исторіографомъ русскаго флота и начальникомъ морского музея при адмиралтействѣ. Музей онъ нашелъ въ полномъ безпорядкѣ: въ архивѣ и отдѣльныхъ дѣлахъ полный хаосъ, пыль, плѣсенъ: въ драгоцѣнныхъ манускриптахъ съ автографами Петра В. и его сподвижниковъ не доставало страницъ, все было перепутано и разбито. Огромное количество черной работы дало толчекъ для энергіи Бестужева, и онъ иногда проводилъ цѣлые дни въ музеѣ, приводя его въ порядокъ. Въ Петербургѣ Бестужевъ близко сошелся съ кружкомъ литераторовъ, бывавшихъ у Рылѣева, любилъ принимать участіе въ его «русскихъ завтракахъ», гдѣ не допускалось ничего, кромѣ водки, кислой капусты и чернаго хлѣба, и гдѣ, тѣмъ не менѣе, всѣ «отдыхали отъ убійственной шагистики въ дружной семьѣ литераторовъ и поэтовъ». На этихъ собраніяхъ обмѣнивались впечатлѣніями, обсуждали политическіе вопросы того времени, сочиняли эпиграммы, экспромты. Бестужевъ, единственный изъ всѣхъ своихъ братьевъ бывшій членомъ одной изъ масонскихъ ложъ («Избраннаго Михаила»), скоро сдѣлался членомъ Сѣвернаго общества. Въ то время Бестужевъ, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ, по всему развитію его нравственной личности, постепенному образованію склада его ума и направленія, по свойствамъ души и сердца, словомъ, по всему его правдивому облику, былъ человѣкомъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ,

сосредоточились многія самыя рельефныя черты молодого поколѣнія русскаго общества, выступившаго со своими идеалами во 2-ую половину царствованія Александра I. Бестужевъ былъ арестованъ уже послѣ 14 декабря, въ Кронштадтѣ, куда онъ скрылся. Привезенный въ Зимній дворецъ, онъ отказался отвѣчать на допросѣ до тѣхъ поръ, пока ему не развяжутъ рукъ и не накормятъ. Онъ также отказался отвѣтить на личный вопросъ императора Николая I, откуда у него колода картъ (для пасьянса его матери); получивъ эти карты отъ одной дамы, Бестужевъ не счелъ возможнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Его отзывы о порядкѣ веденія слѣдствія вообще отличались необычной рѣзкостью, что и повлекло за собой увеличеніе его наказанія. Нѣкоторое время Бестужевъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургѣ, а затѣмъ былъ отправленъ въ Сибирь. Въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, съ поразительной яркостью обнаружились его необыкновенныя способности и дарованія. Многосторонніе таланты Бестужева буквально изумляли и ослѣпляли, и потому съ самаго же начала заключенія въ Читѣ ему начали дѣлать различныя послабленія. Для него устроили въ камерѣ нѣчто въ родѣ антресоли или полатей съ маленькимъ окномъ наверху, и тамъ у него была самая разнообразная мастерская: онъ шилъ башмаки (снабжалъ всю артель крѣпкой, отличной обувью), училъ шить обувь, исполнялъ для дамъ обязанности ювелира, чинилъ имъ и коменданту часы, точилъ изъ дерева различные подарки дѣтямъ въ отплату за лакомства, занимался слесарнымъ ремесломъ, дѣлалъ кольца, кресты и браслеты изъ кандаловъ, рисовалъ виды окрестностей и портреты товарищей. Съ самаго выхода изъ корпуса онъ не оставлялъ занятій миніатюрной живописью и, какъ показываютъ дошедшіе портреты, былъ превосходный миніатюристъ. Онъ самъ сдѣлалъ станокъ для работъ изъ кости, янтаря и разноцвѣтнаго дерева,

а также и всѣ, необходимыя для часового дѣла, машинки и приспособленія. Когда скончалась А. Г. Муравьева, онъ сдѣлалъ ей деревянный гробъ съ винтами и ручками и отлилъ свинцовый для вложенія туда деревяннаго. Еще въ Кронштадтѣ онъ изобрѣлъ особаго устройства кожаную лодку на полозьяхъ для передвиженія по льду и черезъ полыньи. Въ Петровскомъ заводѣ, осмотрѣвъ съ Торсономъ пильную машину, бездѣйствовавшую уже цѣлые года, онъ на другой же день пустилъ ее въ ходъ. Находясь въ Селенгинскѣ, онъ работалъ надъ ружейнымъ замкомъ и довелъ его до такого совершенства, что въ немъ былъ только одинъ шурупъ. По просьбѣ ген.-губ. гр. Муравьева, Бестужевъ сдѣлалъ одинъ замокъ, какъ модель, и гр. Муравьевъ отправилъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ и канулъ въ воду въ ученомъ комитетѣ. Онъ не только дѣлалъ самъ зрительныя трубы, но научилъ этому дѣлу одного бурята, Убугуна Сарампилова, и тотъ сталъ приготовлять трубы, отличавшіяся замѣчательной ясностью. Но особенно увлекался Бестужевъ идеей упрощеннаго хронометра. Одинъ устроенный имъ хронометръ не боялся 30° мороза. Оригинальность его хода заключалась въ постоянномъ отставаніи на $^1/_{10}$ секунды. Послѣ смерти Бестужева осталось много разобранныхъ часовъ, собрать которые не было никакой возможности, такъ какъ въ работѣ каждыхъ часовъ преслѣдовалась какая нибудь отдѣльная оригинальная мысль, составлявшая личный секретъ Бестужева. Онъ изобрѣлъ также особую печь, требовавшую мало дровъ и сохранявшую тепло. Вообще, при другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ этотъ замѣчательный человѣкъ могъ бы принести значительную пользу чистой и прикладной наукѣ, если онъ не затерялся и не ослабѣлъ до конца и подъ тяжелымъ молотомъ тюрьмы и угнетающей ссылки. Какъ подвиженъ и многостороненъ былъ этотъ пытливый умъ, какъ велика была сила

его живого духа при множествѣ препятствій, представившихся ему! Въ его «Запискахъ о Голландіи» замѣтна огромная наблюдательность; въ его «Разсказахъ и повѣстяхъ стараго моряка» (именно «Русскій въ Парижѣ въ 1814 г.» и др.), при всей сентиментальности послѣдней повѣсти, виденъ прекрасный, яркій, литературный языкъ, хорошій вкусъ и способность подмѣчать типичное. Статьи Бестужева печатались въ «Соревнователѣ» и «Сынѣ Отечества». Кромѣ того, онъ написалъ сочиненія: «О свободѣ торговли» и оставшіяся въ черновомъ видѣ: «Система міра» и «Упрощенное устройство хронометровъ». Селенгинскъ, куда Бестужевы прибыли на поселеніе въ 1839 г., едва имѣлъ до 60 домовъ, изъ которыхъ лишь 3 можно было назвать домами—остальные были все лачужки. Бестужевы поселились въ 5 верстахъ отъ города, ниже по теченію Селенги, въ сельской мѣстности, въ сосѣдствѣ съ бурятами. Скоро они сблизились съ мѣстнымъ небольшимъ обществомъ, вошли въ колею селенгинской жизни, стали принимать участіе во всѣхъ мѣстныхъ интересахъ, вопросахъ и развлеченіяхъ. Время своей домашней жизни они дѣлили между занятіями по хозяйству, поѣздками на пашню и на сѣнокосъ, а Н. Бестужевъ все свободное время посвящалъ разработкѣ своей любимой идеи—хронометру. Онъ любилъ ходить на охоту, и всѣ его охотничьи принадлежности были собственнаго приготовленія. Но охота служила для него только предлогомъ отыскивать красивые пейзажи, любоваться какимъ нибудь камнемъ, деревомъ, какой нибудь скалой. Когда опытъ съ разведеніемъ мериносовъ оказался неудаченъ, а «нужда начала хватать за бока» Бестужевыхъ, Михаилъ сталъ заниматься въ широкихъ размѣрахъ изготовленіемъ придуманныхъ имъ легкихъ двухколесныхъ экипажей (сидѣекъ или бестужевокъ), а Николай поѣхалъ въ Кяхту снимать портреты съ мѣстныхъ жителей, гдѣ былъ принятъ чрезвы-

чайно радушно всѣмъ мѣстнымъ обществомъ. Въ Иркутскѣ съ этой цѣлью онъ провелъ почти цѣлый годъ, хорошо принятый ген.-губ. Рупертомъ, губернаторомъ Пятницкимъ и всѣмъ высшимъ обществомъ города. Живописью масляными красками Бестужевъ сталъ заниматься съ тѣхъ поръ, какъ Рупертъ подарилъ ему полный приборъ со всѣми приспособленіями для этого. Въ украшеніи строившагося въ Селенгинскѣ собора (впослѣдствіи сгорѣвшаго) Бестужевъ принималъ дѣятельное участіе: самъ нарисовалъ нѣсколько иконъ и помогалъ совѣтами приглашенному иконописцу. Какъ личность, Бестужевъ оставилъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Его доброта и простота въ обращеніи привлекали къ нему всѣхъ. Его сердце откликалось на всякую нужду другихъ: онъ хлопоталъ и о рекрутѣ, неправильно сданномъ въ солдаты, и объ освобожденіи Селенгинска отъ притѣснителя-городничаго, и о матери Торсона, оставшейся безъ всякихъ средствъ, и о бурятскомъ хомбо-ламѣ и т. п. Н. А. Бестужеву не суждено было увидѣть вновь горячо любимую мать: ей не было разрѣшено прибыть въ Сибирь къ сыновьямъ, и она отъ горя скончалась въ 1846 г. Сестры могли пріѣхать къ братьямъ въ Селенгинскъ лишь подъ условіемъ вѣчно остаться съ ними на поселеніи. Возвращаясь изъ Иркутска, куда онъ ѣздилъ по приглашенію жандармскаго генерала Казимірскаго, съ которымъ онъ сблизился еще въ Петровскомъ заводѣ,— Бестужевъ при переправѣ черезъ Байкалъ уступилъ свою теплую повозку семьѣ одного бѣднаго чиновника и сильно простудился. Давно скрывавшаяся болѣзнь развилась, и онъ скончался 15 мая 1855 г., отказавшись обратиться къ медицинской помощи. «Послѣ его стоически-твердой борьбы съ судьбой-мачихой, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» его братъ Михаилъ, онъ, казалось, утомился жизнью и жаждалъ смерти».

Бечасновъ В. А.

Владимiръ Александровичъ Бечасновъ (или Бечасный), прапорщикъ 8 артиллерiйской бригады, родился въ 1802 г. въ Петербургской губ. Онъ учился сначала въ рязанскомъ народномъ училищѣ, затѣмъ въ рязанской гимназiи и наконецъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ принадлежалъ къ обществу Соединенныхъ славянъ. Бечасновъ былъ обвиненъ въ томъ, что «соглашался въ умыслѣ на цареубiйство съ клятвою на знанiе въ совершенiи онаго, возбуждалъ и подговаривалъ нижнихъ чиновъ, принялъ въ общество одного товарища». Онъ былъ причисленъ къ I разряду и приговоренъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ и вѣчному поселенiю. Во время заключенiя Бечасновъ изучилъ французскiй языкъ, котораго раньше не зналъ, до такой степени основательно, что впослѣдствiи могъ преподавать его. Небольшого роста, очень полный, Бечасновъ отличался чрезвычайной подвижностью, суетливостью и необыкновенной разсѣянностью. Не имѣя ни обширнаго ума, ни широкаго образованiя, Бечасновъ, какъ и почти всѣ безъ исключенiя декабристы, обладалъ очень мягкимъ характеромъ, добрымъ сердцемъ и былъ въ высокой степени честенъ. Бечасновъ поселился въ Смоленщинѣ, въ 12 в. отъ Иркутска, и первый занялся тамъ разведенiемъ конопли. Здѣсь впослѣдствiи онъ устроилъ, въ компанiи съ иркутскимъ купцомъ Бѣлоголовымъ, первую маслобойку, которой и отдавалъ все свое время и всю свою неистощимую энергiю. Эта маслобойка была въ

Владиміръ Александровичъ
Бечасновъ.

то же время единственнымъ источникомъ существованія для его многочисленной семьи. Бечасновъ не вернулся въ Россію послѣ всеобщей амнистіи 1856 г. и навсегда остался въ Смоленщинѣ, гдѣ женился на мѣстной крестьянкѣ. Бечасновъ въ октябрѣ 1859 г. скончался отъ апоплексическаго удара и похороненъ въ той же Смоленщинѣ, оставивъ по себѣ память вполнѣ хорошаго человѣка.

Бобрищевъ-Пушкинъ П. С.

Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, поручикъ квартирмейстерской части, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и привлеченіемъ въ тайное общество одного члена», отнесенъ къ IV разряду и приговоренъ къ 15-лѣтней каторгѣ и затѣмъ вѣчному поселенію въ Сибири. Бобрищевъ-Пушкинъ родился въ 1802 г. въ семьѣ почтеннаго и богатаго помѣщика Тульской губ., человѣка религіознаго, со стойкимъ и благороднымъ характеромъ и воспитывался дома, имѣя дядьку эльзасца Облингера, а потомъ поступилъ въ муравьевскую школу колонновожатыхъ. Офицеромъ генеральнаго штаба Бобрищевъ-Пушкинъ поступилъ по квартирмейстерской части во 2 армію въ штабъ гр. Витгенштейна. Въ Тульчинѣ вступилъ въ члены Южнаго общества. Братъ его Николай былъ прямо отправленъ на поселеніе въ Туруханскъ, гдѣ и получилъ хроническое разстройство умственныхъ способностей. По окончаніи срока каторжныхъ работъ, П. С. нѣсколько времени пробылъ на поселеніи въ Верхоленскѣ Иркут. губ., гдѣ всѣ прощались съ нимъ со слезами и объятіями, когда онъ получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Красноярскъ, чтобы имѣть на своемъ попеченіи умалишеннаго брата. Въ началѣ 1840 г. Бобрищевы-Пушкины были переведены въ Тобольскъ. Совмѣстная жизнь съ братомъ вскорѣ оказалась невозможной для П. С., такъ какъ у боль-

Павелъ Сергѣевичъ
Бобрищевъ-Пушкинъ.

ного стали обнаруживаться припадки буйнаго умопомѣшательства, и П. С. поселился въ одной комнатѣ въ обширномъ домѣ Свистуновыхъ. Братья, не имѣя никакихъ средствъ и не получая ничего отъ родственниковъ, находились въ большой нуждѣ и потому, переѣхавъ въ Тобольскъ, начали получать казенное пособіе по 57 р. 14²/₇ коп. серебр. въ годъ. Н. С., какъ больной, съ 1845 г. сталъ получать пособіе въ высшемъ размѣрѣ. Буйные припадки, которыми страдалъ Николай Сергѣевичъ, съ теченіемъ времени перешли въ тихое помѣшательство. Но тѣмъ не менѣе за все время своего пребыванія въ Тобольскѣ Н. С. не только находился подъ надзоромъ полиціи, но и аттестовался: «поведенія хорошаго, сколько помѣшательство ума дозволяетъ» или: находится въ помѣшательствѣ ума». Послѣ общей амнистіи 1856 г. Бобрищевы-Пушкины выѣхали въ имѣніе сестры, въ Тульскую губернію. П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ скончался 13 февраля 1865 г. въ Москвѣ, въ домѣ Н. Д. Пущиной (бывшей Фонъ-Визинъ) послѣ тяжкихъ страданій отъ каменной болѣзни. П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ былъ натура глубокая, высокоодаренная, исключительная. Въ первое время заключенія въ читинскомъ острогѣ онъ пережилъ трудный и сложный процессъ мысли, тяжелый внутренній процессъ, которымъ всегда сопровождается переломъ убѣжденій у глубокихъ и сильныхъ натуръ. Въ немъ происходила борьба между исключительнымъ культомъ разума, религіей французскихъ философовъ XVIII в., съ которыми онъ былъ хорошо знакомъ, и столь утѣшительными для чувства идеями христіанства, шла борьба между научнымъ матеріализмомъ и христіанскимъ идеализмомъ. Онъ потерялъ сонъ, аппетитъ, поблѣднѣлъ, похудѣлъ, боролся съ сомнѣніями, читалъ религіозныя книги. П. С. вышелъ изъ этой борьбы окончательно укрѣпленнымъ въ идеяхъ христіанства и старался проводить ихъ въ жизнь. Онъ

сталъ спокоенъ, доволенъ, терпѣливъ, снисходителенъ къ другимъ и строгъ къ себѣ. Въ Петровскомъ острогѣ онъ усердно работалъ въ теченіе цѣлой недѣли, а по субботамъ складывалъ всѣ свои орудія, зажигалъ лампаду передъ иконой и занимался чтеніемъ Библіи и религіозныхъ книгъ. Такъ какъ среди декабристовъ было много людей искренне религіозныхъ, то около Бобрищева-Пушкина скоро сгруппировался кружокъ лицъ, интересовавшихся чтеніемъ религіозныхъ книгъ. Кружокъ этотъ получилъ въ шутку названіе конгрегаціи. Прекрасный математикъ, онъ былъ преподавателемъ еще въ муравьевскомъ училищѣ колонновожатыхъ, а въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ читалъ товарищамъ курсъ высшей математики. Философскіе вопросы всегда интересовали Бобрищева-Пушкина. Въ Читинскомъ острогѣ онъ написалъ статью о происхожденіи человѣческаго слова, въ которой стоялъ на чисто спиритуалистической точкѣ зрѣнія. Этотъ трактатъ былъ прочтенъ публично, и всѣ, даже принципіально расходившіеся съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, признали силу его логическихъ доводовъ и вѣрность историческихъ данныхъ. Бобрищевъ-Пушкинъ хорошо владѣлъ стихомъ. Онъ переложилъ въ стихи посланіе ап. Павла о любви и написалъ рядъ басенъ, изъ которыхъ уцѣлѣли «Брага» и «Дитя и пятнышко» и, быть можетъ, еще кое-что. Въ Тобольскѣ П. С. велъ чрезвычайно скромную жизнь и хотя мѣстной администраціей отмѣчался «ничѣмъ не занимающимся», однако, на самомъ дѣлѣ, кромѣ чтенія книгъ, преимущественно духовнаго содержанія, занимался изученіемъ гомеопатіи и лѣченіемъ бѣдныхъ. Въ особенности была обширна его дѣятельность въ 1848 г., когда въ Тобольскѣ свирѣпствовала холера; онъ самоотверженно и неустанно работалъ въ самый разгаръ эпидеміи, ухаживая за больными. Труды П. С. въ этомъ направленіи привлекли къ нему общія симпатіи населенія, и тобольская администрація не ста-

вила ему никакихъ препятствій въ этомъ отношеніи. Въ Тобольскѣ онъ велъ аскетическую жизнь и избѣгалъ свѣтскихъ удовольствій. Больныхъ своихъ онъ посѣщалъ въ особой телѣжкѣ съ аптечкой. Онъ боялся холода и потому изобрѣталъ себѣ оригинальные костюмы, наиболѣе теплые и удобные, по его мнѣнію. Въ послѣдніе годы жизни своей въ Тобольскѣ П. С. сталъ жаловаться на разные недуги и терять зрѣніе.

Борисовъ А. И.

Андрей Ивановичъ Борисовъ, отставной поручикъ, принадлежалъ къ обществу Соединенныхъ славянъ и былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго, учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ и содѣйствовалъ къ составленію устава, дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу». Борисовъ былъ отнесенъ къ тому же разряду и приговоренъ къ такому же наказанію, какъ его братъ А. И. Борисовъ родился въ 1798 г. Образованіе онъ получилъ въ домѣ родителей, а математику и артиллерію изучилъ у капитана Берстеля. Въ ссылкѣ у Андрея Борисова развилась психическая болѣзнь, нѣчто въ родѣ меланхоліи; онъ чуждался всякаго посторонняго человѣка, никогда не выходилъ изъ дома и поспѣшно скрывался въ сосѣднюю комнату при появленіи кого бы то ни было. Его братъ былъ единственнымъ живымъ существомъ, которое онъ допускалъ до себя и съ которымъ разговаривалъ. Онъ могъ заниматься только переплетомъ книгъ, что доставляло ему небольшой заработокъ. Онъ лишилъ себя жизни въ одинъ день съ кончиной брата. Взломавшіе дверь въ ихъ помѣщеніе нашли Петра Ивановича мертвымъ въ кровати, а Андрея висѣвшимъ въ петлѣ подлѣ этой кровати: одичалый и полупомѣшанный, онъ понялъ, что не можетъ существовать безъ брата, который посвятилъ уходу за нимъ 30 послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Въ лицѣ брата порвалась единственная нить, связывавшая его съ міромъ, и ему ничего не оставалось болѣе, какъ и самому покинуть этотъ міръ...

Андрей Ивановичъ
Борисовъ.

Борисовъ П. И.

Петръ Ивановичъ Борисовъ, подпоручикъ 8 артиллерійской бригады, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго и умышлялъ на лишеніе свободы Его Высочества Цесаревича; учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, приуготовлялъ способы къ оному, составилъ катехизисъ и клятвенное обѣщаніе, дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу». Борисовъ былъ отнесенъ къ I разряду и, по смягченію приговора, вмѣсто смертной казни отсѣченіемъ головы, былъ осужденъ на вѣчную каторжную работу. Борисовъ родился въ 1800 г. и получилъ образованіе въ домѣ отца. Поступивъ 18 лѣтъ юнкеромъ въ артиллерійскую бригаду, Борисовъ провелъ нѣкоторое время съ своей частью въ имѣніи одного польскаго помѣщика, гдѣ была библіотека, наполненная произведеніями французскихъ писателей XVIII в. Здѣсь Борисовъ, зная нѣсколько французскій языкъ, принялся за чтеніе Вольтера, Гельвеція, Гольбаха и др. философовъ-энциклопедистовъ. Это опредѣлило его міровоззрѣніе на всю жизнь. Онъ сталъ убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ атеистомъ. Борисовъ былъ глубокая и оригинальная натура; съ сильнымъ воображеніемъ и очень твердой волей онъ соединялъ необыкновенную мягкость и кротость. Фанатическій и убѣжденный приверженецъ идей, воспринятыхъ отъ философовъ-энциклопедистовъ, Борисовъ

дѣйствовалъ всегда только кроткимъ словомъ убѣжденія и личнымъ примѣромъ. Его основной идеей въ области нравственности было то, что можно быть добродѣтельнымъ, оставаясь атеистомъ. Христіанство онъ считалъ «рабской религіей». Въ читинскомъ казематѣ Борисовъ работалъ не менѣе 10 часовъ въ сутки. «Онъ ложился въ одно время съ другими, говоритъ Фроловъ, но раньше его никто не вставалъ. Какъ бы рано ни проснулся — а онъ уже сидитъ и работаетъ при огнѣ». «Проповѣдуя невѣріе, говоритъ о немъ Якушкинъ, онъ былъ скромнаго и кроткаго нрава: никто не слыхалъ, чтобы онъ когда нибудь возвысилъ голосъ и, конечно, никто не подмѣчалъ въ немъ и тѣни тщеславія. Благорасположеніе ко всѣмъ проявлялось у него на каждомъ шагу, и съ дѣтскимъ послушаніемъ онъ исполнялъ требованія кого бы то ни было. Онъ любилъ страстно чтеніе и рисовалъ очень недурно; но требовалъ ли кто, чтобы онъ вскопалъ гряды—онъ тотчасъ оставлялъ свои занятія и брался за заступъ. Нужно ли было кому воду для поливки — онъ безъ всякой отговорки приносилъ ведро съ водой. Слѣдя внимательно за всѣми его поступками, невольно приходитъ на мысль, что этотъ человѣкъ, несознательно для самого себя, былъ проникнутъ духомъ христіанства». Борисовъ любилъ заниматься исторіей и философіей, и М. Бестужевъ называетъ его «первостатейный нашъ философъ». Отличный рисовальщикъ, Борисовъ составилъ прекрасную коллекцію рисунковъ забайкальской флоры и орнитологическую. Кромѣ того, онъ былъ очень хорошимъ столяромъ, токаремъ, и переплетчикомъ. П. И. Борисовъ имѣлъ выдающійся талантъ организатора. Еще въ 1818 г. онъ организовалъ кружокъ, имѣвшій цѣлью усовершенствованіе своихъ членовъ въ наукахъ и искусствахъ; вскорѣ къ этому присоединилась задача очищенія нравственныхъ и религіозныхъ представленій отъ предразсудковъ. Съ теченіемъ времени сфера интересовъ

Петръ Ивановичъ
Борисовъ.

кружка расширилась политическими идеями республиканскаго характера, и Борисовъ, принявъ за основаніе начала Платона, написалъ уставъ, выработалъ правила, девизы, клятвенныя обѣщанія. Въ 1823 г. Борисовъ, при содѣйствіи Горбачевскаго, основалъ общество Соединенныхъ славянъ. Оно ставило себѣ задачей политическое освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ, объединеніе ихъ въ федеративный союзъ и учрежденіе центральнаго органа управленія на представительныхъ началахъ. Славянское общество было демократичнѣе Южнаго, и въ его планы, а особенно въ пріемы тактики, въ значительной степени входили элементы нравственной категоріи, между тѣмъ какъ въ Южномъ обществѣ ближайшіе, чистополитическіе планы и чисто практическія средства для ихъ достиженія привлекали къ себѣ исключительное вниманіе членовъ этого общества. Члены Южнаго общества, по большей части, принадлежали къ знати, имѣли болѣе солидный возрастъ и болѣе высокіе чины; богатство, связи, чины были какъ бы необходимымъ условіемъ для принятія въ члены этого общества. Они думали произвести переворотъ одной военной силой, безъ участія народа, не открывая своихъ дѣйствительныхъ намѣреній не только нижнимъ чинамъ, но и молодымъ офицерамъ. Гораздо болѣе высокое положеніе многихъ главныхъ членовъ Южнаго общества также отражались на характерѣ ихъ отношеній къ сочленамъ, далеко ниже ихъ стоявшимъ въ военной іерархіи. Славянское же общество состояло изъ людей молодыхъ, энтузіастовъ и идеалистовъ, невидныхъ по своему общественному положенію. Они требовали другъ отъ друга стремленія къ собственному усовершенствованію, презрѣнія къ предразсудкамъ и твердаго желанія полнаго всеобщаго преобразованія. Проникнутые сознаніемъ обширности своего плана, они считали необходимымъ содѣйствіе всѣхъ сословій для его осуществленія. Они были

противъ военныхъ революцій, называя ихъ «гробами свободы»; они находили, что прежде всего необходимо подготовлять народъ къ новому строю гражданскаго существованія, а потомъ уже и вводить его. Но такъ какъ Славянское общество состояло изъ молодежи, естественно склонной увлекаться дальше намѣченныхъ цѣлей, то въ скоромъ времени на него замѣтно повліялъ духъ Васильковской управы Южнаго общества, которое, узнавъ черезъ Тютчева отъ Сергѣя Муравьева-Апостола о существованіи другого тайнаго общества, обратилось къ славянамъ съ предложеніемъ соединиться. Энтузіазмъ Бестужева-Рюмина и обаятельное вліяніе личности Сергѣя Муравьева-Апостола увлекли въ 1825 г. славянъ къ соединенію съ Южнымъ обществомъ, хотя Борисовъ, иниціаторъ и предсѣдатель перваго общества, былъ противъ безусловнаго слiянія, такъ какъ это было бы несогласно съ самыми основными задачами общества Соединенныхъ славянъ. Такимъ образомъ, члены этого общества могутъ считаться родоначальниками позднѣйшихъ славянофиловъ, только съ яркой политической, даже республиканской окраской. Въ Читинскомъ острогѣ бывшіе славяне также группировались около Борисова. Съ теченіемъ времени срокъ каторжныхъ работъ Борисову, какъ и всѣмъ декабристамъ, сокращался, и въ началѣ 40-хъ годовъ онъ уже былъ на поселеніи въ дер. Малой Разводной въ 5-ти верстахъ отъ Иркутска. Здѣсь онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ сумасшедшимъ братомъ Андреемъ, въ маленькомъ домикѣ посрединѣ обширнаго двора, заросшаго крапивой, лопухомъ и др. сорными травами, наполняя свои дни чтеніемъ, рисованіемъ и уходомъ за братомъ. Изъ Россіи Борисовы ничего не получали и жили скудно на пособія товарищей-декабристовъ; кромѣ того, Борисовъ зарабатывалъ ничтожныя крохи рисованіемъ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, въ чемъ былъ очень искусенъ, а также иногда давалъ дѣтямъ состоя-

тельныхъ иркутянъ уроки математики и естественной исторіи. У него была небольшая коллекція сибирскихъ птицъ и животныхъ и множество рисунковъ. Семейный очагъ не скрасилъ безрадостнаго существованія Борисова: онъ уже получилъ было согласіе на бракъ отъ молоденькой и хорошенькой вдовы Ильинскаго, врача при читинской тюрьмѣ, но родные до того напугали ее перспективой совмѣстной жизни съ сумасшедшимъ братомъ Борисова, что она взяла обратно свое согласіе. Борисовъ, какъ говоритъ Бѣлоголовый, былъ «необыкновенно кроткое и скромное существо; онъ былъ невысокаго роста, очень худощавъ; я до сихъ поръ не могу позабыть его большихъ вдумчивыхъ глазъ, искрившихся безграничной добротой и прямодушіемъ, его нѣжной, привлекательной улыбки и тихой его рѣчи». 30 сентября 1854 г. судьба прервала его безрадостные дни: онъ внезапно скончался въ той же Малой Разводной отъ разрыва своего многострадальнаго, прекраснаго сердца...

Фонъ-деръ-Бриггенъ А. Ѳ.

Александръ Ѳеодоровичъ фонъ-деръ-Бриггенъ, отставной полковникъ, родился въ 1792 г. и былъ крестникъ Державина. Онъ получилъ образованіе въ Петербургѣ, сначала въ училищѣ св. Петра, затѣмъ въ пансіонѣ Мейера и долгое время бралъ уроки у проф. Раупаха. Бриггенъ принадлежалъ къ масонской ложѣ «Петра къ истинѣ». Участіе въ масонскихъ ложахъ было почти обязательно для образованныхъ и передовыхъ людей того времени. «Соединеніе въ ложахъ людей разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ, мнѣній, говоритъ Пыпинъ, соединеніе ихъ во имя какой то идеи, должно было производить впечатлѣніе; мысль, что они исполняютъ какую то программу, служитъ нравственнымъ и общественнымъ цѣлямъ, должна была дѣйствовать возбуждающимъ образомъ». Многіе декабристы были членами масонскихъ ложъ; даже въ оккупаціонномъ корпусѣ въ Любекѣ существовала ложа «Георгія Побѣдоносца», одна изъ 23 ложъ, состоявшихъ подъ главенствомъ «Астреи». Бриггенъ принималъ участіе въ войнѣ 1812 г. и полковникомъ измайловскаго полка вышелъ въ отставку въ 1825 г., получилъ уже паспортъ на выѣздъ за границу и кредитивъ на банкирскую контору Ливіо въ Гамбургѣ. Болѣзнь жены, урожденной Миклашевской, задержала его на зиму въ Петербургѣ; въ это время онъ потерялъ свой капиталъ вслѣдствіе банкротства Ливіо и былъ арестованъ. Фонъ-деръ-Бриг-

Александръ Өедоровичъ
Фонъ-деръ-Бриггенъ.

генъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, въ дѣятельности котораго не принималъ активнаго участія, и былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго». Причисленный къ VII разряду осужденныхъ, онъ былъ приговоренъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ и вѣчному поселенію. Послѣ годичнаго пребыванія въ Читѣ, онъ былъ препровожденъ въ Пелымъ Тобольской губ. лѣтомъ 1828 г. Его семья состоявшая изъ жены, трехъ сыновей и дочери, осталась въ Россіи, въ Глуховскомъ уѣздѣ Черниг. губ. Онъ получалъ отъ жены по 1000 р. ассиг. въ годъ и особенныя суммы на первоначальное обзаведеніе, такъ какъ въ Пелымѣ построилъ себѣ деревянный домъ, состоявшій изъ 3 комнатъ, со службами, необходимыми для хозяйства и небольшого скотоводства. Пагубный климатъ Пелыма скоро отразился вредно на здоровьѣ фонъ-деръ-Бриггена. Въ 1831 г. онъ началъ ходатайствовать о переводѣ въ какую нибудь мѣстность на югѣ Тобольской губ. На докладной запискѣ гр. Бенкендорфа объ этомъ Николай I написалъ: «Начали всѣ проситься; надобно быть осторожнѣе въ согласіи на это, въ особенности нынѣ». Новая просьба въ 1834 г. была также безуспѣшной. Лишь въ 1836 г. фонъ-деръ-Бриггенъ получилъ разрѣшеніе переселиться въ Курганъ. Въ 1838 г. онъ былъ принятъ въ курганскій окружный судъ канцелярскимъ служителемъ 4 разряда съ правомъ выслуги перваго чина черезъ 12 лѣтъ, который, впрочемъ, онъ получилъ черезъ 10 лѣтъ, въ 1848 г., когда былъ назначенъ засѣдателемъ курганскаго окружного суда. Переписка его оставалась подъ надзоромъ, и самъ онъ не имѣлъ права владѣнія недвижимымъ имуществомъ въ Россіи. Оказавшись въ обществѣ сибирскихъ чиновниковъ стараго времени, Бриггенъ долженъ былъ пострадать за ихъ обычныя злоупотребленія: въ 1850 г. онъ былъ преданъ суду за не-

правильный и противозаконный ходъ дѣла объ одномъ убійствѣ и фальшивыхъ монетчикахъ. Это странное сожительство такого человѣка, какъ фонъ-деръ-Бриггенъ, съ приказными подъячими повлекло за собой неудовольствія послѣднихъ противъ него, и въ 1850 г. тобольскій губернаторъ Энгельке аттестовалъ его, какъ человѣка, «склоннаго къ интригамъ и имѣющаго знакомство съ людьми нетрезваго поведенія». Хотя и незаслуженно, однако на Бриггена было наложено административное взысканіе, и онъ въ томъ же 1850 г. былъ переведенъ засѣдателемъ въ туринскій окружный судъ, «за неумѣстныя его званію сужденія и заносчивое поведеніе». Въ 1856 г. онъ возвратился въ Россію и скончался въ Петербургѣ 27 іюня 1859 г. отъ остраго холероподобнаго заболѣванія. Оставшись безъ надежды свидѣться съ семьей, Бриггенъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Курганъ, въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, завелъ въ изгнаніи новую семью въ лицѣ мѣстной жительницы Александры Тихоновны Томниковой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, Марію и Екатерину, и сына Николая. Бриггенъ жилъ во флигелѣ собственнаго дома, въ которомъ помѣщалась его семья. Изъ товарищей въ 40-хъ и 50-хъ годахъ у него бывалъ только Башмаковъ, а изъ горожанъ—запасной землемѣръ Ѳедоровъ, управляющій илецко-ивановскимъ винокуреннымъ заводомъ Кельбединъ и засѣдатель Голодниковъ, и нынѣ здравствующій ветеранъ сибирской печати. Бриггенъ «былъ отлично образованъ, говоритъ Розенъ, имѣлъ самыя честныя правила и добрѣйшее сердце. Въ возстаніи онъ не участвовалъ и былъ осужденъ за образъ мыслей, за слова, за бесѣды, какъ 4/5 всѣхъ моихъ соучастниковъ». «Онъ переносилъ свое несчастіе, продолжаетъ Розенъ, съ необыкновенной твердостью; пріятная наружность его, румянецъ во всю щеку, изысканность въ одеждѣ показывали довольство и спокойствіе даже когда при чтеніи глупаго приказа и безтолковаго правитель-

ственнаго распоряженія случилось ему твердить: c'est atroce!—то за этимъ тотчасъ опять появлялась спокойная улыбка. Иногда бывало скучно ему, но грустно—никогда». Зная хорошо латинскій языкъ, Бриггенъ затратилъ много времени и труда на переводъ сочиненій Юлія Цезаря на русскій языкъ, посвятилъ свою работу Жуковскому и просилъ его въ 1845 г. взять на себя изданіе. Печатаніе труда разрѣшено было лишь подъ условіемъ не обозначать имени переводчика. Бриггенъ согласился на это, рукопись была послана Жуковскому черезъ III отдѣленіе, которое также препроводило Бриггену и деньги, полученныя за переводъ отъ Жуковскаго—714 р. 26 к.

Булатовъ А. М.

Александръ Михайловичъ Булатовъ, полковникъ, командиръ 12-го егерскаго полка, родился въ 1793 г. Его отецъ, Михаилъ Леонтьевичъ, типичный фронтовикъ конца XVIII и начала XIX вв., суровый деспотъ въ семьѣ, всецѣло преданный идеѣ самодержавія и во всѣхъ ея самыхъ отрицательныхъ проявленіяхъ, совсѣмъ не занимался воспитаніемъ сына, который, послѣ смерти матери, жилъ въ домѣ ея родственниковъ. Отецъ Булатова женился вторично на урожденной Нилусъ, вполнѣ подходившей къ нему по образу мыслей. Между А. М. Булатовымъ и его единокровными братьями не было ничего общаго ни по характеру, ни по воспитанію, ни по направленію. Въ войнѣ 1812 г. Булатовъ принялъ дѣятельное участіе и обнаружилъ выдающуюся храбрость: бралъ баттареи со своей ротой, всегда шелъ впереди своихъ солдатъ и увлекалъ ихъ. Во время кампаніи онъ получилъ нѣсколько ранъ. Вѣроятно, ко времени его заграничныхъ походовъ относится знакомство съ передовой военной молодежью того времени, которая приняла участіе въ освободительномъ движеніи конца десятыхъ и начала двадцатыхъ годовъ XIX в., и сначала, можно думать, принадлежалъ къ одной изъ многочисленныхъ масонскихъ ложъ того времени, переродившихся вскорѣ въ тайныя общества политическаго характера. Въ 1818 или въ 1819 г. Булатовъ женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Мельниковой и въ 1823 г. былъ назначенъ командиромъ

Александръ Михайловичъ
Булатовъ.

12-го егерскаго полка, стоявшаго въ Керенскѣ, Пензенской губ. Вскорѣ онъ лишился нѣжно любимой жены и впалъ въ глубокое отчаяніе, выходъ изъ котораго нашелъ, повидимому, въ горячемъ интересѣ къ дѣламъ обоихъ тайныхъ обществъ, Сѣвернаго и Южнаго, въ особенности перваго и велъ дѣятельную переписку съ Пестелемъ, Рылѣевымъ, Бестужевымъ, Трубецкимъ, Каховскимъ и др. Руководители Сѣвернаго общества настолько цѣнили энергію Булатова, что поручили ему быть помощникомъ кн. Трубецкаго, избраннаго диктаторомъ. 1 декабря 1825 г. Булатовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, безъ отпуска, и въ слѣдующія двѣ недѣли былъ чрезвычайно занятъ подготовляемымъ возстаніемъ. Въ событіяхъ дня 14 декабря Булатовъ, какъ и князь Трубецкой, не принималъ дѣятельнаго участія. Нѣкоторое время въ этотъ день онъ находился на Адмиралтейскомъ бульварѣ въ 20 шагахъ отъ императора Николая I, съ двумя заряженными револьверами наготовѣ. Въ тотъ же вечеръ, считая для себя позорнымъ не раздѣлить судьбы товарищей и, очевидно, терзаемый угрызеніями совѣсти по поводу своего необъяснимаго нерѣшительнаго поведенія въ качествѣ помощника диктатора кн. Трубецкаго, даже не явившагося на Сенатскую площадь,—Булатовъ отправился къ петербургскому коменданту Башуцкому и объяснилъ свою роль въ подготовкѣ событій 14 декабря. За откровенное признаніе, что онъ намѣревался и могъ бы убить Николая I, «да сердце отказывало», послѣ разговора съ нимъ, Булатовъ былъ отправленъ въ Петропавловскую крѣпость и водворенъ въ квартирѣ ея коменданта подъ арестъ. На допросахъ Булатовъ велъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ и твердостью: онъ заявилъ, что лично онъ виноватъ, но отказался что-либо отвѣчать о соучастникахъ, объ ихъ планахъ и намѣреніяхъ. Члены комиссіи были чрезвычайно недовольны его упорствомъ. Все время своего заключенія Булатовъ находился въ крайнемъ нервномъ возбужденіи, которое 18 ян-

варя 1825 г. приняло, повидимому, форму остраго помѣшательства, и Булатовъ началъ биться головой о стѣну съ такой силой, что раздробилъ себѣ черепъ съ лѣвой стороны, и изъ раны выступила кровь и часть мозга... Еще живымъ онъ былъ перенесенъ въ госпиталь и скончался утромъ 19 января 1825 г. Не безъ труда его братъ получилъ разрѣшеніе похоронить его на охтенскомъ Георгіевскомъ кладбищѣ. А. М. Булатовъ былъ довольно плотный блондинъ, средняго роста, съ блестящими и выразительными сѣро-голубыми глазами, съ круглымъ, бѣлымъ лицомъ и небольшимъ румянцемъ на щекахъ. Переживаемыя имъ душевныя волненія къ декабрю 1825 г. отразились и на его наружности: онъ похудѣлъ, осунулся, на вискахъ засеребрилась сѣдина, впавшіе глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Психическая личность Булатова до сихъ поръ не достаточно уяснена. Съ одной стороны, онъ былъ глубоко захваченъ новыми освободительными идеями, увлекался ими, былъ имъ преданъ; съ другой— вліяніе чрезвычайно властнаго отца, единокровныхъ братьевъ, старинныя ультра-монархическія традиціи дома Булатовыхъ какъ бы парализовали его волю въ рѣшительные моменты. Рана, полученная имъ въ голову во время одного сраженія и явившаяся причиной сильныхъ и мучительныхъ болей, не прошла, очевидно, безслѣдно для его психики. Послѣ смерти жены онъ впалъ въ глубокую меланхолію и хотѣлъ воздвигнуть надъ ея могилой какой-то необыкновенный храмъ. Наконецъ, самый фактъ его самоубійства столь необыкновеннымъ способомъ обличаетъ въ немъ натуру твердую и рѣшительную, но затронутую психизомъ, вѣроятно, давно уже развивавшемся въ немъ.

Быстрицкій А. А.

Андрей Андреевичъ Быстрицкій, подпоручикъ черниговскаго полка, родомъ изъ Кіевской губ., былъ осужденъ военнымъ судомъ 1-й арміи въ Могилевѣ на Днѣпрѣ и приговоренъ къ 20-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ за принятіе активнаго участія въ вооруженной попыткѣ Сергѣя Муравьева-Апостола, во время которой онъ получилъ контузію при столкновеніи съ правительственными войсками. 5 сентября 1826 г. Быстрицкій, вмѣстѣ съ барономъ Соловьевымъ, Мазалевскимъ и Сухиновымъ, былъ отправленъ пѣшкомъ изъ Кіева въ Москву. Всѣ они имѣли при себѣ только 2 р. денегъ. Дорогой они подвергались всѣмъ перемѣнамъ осенней погоды и не имѣли возможности защититься отъ дождя и холода; по ночамъ смрадныя, тѣсныя тюрьмы доставляли имъ новыя мученія. Общество воровъ, разбойниковъ, бродягъ и распутныхъ женщинъ внушало имъ отвращеніе къ жизни и презрѣніе къ человѣчеству. Это передвиженіе по этапу расшатало ихъ здоровье. Скованные по рукамъ и по ногамъ, они не могли даже перемѣнить рубашки (у нихъ на рукахъ были наручники, желѣзныя палки особаго устройства). Съ Быстрицкимъ и его товарищами сдѣлался тифъ, такъ что они ничего не помнили о своемъ передвиженіи отъ Калуги до Москвы, куда они прибыли, лежа на подводахъ съ арестантскими вещами, привязанные веревками. Въ Москвѣ они должны были лѣчиться, и Быстрицкій остался тамъ, когда его товарищи уже

двинулись въ Сибирь. Быстрицкій былъ доставленъ сначала въ Читу, а затѣмъ вмѣстѣ со всѣми перешелъ въ Петровскій заводъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ Быстрицкій былъ на поселеніи въ деревнѣ Хомутовой Иркутской губ. и въ 1856 г., послѣ амнистіи, отправился на родину. Не найдя въ живыхъ никого изъ родственниковъ и не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, Быстрицкій ходатайствовалъ о продолженіи ему пособія, которое получалъ въ Сибири (15 десятинный надѣлъ, 114 р. деньгами и на одежду, а также и паекъ отъ 18—30 р., т. е. всего деньгами отъ 132—142 р.). Въ 1872 г. Быстрицкій скончался въ Подольской губерніи.

Андрей Андреевичъ
Быстрицкій.

Бѣляевъ А. П.

Александръ Петровичъ Бѣляевъ, мичманъ гвардейскаго экипажа, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ». Онъ былъ отнесенъ къ IV разряду осужденныхъ и приговоренъ къ 15-лѣтней каторгѣ и вѣчному поселенію въ Сибири. Судьба братьевъ Бѣляевыхъ служитъ типичнымъ примѣромъ того, какъ духъ времени въ Александровскую эпоху вліялъ на частную военную молодежь, а также и доказательствомъ высокаго умственнаго и нравственнаго уровня огромнаго большинства заключенныхъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ декабристовъ, что, въ свою очередь, такъ благодѣтельно вліяло на такихъ юныхъ, небогатыхъ знаніями людей, какими были, напр., братья Бѣляевы. Бѣляевъ родился въ 1803 г. въ с. Ершовѣ Чембарскаго уѣзда Пензенской губ., гдѣ отецъ его былъ управляющимъ огромными имѣніями гр. Разумовскаго. Отецъ Бѣляева, отставной офицеръ, былъ человѣкъ образованный; онъ зналъ нѣмецкій языкъ и порядочно усвоилъ современную ему нѣмецкую философію. Онъ былъ масонъ и раньше состоялъ секретаремъ у Лабзина. Отецъ Бѣляева умеръ, когда мальчику было всего 7 лѣтъ, и, такимъ образомъ, его нравственное вліяніе на сыновей стало проявляться лишь въ формѣ любви и глубокаго уваженія къ своей памяти, которыя покойный оставилъ навсегда въ осиротѣвшей семьѣ, что превратилось въ семейный культъ; умственное его вліяніе

должно было дѣйствовать на дѣтей посредствомъ хорошей, составленной имъ библіотеки, въ которой было много книгъ на нѣмецкомъ языкѣ и переводовъ съ французскаго и англійскаго. Мать Бѣляевыхъ, шведка, урожденная Виреніусъ, привила дѣтямъ любовь къ труду, аккуратность и глубокое религіозное настроеніе. Гр. Разумовскій выдалъ вдовѣ Бѣляева 10,000 р. и предоставилъ ей въ пожизненное пользованіе одинъ изъ флигелей въ ершовскомъ имѣніи. Бѣляевы провели свѣтлое, счастливое дѣтство, среди природы, въ любящей семьѣ съ образцовымъ внутреннимъ строемъ жизни. 11 лѣтъ Бѣляевъ, отличавшійся очень впечатлительнымъ, живымъ характеромъ, былъ отвезенъ въ Москву и жилъ нѣкоторое время въ домѣ кн. Долгорукова, жена котораго была очень дружна съ одной изъ сестеръ Бѣляева. По переѣздѣ Долгоруковыхъ въ Петербургъ Бѣляевъ поступилъ въ 1815 г. въ морской кадетскій корпусъ и былъ поселенъ на квартирѣ у учителя корпуса Авенаріуса. Несмотря на скудную матеріальную обстановку въ домѣ Авенаріуса, нравственная атмосфера тамъ была превосходна, и Бѣляевъ очень полюбилъ Авенаріуса и его старушку-мать. Въ корпусѣ было совсѣмъ другое: учениковъ тамъ били, сѣкли; нравственнаго воспитанія не было совсѣмъ. Учились тамъ по 8 часовъ ежедневно. Въ корпусѣ на религіозное настроеніе Бѣляева имѣла сильное вліяніе кратковременная преподавательская дѣятельность іеромонаха Іова, вскорѣ удаленнаго за то, что онъ изрѣзалъ ножомъ полотна образовъ иконостаса и запрестольнаго образа (вѣроятно, подъ вліяніемъ утрированнаго духа протестантства, къ которому онъ былъ склоненъ). Въ 1817 г. Бѣляевъ былъ выпущенъ изъ корпуса гардемариномъ и, по ходатайству кн. Долгоруковой, былъ принятъ, по именному повелѣнію Александра I, въ гвардейскій экипажъ. Отправившись въ 1820 г. въ отпускъ къ матери, Бѣляевъ познакомился въ Москвѣ съ Поздѣевымъ, Звѣревымъ и др. масонами,

Александръ Петровичъ
Бѣляевъ.

заинтересовался масонскими идеями, столь гармонировавшими съ его нравственнымъ и религіознымъ настроеніемъ, и получилъ отъ московскихъ масоновъ письмо къ директору петербургской ложи Ланскому. Только общее закрытіе масонскихъ ложъ въ 1822 г. помѣшало Бѣляеву стать фактически масономъ. То умственное теченіе, которому подчинились нѣкоторые изъ декабристовъ и которое коренится во взглядахъ французскихъ энциклопедистовъ, коснулось Бѣляева лишь мимоходомъ и на короткое время: познакомившись съ сыновьями генерала Недоброва, сосѣда по деревнѣ, онъ заинтересовался ихъ библіотекой, въ которой было много сочиненій Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ. Но закравшіяся сѣмена скептицизма и матеріалистическихъ взглядовъ на жизнь скоро были вытѣснены впечатлѣніями, полученными изъ созерцанія океана и изъ практическаго знакомства съ нѣкоторыми современными политическими событіями Западной Европы, Бѣляевъ отправился на фрегатѣ «Проворный» сначала къ берегамъ Исландіи. Во время своего путешествія въ Испанію, Бѣляевъ познакомился въ Гибралтарѣ съ гимномъ Ріего и съ испанскими революціонерами. «Послѣ нашего плаванія въ Испанію, говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ», гдѣ мы видѣли подвижниковъ испанской свободы, гдѣ сошлись съ свободолюбивыми англичанами, гдѣ слушали маршъ Ріего и съ восторгомъ поднимали бокалъ въ его память, мы, конечно, сдѣлались еще бóльшими энтузіастами свободы. Съ поступленіемъ въ нашу 2-ую дивизію в. к. Михаила Павловича шагистика стала принимать еще бóльшіе размѣры, что еще больше раздражало насъ всѣхъ». Во время плаванія Бѣляевъ сошелся съ Арбузовымъ и Бодиско, будущими декабристами, познакомился съ Н. Бестужевымъ, а впослѣдствіи съ Дивовымъ и Д. И. Завалишинымъ, изъ которыхъ послѣдній въ то время имѣлъ на него наибольшее вліяніе. Бѣляевъ отмѣчаетъ для этого періода вліяніе духа времени

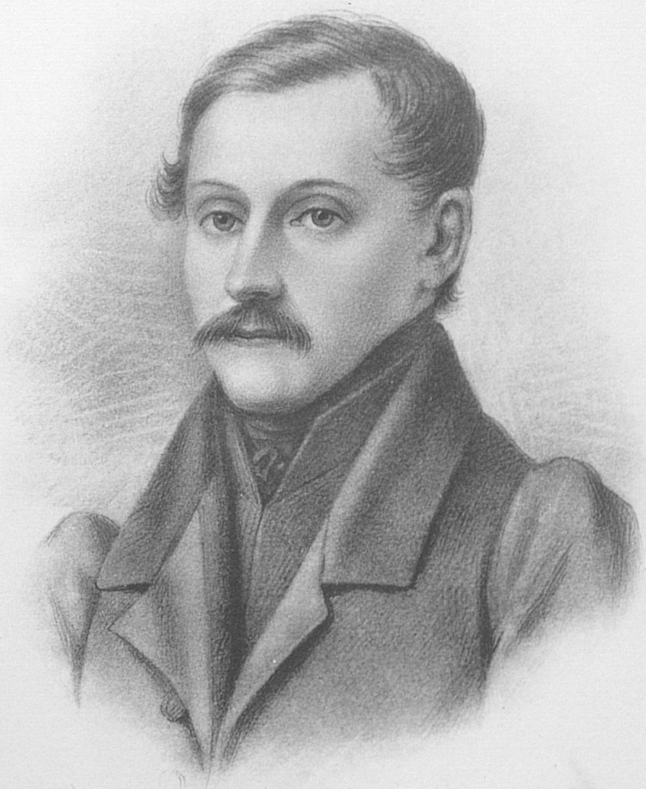
на либеральное настроенiе у своихъ современниковъ. Въ ихъ постоянныхъ разговорахъ о реформахъ не было и мысли о чемъ-либо близкомъ и дѣйствительномъ, «а одни мечты и желанiя свободы, величiя и счастья отечеству». «Мы съ братомъ, говоритъ онъ, принадлежали къ умѣреннымъ и хотя были готовы на всякое дѣйствiе, но приносить въ жертву кого бы то ни было было намъ противно». Но рѣшенiе даже пострадать за опредѣленную идею было непоколебимо у молодого энтузiаста Бѣляева. «Передъ тѣмъ, какъ выходить батальону, говоритъ онъ въ «Запискахъ», я бросился на колѣни передъ образомъ Спасителя, вспомнилъ свою нѣжно любимую мать, сестеръ, которыхъ единственными опорами были мы одни, представилъ себѣ послѣдствiя этой рѣшимости—и тяжекъ былъ мнѣ этотъ подвигъ, тяжела была борьба чувствъ, но долгъ, какъ я разумѣлъ его тогда, принести въ жертву отечеству самое счастiе матери и сестеръ, самыя священныя свои привязанности—наконецъ побѣдилъ». По возвращенiи солдатъ въ казармы, ихъ заставили присягнуть, и Бѣляевъ самъ подписалъ присяжный листъ, чего потомъ стыдился. Пребыванiе Бѣляева въ Петропавловской крѣпости не отмѣчено ничѣмъ выдающимся. Дни тянулись однообразно. «Копоть изъ лампадки съ фонарнымъ масломъ, оставлявшимъ свои слѣды въ носу и легкихъ, блохи въ страшномъ количествѣ. Пища плохая—супъ и нѣсколько кусковъ мяса. Вечеромъ стаканъ чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ». 1 февраля 1827 г. Бѣляевъ былъ отправленъ въ Сибирь вмѣстѣ съ Нарышкинымъ и кн. Одоевскимъ. Сибирскiя дорожныя впечатлѣнiя Бѣляева были очень скудны: утомленiе отъ очень быстрой ѣзды, холодъ, безпокойство отъ оковъ. Въ Тобольскѣ Бѣляевъ и его спутники отдохнули въ гостепрiимномъ домѣ полицеймейстера и были очень хорошо приняты губернаторомъ Бантышъ-Каменскимъ. Бѣляева удивило необыкновенное изобилiе въ Сибири того времени и радушное

гостепріимство сибиряковъ. Какъ-то за Красноярскомъ путники остановились обѣдать въ первомъ попавшемся крестьянскомъ домѣ и поразились чистотою, порядкомъ и обиліемъ: «кушаній,—похлебокъ, говядины, каши, жареной дичи, пирожныхъ-колечекъ съ вареньемъ,—оказалось до 6 блюдъ». Въ заключеніе былъ поданъ превосходный пѣнистый квасъ. Отъ платы хозяева отказались. Петровскій заводъ, куда былъ переведенъ Бѣляевъ вмѣстѣ съ другими изъ Читинскаго острога, представлялъ тогда «огромное деревянное зданіе покоемъ. Снаружи— это сплошная стѣна, а внутри, кругомъ зданія, построена была свѣтлая галлерея съ большими окнами, раздѣленная на многія отдѣленія, которыя по галлереѣ отдѣлялись другъ отъ друга запертыми дверями, и каждое имѣло свой выходъ на особый дворъ, обставленный частоколомъ». Бѣляевъ на всю жизнь сохранилъ свѣтлыя воспоминанія о времени своего заключенія въ Петровской тюрьмѣ. Тамъ «были собраны люди дѣйствительно высокой нравственности, добродѣтели и самоотверженія, и тутъ было такъ много пищи для ума и сердца, что, можно сказать, заключеніе это было не только отрадно, но и служило истинной школой мудрости и добра. Сколько прекрасныхъ, чистыхъ сердецъ билось тамъ самой нѣжной и симпатической дружбой, сколько любви и высокихъ чувствъ хранилось въ этихъ стѣнахъ острога, чувствъ, такъ рѣдко встрѣчавшихся въ обществѣ счастливцевъ!» «Въ нашей тюрьмѣ, говоритъ Бѣляевъ, всегда и всѣ были заняты чѣмъ-либо полезнымъ, такъ что эта ссылка наша цѣлымъ обществомъ, въ средѣ котораго были образованнѣйшіе люди своего времени, при большихъ средствахъ, которыми располагали очень многіе и которыя давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была, такъ сказать, чудесной школой какъ въ нравственномъ, умственномъ, такъ и въ религіозномъ, философскомъ отношеніяхъ. Если бы

мнѣ теперь предложили вмѣсто этой ссылки какое-нибудь блестящее въ то время положеніе, то я бы предпочелъ эту ссылку». Для Бѣляева тюрьма была дѣйствительно школой. Оба брата съ усердіемъ принялись за изученіе англійскаго языка подъ руководствомъ кн. Оболенскаго, гр. Чернышева и др. «При желаніи, при твердой волѣ, настойчивости мы скоро овладѣли книжнымъ языкомъ и грамматикой и, чтобы еще болѣе укрѣпляться въ языкѣ, стали переводить Гиббона по 10 страницъ ежедневно. Въ тонкостяхъ русскаго языка при переводѣ имъ помогали кн. Одоевскій, Ал. Крюковъ, Басаргинъ. Кромѣ того, Бѣляевы перевели «Краснаго морского разбойника» и «Водяную колдунью» Купера. Религіозныя пренія, часто происходившія въ тюрьмѣ, но нисколько не вліявшія на добрыя взаимныя отношенія заключенныхъ, имѣли большое вліяніе на Бѣляевыхъ. «Вѣра наша, говоритъ онъ, возрастала вмѣстѣ съ разумными ея изслѣдованіями, а переводъ философической исторіи паденія Римской имперіи Гиббона утвердилъ насъ въ ней, несмотря на то, что Гиббонъ былъ деистъ и смотрѣлъ критически на христіанскую религію». Изъ Петровскаго завода Бѣляевъ былъ переведенъ на поселеніе въ Илгинскій на Ленѣ. Здѣсь онъ былъ хорошо принятъ въ семьѣ управляющаго Павлинова, съ дѣтьми котораго занимался за то, что жена управляющаго снабжала его нужной провизіей. Въ 1833 г. Бѣляевы были переведены въ Минусинскъ, который представлялъ въ то время «дюжину широкихъ улицъ, хорошенькую каменную церковь, гостиный дворъ порядочной архитектуры, присутственныя мѣста, двѣ площади». Бѣляевы скоро сошлись со всѣмъ мѣстнымъ обществомъ и занялись сельскимъ хозяйствомъ. И раньше проникнутый любовью къ природѣ, Бѣляевъ съ жаромъ предался сельскому хозяйству. «На пашнѣ мы вставали вмѣстѣ съ зарей, когда запрягали лошадей, обходили всѣ работы, посѣвы, бороньбу, пахоту. Свѣжій утренній воз-

духъ, напитанный ароматомъ цвѣтовъ, усыпанныхъ брильянтами росы, уже съ утра радостно настраивалъ чувства, и во время этой хозяйственной прогулки я обыкновенно выполнялъ свою утреннюю молитву, и какъ сладостна была эта молитва среди природы и уединенія! Сколько благодарныхъ чувствъ возникало въ душѣ при воспоминаніи всего тяжелаго, уже минувшаго! Въ такомъ настроеніи я былъ совершенно доволенъ своей судьбой. Обойдя всѣ работы, я возвращался въ домъ, гдѣ уже на разложенномъ огнѣ на очагѣ кипѣлъ чайникъ. Петръ уже приготовлялъ посуду, и я принимался за чай, выкуривалъ свою трубку, читалъ или писалъ свой дневникъ. Это было время отдыха. Потомъ снова ходилъ по работамъ, что продолжалось цѣлый день. Когда возвращались лошади и работники, я возвращался вмѣстѣ съ ними. Лошадямъ задавали кормъ, а работники садились обѣдать. Когда работники обѣдали, мы иногда садились возлѣ нихъ, слушали ихъ разговоры, въ которыхъ и сами принимали участіе». Дѣла Бѣляевыхъ разростались. Они купили домъ въ 6 комнатъ съ террасой. Сѣни отдѣляли отъ комнатъ высокую, свѣтлую кухню, при которой была комната, гдѣ останавливались пріѣзжавшіе въ городъ крестьяне, съ которыми у Бѣляевыхъ были дѣла. На дворѣ находилась изба для работниковъ. Когда въ Минусинскомъ округѣ начала развиваться золотопромышленность, Бѣляевы занялись доставкой на пріиски муки, крупы, мяса. Золотопромышленникъ Кузнецовъ предлагалъ имъ на пріискахъ мѣсто съ жалованьемъ въ 4000 р., но правительство отказало въ разрѣшеніи принять это мѣсто. Бѣляевымъ пришлось ограничиться лишь своими сельско-хозяйственными занятіями. Они арендовали нѣсколько сотъ десятинъ земли по 5 коп. десятину, развели до 200 штукъ рогатаго скота, занялись выработкой масла. Съ теченіемъ времени они обратились бы въ крупныхъ сельскихъ хозяевъ съ обширными средствами, но

вдругъ, въ 1840 г., послѣдовало распоряженіе перевести ихъ рядовыми на Кавказъ. Они продали домъ, уступили свое хозяйство своему товарищу по ссылкѣ Н. О. Мозгалевскому изъ 1/3 дохода, а послѣ его смерти совсѣмъ отказались отъ своего хозяйства въ пользу его вдовы. Интересы Бѣляевыхъ въ Минусинскѣ однако не ограничились однимъ сельскимъ хозяйствомъ. По просьбѣ мѣщанъ, крестьянъ ближнихъ деревень и нѣкоторыхъ чиновниковъ они открыли въ Минусинскѣ школу, въ которой и обучали дѣтей чтенію, письму, ариѳметикѣ, свящ. писанію и начаткамъ географіи и русской исторіи. Чтобы не окончательно погрузиться въ матеріальныя заботы, Бѣляевы предприняли переводъ «Завоеванія Гранады» Вашингтона-Ирвинга. Бѣляевы, между прочимъ, способствовали и улучшенію земледѣльческой культуры въ Минусинскомъ округѣ: ввели посѣвъ гречи и гималайскаго многоплоднаго ячменя. На Кавказѣ Бѣляевы были назначены въ 7 роту 3 батальона кабардинскаго полка, участвовали въ экспедиціяхъ, не переносили никакихъ особыхъ трудовъ и пользовались расположеніемъ начальства. Въ 1845 г. оба Бѣляева были уволены въ отставку. Вернувшись въ Россію, А. П. Бѣляевъ началъ управлять имѣніями Э. Д. Нарышкина и получилъ отъ него въ награду 30,000 р. за устройство имѣнія послѣ эмансипаціи 1861 г. Бѣляевъ скончался въ Москвѣ въ 1887 г., оставивъ обширныя «Записки», наиболѣе интересную часть которыхъ составляютъ его разсказы о жизни въ Сибири.

Петръ Петровичъ
Бѣляевъ.

Бѣляевъ П. П.

Петръ Петровичъ Бѣляевъ имѣлъ совершенно одинаковое положеніе во флотѣ съ братомъ, А. П.; онъ былъ обвиненъ въ томъ же самомъ и подвергнутъ одинаковому съ нимъ наказанію. Онъ родился, вѣроятно, въ 1804 г. и получилъ такое же воспитаніе и образованіе, какъ и его братъ; только въ корпусѣ онъ учился лучше: окончилъ курсъ въ десяткѣ отличныхъ, между тѣмъ какъ А. П. въ числѣ 30 обычныхъ. Судьба обоихъ братьевъ была тѣсно связана почти до самой смерти Петра Петровича. Такъ же, какъ и братъ, П. П. получилъ отъ Нарышкина 30,000 р. въ награду за распредѣленіе земли послѣ 1861 г. Онъ былъ порядочнымъ техникомъ и послѣднее время жизни состоялъ агентомъ пароходнаго общества «Кавказъ и Меркурій» въ Саратовѣ. Въ совмѣстной хозяйственной дѣятельности братьевъ ему, очевидно, не принадлежала дирижирующая роль, и онъ не отдѣлялъ своей жизненной ладьи отъ болѣе стойкаго и энергичнаго брата. П. П. Бѣляевъ скончался, вѣроятно, въ 1865 г.

Вадковскій Ѳ. Ѳ.

Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Вадковскій, прапорщикъ нѣжинскаго конно-егерскаго полка, родился въ 1799 г. Его отецъ, товарищъ дѣтскихъ игръ Павла I, по волѣ послѣдняго изъ камергеровъ сталъ шефомъ павловскаго полка, въ которомъ полковымъ командиромъ былъ Мухановъ, отецъ декабриста П. А. Муханова. Вадковскій-отецъ былъ человѣкъ просвѣщенный и гуманный, съ природнымъ умомъ соединялъ доброе сердце. Онъ былъ сибаритъ, дорого цѣнилъ комфортъ, которымъ умѣлъ пользоваться. Ѳ. Ѳ. Вадковскій съ 10—12 лѣтъ учился въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, но передъ занятіемъ Москвы французами былъ переведенъ въ Петербургъ и отданъ на руки аббату Ламри; затѣмъ учился въ пансіонѣ преподавателя петропавловскаго училища Генрихса, готовился дома къ экзамену въ пажескій корпусъ, наконецъ былъ отданъ въ пансіонъ Годеніуса, откуда поступилъ на службу и произведенъ въ корнеты кавалергардскаго полка, изъ котораго за смѣлые разговоры и распространеніе стихотвореній, содержащихъ осужденіе государя и правительства, былъ переведенъ въ 1824 г. въ нѣжинскій конно-егерскій полкъ, что очень озлобило его. Въ 1822 г. былъ принятъ Барятинскимъ въ Сѣверное общество, и самъ принялъ до 10 лицъ, даже нѣсколько преувеличивая имъ, благодаря своей пылкости и восторженности, силу и значеніе общества. Вадковскій былъ причисленъ

Федоръ Федоровичъ
Вадковскій.

къ I разряду осужденныхъ и приговоренъ къ 20-лѣтней каторгѣ (послѣ смягченія) и вѣчному поселенію. Онъ былъ арестованъ въ Курскѣ, первымъ изъ декабристовъ, еще при жизни Александра I и, по распоряженію Аракчеева, отправленъ въ Шлиссельбургъ. Вадковскій отличался теплотою сердца и сильнымъ умомъ, но въ то же время необыкновенной пылкостью и довѣрчивостью. Послѣдними свойствами характера Вадковскаго воспользовался извѣстный Шервудъ-Вѣрный, агентъ гр. Витта, и настолько вкрался къ нему въ довѣренность, что не только узналъ отъ него о существованіи тайнаго общества, но даже и мѣсто, гдѣ у него хранился уставъ и списокъ членовъ (въ футлярѣ скрипки). Шервудъ немедленно сообщилъ о всемъ этомъ гр. Витту, и Вадковскій былъ арестованъ. Изъ Шлиссельбурга переведенный въ Кексгольмъ, Вадковскій былъ отправленъ въ Читу. Во время заключенія въ Сибири Вадковскій, вмѣстѣ съ А. В. Поджіо и И. И. Пущинымъ, принялся за составленіе устава такъ называемой большой артели. Такъ какъ среди заключенныхъ были и лица, очень состоятельные, какъ Муравьевъ, Трубецкой, Волконскій и др., и были бѣдные, какъ Быстрицкій, Загорѣцкій и пр., то и рѣшено было, чтобы состоятельные вносили извѣстную часть получаемыхъ ими средствъ въ общую кассу, состоявшую въ завѣдываніи особаго избираемаго хозяйственнаго комитета, на обязанности котораго находились столовые и др. необходимые общіе расходы. Высота общаго нравственнаго развитія заключенныхъ, глубина и напряженность ихъ товарищескихъ чувствъ вполнѣ гарантировали правильное функціонированіе артели. Кромѣ большой артели, вскорѣ (въ 1832 г.) возникла малая, поставившая своей задачей облегчить матеріальное положеніе ссылаемыхъ на поселеніе путемъ выдачи имъ нѣкоторыхъ суммъ при отправкѣ, собираемыхъ посредствомъ отчисленія извѣстнаго процента съ получаемыхъ денегъ, пожертвованій и

др. способовъ. Такимъ образомъ, каждому, отправляемому на поселеніе, выдавалось отъ 600—800 р. Поселяемымъ во многихъ отношеніяхъ было тяжелѣе, чѣмъ въ тюрьмѣ, такъ какъ полицейскія правила для ихъ жизни были стѣснительны и противорѣчивы, и на поселеніи неимущіе уже лишались поддержки со стороны артели. Къ счастію, они были поселяемы по 3, даже по 6 въ одномъ мѣстѣ. Третья артель была журнальная, для выписки періодическихъ изданій, которыхъ получалось до 22. Каждый членъ этой артели вносилъ по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Вадковскій въ этихъ артеляхъ принималъ участіе и игралъ видную роль. Въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ Вадковскій былъ однимъ изъ лучшихъ математиковъ и читалъ своимъ товарищамъ курсъ астрономіи. Онъ былъ также превосходнымъ скрипачемъ (его скрипка стоила 6000 фр.). Вадковскій скончался отъ чахотки 7 января 1844 г. въ Оёкѣ, близъ Иркутска. Тѣло его похоронено въ Разводной, рядомъ съ Юшневскимъ. Перу Вадковскаго принадлежитъ разсказъ о событіяхъ въ Бѣлой Церкви и нѣсколько стихотвореній.

Александръ Ивановичъ
Вегелинъ.

Вегелинъ А. И.

Александръ Ивановичъ Вегелинъ, поручикъ литовскаго піонернаго полка. Участіе Вегелина въ какомъ-нибудь изъ тайныхъ обществъ того времени не видно изъ дошедшихъ свѣдѣній. Онъ отказался принести присягу новому императору, за что особой военной комиссіей и былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ. Въ 1827 г. Вегелинъ былъ отправленъ изъ Петербурга до Тобольска съ жандармомъ, а оттуда до Иркутска и далѣе до Читы слѣдовалъ по этапу, пѣшкомъ и въ цѣпяхъ. Впослѣдствіи онъ получилъ разрѣшеніе служить въ солдатахъ на Кавказѣ и былъ за Кубанью въ отрядѣ ген. Засса. Вегелинъ скончался въ Одессѣ въ 1860 г. Не одаренный блестящими умственными способностями, любившій комфортъ и покой, Вегелинъ тѣмъ не менѣе отличался стойкостью и послѣдовательностью своихъ нравственныхъ и политическихъ принциповъ. Доктринеръ по натурѣ, онъ вездѣ былъ важенъ и серьезенъ, смотрѣлъ на все критическимъ взглядомъ, выражался докторально. Товарищи по тюрьмѣ и ссылкѣ прозвали его «диктаторомъ».

Фонъ-Визинъ М. А.

Михаилъ Александровичъ фонъ-Визинъ, отставной генералъ-маіоръ, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство согласіемъ, въ 1817 г. имъ изъявленнымъ, хотя впослѣдствіи времени измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ». Фонъ-Визинъ былъ отчисленъ къ IV разряду и приговоренъ къ 15-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ и потомъ поселенію въ Сибири. Онъ родился въ 1788 г. и былъ роднымъ племянникомъ автора «Недоросля». Сначала онъ учился дома, потомъ въ училищѣ св. Петра въ Петербургѣ и наконецъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. 15-ти лѣтъ фонъ-Визину пришлось поступить въ военную службу, чтобы такимъ образомъ получить высочайшее утвержденіе въ правахъ на наслѣдство, которое гр. Мамоновъ отрицалъ, такъ какъ отецъ фонъ-Визина былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ, почему гр. Мамоновъ и отрицалъ законность этого брака. Въ 1805 г. фонъ-Визинъ былъ произведенъ въ офицеры, а въ 1812 г. былъ адъютантомъ у Ермолова, который былъ очень доволенъ имъ, а въ слѣдующемъ — полковникомъ и полковымъ командиромъ. Въ 1814 г. весь авангардъ съ фонъ-Визинымъ внезапно былъ взятъ въ плѣнъ, и онъ былъ отправленъ сначала въ Парижъ, а потомъ въ Бретань. Живя въ Марьякѣ и узнавъ, что дѣло Наполеона проиграно, фонъ-Визинъ составилъ заговоръ въ пользу Бурбоновъ, обезоружилъ

Михаилъ Александровичъ
Фонъ-Визинъ.

гарнизонъ и овладѣлъ арсеналомъ. Александръ I былъ недоволенъ этимъ самоуправнымъ дѣйствіемъ фонъ-Визина. Въ 1815—1818 гг. фонъ-Визинъ командовалъ полкомъ въ оккупаціонномъ корпусѣ кн. Воронцова во Франціи. Вернувшись въ Россію и видя въ арміи господство аракчеевскаго режима, фонъ-Визинъ вышелъ въ отставку, но вскорѣ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ гр. Толстого, командира московскаго корпуса, вновь поступилъ на службу и былъ назначенъ командиромъ 38-го егерскаго полка, который ему дали для исправленія. «Онъ началъ съ того, говоритъ Якушкинъ въ своихъ «Запискахъ», что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку людей и рѣшительно запретилъ при ученіи употреблять палку». Для подпрапорщиковъ и юнкеровъ онъ устроилъ училище, пригласилъ учителей на собственныя средства. Вообще, въ нѣсколько мѣсяцевъ фонъ-Визинъ издержалъ на полкъ до 20000 руб. своихъ денегъ. Солдаты и офицеры очень полюбили своего командира. Всѣ дѣйствія его были одобрены Дибичемъ, полкъ былъ приведенъ въ наилучшее состояніе, и фонъ-Визинъ получилъ царскую благодарность. Онъ въ это время принадлежалъ къ масонской ложѣ «Александра Тройственнаго спасенія». Выйдя снова въ отставку, проживая въ подмосковной деревнѣ Крюковѣ и сохраняя лишь слабыя связи съ Сѣвернымъ обществомъ, фонъ-Визинъ былъ арестованъ, хотя не имѣлъ никакого отношенія къ событію 14 декабря 1825 г. Находясь въ Петропавловской крѣпости, фонъ-Визинъ легко могъ бы бѣжать за границу, какъ его и убѣждалъ во время одной изъ прогулокъ по берегу караулъ, случайно состоявшій изъ бывшихъ солдатъ его полка. Но фонъ-Визинъ отказался, не желая ихъ подвергать отвѣтственности и отягчать участь товарищей. Жена фонъ-Визина, Наталья Дмитріевна, его двоюродная племянница, урожденная Апухтина, отправилась въ 1828 г. къ мужу, несмотря на всѣ препятствія, оставивъ

двухъ своихъ сыновей на попеченіи дяди, Ивана Александровича фонъ-Визина. Какъ и всѣмъ декабристамъ, фонъ-Визину срокъ каторжныхъ работъ былъ сокращенъ, такъ что въ 1832 г. онъ былъ отправленъ на поселеніе въ Енисейскъ. Тамъ фонъ-Визинъ занималъ комфортабельно обставленный каменный домъ съ садомъ, въ которомъ Н. Д. развела множество рѣдкихъ цвѣтовъ. Черезъ нѣкоторое время фонъ-Визинъ былъ переведенъ въ Красноярскъ, а въ 1836 г.—въ Тобольскъ. Кромѣ 2000 р., ежегодно присылаемыхъ братомъ, фонъ-Визины получали еще добавочныя суммы на переѣзды и обзаведеніе, такъ что съ этой стороны они были вполнѣ обезпечены. Въ Тобольскѣ они жили сначала за Абрамовскимъ монастыремъ, гдѣ впослѣдствіи была Маріинская школа, а потомъ купили на горѣ небольшой деревянный домъ, впослѣдствіи перешедшій во владѣніе Софійскаго каѳедральнаго собора. Жизнь фонъ-Визина на поселеніи не богата внѣшними фактами. Подъ вліяніемъ жены, религіозно настроенной, энергичной и увлекающейся, фонъ-Визинъ на поселеніи велъ тихую, созерцательную жизнь, посвященную, главнымъ образомъ, религіозному и философскому чтенію и размышленію. Любимымъ его мѣстомъ былъ большой турецкій диванъ, на которомъ онъ пилъ свой утренній кофе. Костюмъ фонъ-Визина отличался пуританской простотою: однобортный сѣрый сюртукъ безъ пуговицъ, со стоячимъ воротникомъ, такой же воротникъ рубашки, широкія сѣрыя брюки. Глубокое, искреннее религіозное чувство господствовало надъ всѣмъ душевнымъ строемъ фонъ-Визина и сдѣлало еще мягче его деликатную и нѣжную натуру. «Радушная внимательность и сердечная признательность за малѣйшую услугу были отличительными чертами его благороднаго характера», говоритъ Францева въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Онъ вездѣ сохранилъ ясность и спокойствіе духа, никогда не жаловался на судьбу, старался принимать все, пріятное и непріятное, какъ нис-

посланное рукою Божіей—«такъ угодно Богу», говорилъ онъ. Фонъ-Визинъ, отлично знавшій кулинарное искусство и самъ учившій поваровъ, былъ очень радушнымъ хозяиномъ, любилъ угощать, хотя самъ отличался крайней умѣренностью. Такъ какъ собственныя дѣти фонъ-Визиныхъ умирали въ младенчествѣ, то они всегда имѣли по нѣскольку воспитанниковъ и воспитанницъ, которымъ и давали образованіе. Несмотря на всѣ хлопоты, дѣтямъ фонъ-Визиныхъ не было возможно пріѣхать на свиданіе съ родителями, и ихъ неожиданная, почти одновременная кончина въ Одессѣ чрезвычайно поразила фонъ-Визина. Брату его всего одинъ разъ, въ 1852 г., было разрѣшено пріѣхать въ Тобольскъ. Послѣ продолжительнаго ходатайства въ 1853 г. фонъ-Визинымъ было разрѣшено вернуться въ Россію и поселиться въ с. Марьинѣ, Бронницкаго уѣзда, Московской губ. Въ Москвѣ фонъ-Визину не разрѣшили даже переночевать послѣ дорожнаго утомленія. Въ Марьинѣ фонъ-Визинъ прожилъ всего 11 мѣсяцевъ и тихо скончался 30 апрѣля 1854 г. Наталья Дмитріевна черезъ нѣкоторое время вышла замужъ за Пущина и скончалась 11 октября 1869 г. въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, куда она поступила вскорѣ послѣ смерти второго мужа. Фонъ-Визинъ оставилъ «Записки», въ которыхъ онъ старается прослѣдить хронологически общее ослабленіе демократическаго начала, свойственнаго, по его мнѣнію, древнѣйшему періоду русской исторіи, и тѣ частичныя попытки, которыя въ разное время предпринимались въ смыслѣ возвращенія къ этому первобытному началу. Записки интересны также, какъ отзывы современника о лицахъ и событіяхъ эпохи и какъ показанія фонъ-Визина объ идеяхъ и настроеніяхъ, увлекавшихъ тогда людей его круга.

Волконскій С. Г.

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, генералъ-майоръ, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи, имѣлъ умыселъ на заточеніе императорской фамиліи; участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ». Волконскій былъ причисленъ къ I разряду осужденныхъ и приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, что было измѣнено на пожизненную каторжную работу. Волконскій былъ сынъ генерала-отъ-инфантеріи князя Григорія Семеновича Волконскаго, впослѣдствіи оренбургскаго генер.-губер., члена государственнаго совѣта; его мать, Александра Николаевна, рожденная княжна Репнина, отличалась высокими семейными и общественными качествами. Волконскій родился въ 1788 г. и первоначальное воспитаніе и образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ иностранца Фриза и отставного подполковника барона Каленберга. 14-ти лѣтъ онъ поступилъ въ пансіонъ аббата Николя, эмигрировавшаго изъ Франціи въ началѣ революціи и въ 1794 г. основавшаго пансіонъ, пользовавшійся огромной популярностью въ аристократическомъ обществѣ Петербурга того времени. Въ пансіонѣ Николя Волконскій получилъ первоначальное образованіе въ великосвѣтскомъ духѣ того времени; послѣ Николя онъ, кажется, учился нѣкоторое время еще въ другомъ французскомъ пансіонѣ — Жакино. Въ началѣ

Князь

Сергѣй Григорьевичъ

Волконскій.

1806 г. Волконскій поступилъ на военную службу поручикомъ кавалергардскаго полка, будучи еще 8-ми лѣтъ записанъ сержантомъ въ гвардію. Кругъ военной молодежи того времени, въ который попалъ Волконскій, именно до войны 1812 г. и заграничныхъ походовъ, — вполнѣ принадлежалъ еще XVIII вѣку: отсутствіе нравственности, ложныя понятія о чести, глупое молодечество и очень скудное и поверхностное образованіе. Начало служебной карьеры Волконскаго было очень удачно. Въ качествѣ адъютанта при гр. Капнистѣ, гр. Остерманѣ-Толстомъ и гр. Беннигсенѣ онъ совершаетъ кампанію 1806—1808 гг., принимаетъ участіе во всѣхъ значительныхъ сраженіяхъ, за рану, полученную при Прейсишъ-Эйлау, награждается крестомъ, который онъ всегда особенно цѣнилъ. Въ 1810 г., состоя при гр. Каменскомъ, а потомъ при гр. Ланжеронѣ, участвуетъ во взятіи Силистріи и Рущука, дерется подъ Шумлой, Батинымъ, въ Балканскихъ горахъ. Въ 1811 г. Волконскій былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и состоялъ при главнокомандующемъ дунайской арміей Кутузовѣ. Въ войнѣ 1812 г. Волконскій принялъ болѣе дѣятельное участіе, былъ произведенъ въ полковники, состоялъ при 2-й арміи и за сраженіе подъ Калишемъ получилъ орденъ св. Георгія 4-ой ст. Въ 1813 г. Волконскій—уже генералъ-майоръ свиты его величества и назначенъ дежурнымъ генераломъ по корпусу Винценгероде, а затѣмъ дежурнымъ по корпусу русскихъ войскъ подъ начальствомъ Бернадотта. За участіе въ битвѣ подъ Лейпцигомъ онъ награждается орденомъ св. Анны 1-й ст. Въ 1814 г. онъ командуетъ драгунской дивизіей, участвуетъ въ битвахъ подъ Суассономъ, Лаономъ и Краономъ и въ 1815 г. вступаетъ въ Парижъ. Такимъ образомъ, принявъ участіе въ 58 сраженіяхъ, Волконскій въ теченіе 10 лѣтъ сдѣлалъ столь блестящую военную карьеру, что она казалась удивительной даже и въ то время быстрыхъ повы-

шеній и для человѣка того круга, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и связямъ. Вынесенное изъ походовъ по Европѣ знакомство съ нею побудило Волконскаго внимательнѣе присмотрѣться къ ней. «Надо сказать, говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ», что вообще все, что мы хоть мелькомъ видѣли въ 13 и 14 годахъ въ Европѣ, породило во всей молодежи чувство, что Россія въ общественномъ, внутреннемъ и политическомъ бытѣ весьма отстала». Послѣ возвращенія въ Россію русской арміи въ 1815 году (до Вѣнскаго конгресса) Волконскій взялъ отпускъ и отправился путешествовать въ Европѣ въ качествѣ простого туриста. Въ Парижѣ Волконскій познакомился съ г-жей Сталь, Бенжаменомъ Констаномъ и Шатобріаномъ и былъ удивленъ, что такой умный человѣкъ, какъ Шатобріанъ, защищалъ обветшалыя идеи, «уже пораженныя временемъ и общимъ убѣжденіемъ», какъ говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ». Вращаясь въ кружкахъ легитимистовъ, бонапартистовъ и конституціоналистовъ, Волконскій наблюдалъ, изучалъ, сравнивалъ и мало по малу сформировалъ собственныя политическія убѣжденія. Пребываніе въ Лондонѣ практически ознакомило Волконскаго со всѣми особенностями политическаго строя этой страны. Интересъ къ политическимъ вопросамъ былъ въ это время уже такъ возбужденъ въ Волконскомъ, что, узнавъ о высадкѣ Наполеона съ Эльбы на берегъ Франціи, онъ немедленно выѣхалъ въ Парижъ, чтобы имѣть случай непосредственно наблюдать очень интересный моментъ политической и общественной жизни Франціи. Волконскій окончательно вернулся въ Россію въ 1815 г. перерожденнымъ нравственно и умственно. «Зародышъ сознанія обязанностей гражданина, говоритъ онъ, сильно уже началъ выказываться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ, причиной чего были народныя событія 1814 и 1815 гг., которыхъ я былъ свидѣтелемъ, вселившія въ меня, вмѣсто слѣпого пови-

новенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, наряду съ вѣрноподданническими». Скоро Волконскій былъ назначенъ начальникомъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи и отправился въ Новгородъ-Волынскій. Здѣсь по отношенію къ солдатамъ онъ отказывается отъ принятой тогда въ русской арміи грубой палочной системы и старается пріобрѣсти ихъ любовь и уваженіе дѣйствительными заботами о нихъ. Переводъ Волконскаго, безъ всякаго предварительнаго спроса, во 2-ю гусарскую дивизію, такъ огорчилъ его, что онъ въ 1818 г. взялъ отпускъ на неопредѣленное время, намѣреваясь снова поѣхать за границу и даже въ Америку.

Въ началѣ 1814 г., проѣздомъ изъ Петербурга въ Одессу, Волконскій остановился въ Кіевѣ у своего стараго товарища М. Ѳ. Орлова, начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, и черезъ него сошелся съ кругомъ лицъ, мечтавшихъ о широкихъ внутреннихъ реформахъ. «Сожитіе съ столь замѣчательнымъ лицомъ, какъ Михаилъ Орловъ, кругъ людей, съ которыми имѣлъ я отдѣльныя сношенія, развили во мнѣ чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій», говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ». Сознаніе обязанностей гражданина и патріота, какъ ихъ понималъ Волконскій въ то время, окончательно поставило его на дальнѣйшій тернистый путь. Принадлежа уже давно къ одной изъ масонскихъ ложъ, Волконскій въ Кіевѣ былъ принятъ почетнымъ членомъ въ мѣстную ложу «Slaves réunis», въ которой было много поляковъ, и, познакомившись черезъ нихъ съ графиней Потоцкой-Тульчинской, былъ приглашенъ ею въ Тульчинъ, гдѣ и увидѣлъ въ первый разъ Пестеля и Юшневскаго, съ которыми скоро его связали уваженіе, дружба и общность убѣжденій. Сдѣлавшись членомъ «Союза благоденствія» или «Зеленой книги», Волконскій, въ качествѣ его ревностнаго члена,

уже не счелъ возможнымъ оставлять Россію въ такое время. Волконскій скоро сблизился со всѣми членами общества, заинтересовался его дѣятельностью и, послѣ закрытія его и образованія обществъ Сѣвернаго и Южнаго, сдѣлался ревностнымъ членомъ послѣдняго. Даже его женитьба въ 1825 г. на Марьѣ Николаевнѣ Раевской не отвлекла его отъ общества. Съ 7 января 1829 г. начинается третій періодъ жизни Волконскаго—страдательный. Въ ночь на 26 іюня онъ былъ отправленъ изъ Петропавловской крѣпости въ Иркутскъ вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ, обоими Борисовыми, кн. Оболенскимъ, Якубовичемъ, Артамономъ Муравьевымъ и Давыдовымъ. 25 окт. 1826 г. Волконскій со своими товарищами былъ привезенъ въ Благодатскій рудникъ въ 12 верстахъ отъ Нерчинскаго завода. Княгиня Волконская, несмотря на всѣ препятствія, рѣшила ѣхать къ мужу, и 8 февраля 1827 г., вмѣстѣ съ кн. Трубецкой, уже была въ Благодатскомъ рудникѣ. 13 сентября 1827 г. Волконскій съ товарищами былъ перевезенъ въ Читу, гдѣ онъ и оставался до 4 августа 1830 г., когда всѣ заключенные перешли въ Петровскій заводъ. Послѣ 10-лѣтняго пребыванія въ Петровскомъ заводѣ Волконскій съ семьей (жена, сынъ Михаилъ и дочь Елена) былъ переведенъ на поселеніе въ Урикъ, близъ Иркутска. Здѣсь Волконскій построилъ для себя помѣстительный, теплый домъ и зажилъ спокойно, въ постоянномъ общеніи съ многими товарищами-декабристами, поселенными въ Урикѣ и сосѣднихъ деревняхъ. Кн. Волконскій съ любовью занялся сельскимъ хозяйствомъ и скоро очень сблизился съ мѣстными крестьянами: входилъ въ подробности ихъ занятій, хозяйства и даже семейной жизни; они обращались къ нему за совѣтами, медицинскими пособіями, за содѣйствіемъ. Въ 1844 г. кн. Волконская, послѣ многихъ хлопотъ, получила разрѣшеніе жить въ Иркутскѣ, куда черезъ нѣкоторое время переѣхалъ и кн. С. Г. Волконскій. Съ на-

значеніемъ генералъ-губернаторомъ Муравьева положеніе Волконскихъ, равно какъ и прочихъ его товарищей въ Восточной Сибири, измѣнилось къ лучшему въ смыслѣ большей свободы и вниманія къ нимъ. Лишь только вѣсть объ амнистіи въ 1856 г. достигла Иркутска, Волконскій выѣхалъ оттуда 23 октября того же года и поселился въ Москвѣ, хотя и считался проживающимъ въ подмосковной деревнѣ Зыковѣ. Московское общество приняло его болѣе чѣмъ дружески; общій благоговѣйный почетъ всюду окружалъ его за вынесенныя испытанія. Кружокъ славянофиловъ съ Хомяковымъ и и Аксаковымъ во главѣ и лица, близко стоявшія къ литературѣ и наукѣ, выражали ему постоянное вниманіе. Какъ и въ Иркутскѣ, онъ не показывался въ собраніяхъ и ограничивался интимными посѣщеніями своихъ знакомыхъ или пріемомъ ихъ у себя. Въ Москву Волконскій явился библейски прекраснымъ старцемъ, умудреннымъ и, примиреннымъ, полнымъ горячаго, радостнаго сочувствія къ реформамъ Александра II, незыблемой вѣрой въ Россію, любви къ ней и «высокой внутренней простоты», по выраженію И. С. Аксакова. Духовный закатъ его тревожной жизни былъ необыкновенно ясенъ и привлекателенъ. Въ 1859 г. Волконскій переѣхалъ къ своей любимой, единственной дочери Е. С. Кочубей подъ ясное небо Малороссіи. Начавъ страдать подагрой, онъ отправился за границу и тамъ поправился, но кончина въ августѣ 1863 г. княгини Маріи Николаевны, самоотверженно раздѣлявшей съ нимъ горе его жизни, потрясла его страшнымъ ударомъ. Съ этого времени у него начала развиваться новая болѣзнь—параличъ конечностей, и вторичная поѣздка за границу не принесла ему никакой пользы. Онъ поспѣшилъ въ Россію умереть подлѣ могилы своей жены—въ село Воронки Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи, въ имѣніе Е. С. Кочубей. Еще за день до кончины онъ занимался чтеніемъ, писалъ

письма, распоряжался выпиской журналовъ на слѣдующій годъ. 28 ноября 1865 г. С. Г. Волконскій тихо скончался на рукахъ дочери. Послѣ него остались интересныя «Записки», къ сожалѣнію, поздно начатыя и потому доведенныя лишь до перваго явленія его на допросъ въ 1826 г. Княгиня Марія Николаевна послѣ возвращенія въ Москву составила описаніе своего путешествія въ Сибирь къ мужу и пребыванія тамъ въ ссылкѣ.

Павелъ Ѳомичъ
Выгодовскій.

Выгодовскій П. Ѳ.

Павелъ Ѳомичъ Выгодовскій, чиновникъ канцеляріи волынскаго гражданскаго губернатора, родился въ 1802 г. и образованіе получилъ въ старо-константиновскомъ уѣздномъ училищѣ у ксендзовъ-тринитаровъ. Онъ принадлежалъ къ обществу Соединенныхъ славянъ, былъ причисленъ къ VII разряду за то, что «зналъ объ умыслѣ, принадлежалъ къ обществу съ знаніемъ цѣли, но безъ дѣйствія» и приговоренъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ и вѣчному поселенію. Выгодовскому, какъ и всѣмъ осужденнымъ, срокъ каторги былъ сокращенъ, и 3 іюня 1828 г. онъ уже прибылъ на поселеніе въ Нарымъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ собственныхъ средствъ, то ему выдавалось по 4 р. $35^3/_4$ к. серебр., взамѣнъ солдатскаго пайка. Съ 1835 г. онъ сталъ получать, кромѣ того, по 200 р. ассиг. въ годъ. Въ 1835 г. Выгодовскій отказался отъ 15 десятинъ надѣла пахотной земли, такъ какъ занятіе земледѣльческимъ хозяйствомъ, по свойству мѣстной почвы, климату и невозможности для него свободнаго передвиженія, представлялось ему невыгоднымъ. Ему были отведены 15 десятинъ сѣнокосной земли. На поселеніи Выгодовскій велъ жизнь скромную, занимался хозяйствомъ и въ 30-хъ годахъ пріобрѣлъ себѣ небольшой деревянный домъ. За это время онъ аттестовался томской администраціей съ хорошей стороны. Въ 1856 г. онъ вернулся въ Россію, гдѣ и скончался въ томъ же году.

Глѣбовъ М. Н.

Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ, коллежскій секретарь, родился въ 1801 г. въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской губ. въ состоятельной дворянской семьѣ. Мать Глѣбова имѣла 700 душъ крестьянъ съ приличнымъ количествомъ земли. Образованіе Глѣбовъ получилъ въ петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ. Онъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ о цѣли тайнаго общества, хотя не вполнѣ и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, давши деньги солдатамъ для покупки вина». Причисленный къ V разряду, онъ былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторжныхъ работъ. 11 іюня 1832 г. Глѣбовъ былъ переведенъ на поселеніе въ Кабанскъ, гдѣ и прожилъ 19 лѣтъ, до самой смерти въ 1851 г. Весьма впечатлительный и нѣжный по натурѣ, Глѣбовъ имѣлъ очень мягкій, кроткій, но слабый характеръ. Способный къ временной экзальтаціи, Глѣбовъ принималъ личное участіе въ дѣлѣ 14 декабря и былъ обвиненъ въ томъ, что давалъ солдатамъ деньги на покупку вина. Дни Глѣбова въ Кабанскѣ тянулись безрадостной черной полосой. Сначала онъ завелъ было мелочную лавочку, потомъ бросилъ, скучалъ и жаждалъ освобожденія. Глѣбовъ былъ одержимъ какими-то нервными болѣзненными припадками. Всѣ знавшие его очень симпатизировали ему за примѣрныя качества его души.

Горбачевскій И. И.

Иванъ Ивановичъ Горбачевскій, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство, обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ, участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ, возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ, въ произведеніи бунта далъ клятву, старался распространить общество принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу». Горбачевскій былъ отнесенъ къ I разряду и присужденъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, что было замѣнено вѣчной каторжной работой. Горбачевскій родился 22 сентября 1800 г. близъ Нѣжина. Дѣдъ его былъ священникомъ, и онъ находился въ родствѣ съ извѣстнымъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ. Отецъ Горбачевскаго служилъ казначеемъ въ Могилевѣ и скончался въ Малороссіи уже послѣ его ссылки. Мать Горбачевскаго была набожная, скромная женщина, хорошая хозяйка. До 13 лѣтъ онъ учился въ витебскомъ народномъ училищѣ, а затѣмъ въ витебской гимназіи. Какъ и всѣ декабристы, Горбачевскій съ дѣтства питалъ ненависть къ крѣпостному праву и мечталъ объ его отмѣнѣ. Сблизившись съ Борисовымъ, Горбачевскій дѣятельно помогалъ ему при основаніи общества Соединенныхъ славянъ и, по присоединеніи этого общества къ Южному, когда славяне раздѣлились на 2 управы (отъ пѣхоты и отъ артиллеріи),—былъ избранъ посредникомъ для сноше-

ній этихъ управъ съ Верховной Думой. Послѣ заключенія въ Кексгольмѣ Горбачевскій все время своей ссылки провелъ въ Читинскомъ острогѣ и въ Петровскомъ заводѣ; въ послѣднемъ онъ и остался, уже на свободѣ, и послѣ того, какъ всѣ прочіе декабристы покинули мѣсто своего заточенія. Горбачевскій остался въ Сибири потому, что одинъ иркутскій чиновникъ воспользовался тѣми деньгами, которыя были высланы Горбачевскому по завѣщанію его умершаго брата; лишившись собственныхъ средствъ, онъ не хотѣлъ стать въ зависимое отъ другихъ положеніе. «Я удивлялся его великодушію, говоритъ о Горбачевскомъ Першинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Петровскомъ заводѣ, это былъ человѣкъ далеко небогатый, а скорѣе даже бѣдный, но отказать въ помощи какому-нибудь бѣдняку онъ не могъ. Случалось, что у него самого не было ни гроша, но когда у него просили, то онъ у меня займетъ рубль, два, по 3 и по 5, и дастъ нуждающемуся». Для Першина Горбачевскій много переводилъ изъ Руссо, Вольтера, перевелъ всю «Орлеанскую дѣву» Шиллера, давалъ ему русскія заграничныя изданія. Преступники, отбывшіе наказаніе и выходившіе на «пропитаніе», находили въ Горбачевскомъ покровителя-филантропа: онъ выбиралъ изъ нихъ наиболѣе заслуживавшихъ вниманія, бралъ къ себѣ, иногда 2—3 одновременно, подъ видомъ личныхъ услугъ, но на самомъ дѣлѣ для ихъ нравственнаго перевоспитанія и въ заключеніе выстраивалъ каждому домикъ и снабжалъ его всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго обзаведенія. Такихъ домиковъ Горбачевскій построилъ не менѣе десяти. Скудныя средства къ жизни Горбачевскій пріобрѣталъ некрупными подрядами и исполненіемъ нѣкоторыхъ комиссій, которыя ему поручали знакомые золотопромышленники. Онъ скончался въ Петровскомъ заводѣ 9 января 1869 г., оставивъ внѣбрачнаго сына, Елина, который впослѣдствіи былъ врачемъ и скоро умеръ отъ чахотки. Горбачевскій имѣлъ рѣши-

тельный и страстный характеръ; слово у него сейчасъ же переходило въ дѣло, и его сердце всегда брало верхъ надъ умомъ. Онъ навсегда затаилъ въ душѣ глубокую скорбь о проигранномъ предпріятіи, и это внушало ему постоянное нежеланіе устроить прочнѣе свою жизнь. Горбачевскій оставилъ «Записки», проливающія свѣтъ на общество Соединенныхъ славянъ.

Громницкій П. Ѳ.

Петръ Ѳеодоровичъ Громницкій, поручикъ пензенскаго пѣхотнаго полка, родился въ 1798 г. и получилъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Громницкій подчинился вліянію Борисова 2-го, поразившаго его своею начитанностью и аргументаціей, и вступилъ въ общество Соединенныхъ славянъ. Хотя во время возстанія въ Васильковѣ Громницкій держался пассивно и на уговоры Тютчева и Спиридова отвѣчалъ: «Намъ предлагалъ начать бунтъ простой членъ общества Борисовъ 2-й; приглашеніе сіе привезъ его братъ, но мы не имѣемъ никакого увѣдомленія ни отъ С. Муравьева, ни отъ Бестужева (Рюмина). Я не обязывался сломать себѣ шею для каждаго; пусть пріѣдетъ самъ Муравьевъ, или пусть покажутъ мнѣ увѣдомленіе, писанное его рукой — я тотчасъ взбунтую свою роту, до сего же времени ограничусь приготовленіемъ солдатъ», — онъ былъ осужденъ по II разряду на 20 лѣтъ каторги (по смягченію) за «привлеченіе чиновъ, принятіе порученій, знаніе и приготовленіе къ мятежу». Въ читинской тюрьмѣ Громницкій считался лучшимъ слесаремъ и былъ ученикомъ Николая Бестужева во всевозможныхъ мастерствахъ. Громницкій скоропостижно скончался въ 1851 г. въ Черемховѣ, близъ Иркутска, гдѣ жилъ на поселеніи.

Михаилъ Николаевичъ
Глѣбовъ.

Иванъ Ивановичъ
Горбачевскій.

Петръ Өедоровичъ
Громницкій.

Давыдовъ В. Л.

Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной подполковникъ, родился въ 1792 г. Онъ учился сначала въ пансіонѣ аббата Николя, затѣмъ дома подъ руководствомъ аббата Фромона. Давыдовъ получилъ вообще поверхностное образованіе и увлекался преимущественно французской литературой. 15-ти лѣтъ Давыдовъ поступилъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, въ 1812 г. былъ адъютантомъ при ген. Шевичѣ и кн. Багратіонѣ, былъ раненъ подъ Кульмомъ и Лейпцигомъ и въ 1820 г. вышелъ въ отставку подполковникомъ александрійскаго гусарскаго полка. Вмѣстѣ съ Волконскимъ, Давыдовъ дѣятельно поддерживалъ сношенія Южнаго о-ва, къ которому принадлежалъ, съ Сѣвернымъ. Въ первомъ обществѣ онъ былъ предсѣдателемъ каменской управы тульчинской думы. Каменка, родовое имѣніе Давыдова, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была центромъ ежегодныхъ совѣщаній членовъ Южнаго о-ва, куда они собирались къ 24 ноября, дню именинъ матери Давыдова. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что «имѣлъ умыселъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ, участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ сочиненіемъ въ предложеніяхъ объ отторженіи областей отъ имперіи и пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовой къ дѣйствію». Давыдовъ былъ причисленъ къ I разряду, при-

говоренъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ (по смягченному приговору) и нѣкоторое время до водворенія въ Читѣ провелъ въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ. Въ 1840 г. Давыдовъ былъ на поселеніи въ Красноярскѣ и имѣлъ довольно большое семейство — сыновей Василія, Ивана, Льва и дочерей Александру и Софію. Одинъ изъ сыновей Давыдова имѣлъ замѣчательныя способности къ живописи и еще 5-лѣтнимъ ребенкомъ нарисовалъ переправу ихъ семьи черезъ какую-то рѣку при переѣздѣ изъ Петровскаго завода въ Красноярскъ. Впослѣдствіи сынъ Давыдова сталъ виднымъ художникомъ. Въ 1842 г. только одинъ Давыдовъ изъ всѣхъ своихъ товарищей согласился отдать дѣтей на воспитаніе на казенный счетъ подъ условіемъ перемѣны фамиліи. Дѣти Давыдова до 1856 г. носили фамилію Васильевыхъ. Давыдовъ скончался въ Красноярскѣ 25 октября 1855 г. Давыдовъ имѣлъ увлекающійся, мягкій, привлекательный, но не стойкій характеръ. Онъ пользовался замѣтнымъ вліяніемъ на своихъ сочленовъ, благодаря полнотѣ чувства къ общему дѣлу, бойкими разсужденіями, увлекательными разговорами. Несчастіе вполнѣ сломило его слабую натуру. Дорогою въ Сибирь онъ часто плакалъ, а въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ рѣдко бывалъ веселъ и спокоенъ.

Василій Львовичъ
Давыдовъ.

Ентальцевъ А. В.

Андрей Васильевичъ Ентальцевъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты № 27, принадлежалъ къ Южному обществу и былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу». Онъ былъ отнесенъ къ VII разряду и приговоренъ къ 4-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, а затѣмъ къ вѣчному поселенію въ Сибири. Ентальцевъ родился въ 1788 г. и получилъ образованіе въ петербургскомъ пансіонѣ Мейера. Отбывъ годичный срокъ каторжныхъ работъ, лѣтомъ 1828 г. Ентальцевъ былъ привезенъ на поселеніе въ Березовъ, куда прибыла изъ Иркутска и жена его, Александра Васильевна; оттуда, лѣтомъ 1830 г., по ходатайству сестры, г-жи Сикстель, онъ былъ переведенъ въ Ялуторовскъ. Въ Березовѣ Ентальцевы страдали только отъ суровости климата, такъ какъ въ средствахъ не нуждались. Кромѣ того, жизнь Ентальцевыхъ въ Березовѣ была отравлена доносами сосланнаго туда князя Друцкого-Горского, озлобленнаго на декабристовъ Ентальцева, Фохта и барона Черкасова за то, что они отдалились отъ него, по причинѣ невозможно строптиваго и придирчиваго его характера. Эти обвиненія, заключавшіяся въ томъ, будто Ентальцевъ и его товарищи возмущаютъ населеніе критикой правительственныхъ мѣропріятій и принимаютъ участіе въ тайной продажѣ водки инородцамъ, конечно, не подтвердились

произведеннымъ разслѣдованіемъ. Въ Ялуторовскѣ Ентальцевы, пріобрѣвшіе себѣ удобный деревянный домъ, также подвергались доносамъ со стороны городничаго Смирнова и одного мелкаго чиновника Портнягина. Смирновъ донесъ, будто Ентальцевъ возбуждаетъ мѣстное населеніе, особенно крестьянъ и мѣщанъ, противъ начальства и прививаетъ къ нему духъ ябедничества. Доносъ коснулся даже интимной жизни Ентальцева: будто онъ, ревнуя привезенную его женой крѣпостную дѣвицу къ вывезенному также ею изъ Россіи крѣпостному человѣку, сильно притѣсняетъ послѣдняго. По мнѣнію присланнаго для разслѣдованія этого дѣла жандармскаго офицера, Ентальцевъ дѣйствительно питалъ особыя чувства къ крѣпостной дѣвицѣ Пелагеѣ, и женѣ Ентальцева было приказано удалить изъ Ялуторовска эту дѣвицу. Любопытно, что подобный фактъ, столь обыкновенный въ дореформенной крѣпостной Россіи, по отношенію къ Ентальцеву былъ доведенъ даже до высочайшаго свѣдѣнія, вызвалъ разслѣдованіе и извѣстную репрессію. Доносъ чиновника Портнягина въ 1837 г. заключался въ томъ, будто Ентальцевъ хранитъ пушки, которыя намѣревается употребить въ дѣло при проѣздѣ черезъ Ялуторовскъ наслѣдника цесаревича. Еще наканунѣ вечеромъ домъ Ентальцевыхъ и сосѣднія улицы были заняты открытымъ военнымъ карауломъ, а на другой день рано утромъ, въ отсутствіе Ентальцевыхъ, былъ произведенъ обыскъ. Въ амбарѣ были найдены 4 старыхъ пушечныхъ лафета, купленныхъ Ентальцевымъ у одной чиновницы единственно для желѣза на хозяйственныя подѣлки. Вернувшіеся Ентальцевы настояли на производствѣ строжайшаго обыска во всей ихъ усадьбѣ. Будучи человѣкомъ очень слабаго здоровья, Ентальцевъ,—отчасти, вѣроятно, именно поэтому,—очень интересовался медициной, постоянно рылся въ медицинскихъ книгахъ, съ какой то особой страстью предавался приготовленію лѣкарствъ и лѣченію

Андрей Васильевичъ
Ентальцевъ.

многочисленныхъ больныхъ, которые къ нему постоянно обращались, такъ какъ онъ никому не отказывалъ въ помощи. Усилившіеся недуги, разсказанныя выше непріятности по поводу доносовъ, наконецъ, прекратившаяся присылка средствъ изъ Россіи, такъ что потребовалась помощь не только отъ княгини Маріи Николаевны Волконской, но и пособіе отъ казны въ размѣрѣ 200 р. въ годъ,—все это подѣйствовало на душевный строй Ентальцева, и въ концѣ 30-хъ годовъ у него обнаружились первые симптомы душевной болѣзни. Въ 1841 г. онъ впалъ въ тихое помѣшательство; онъ совершенно ослабѣлъ, впалъ въ дѣтство и уже не вставалъ съ постели, пользуясь все время прекраснымъ уходомъ со стороны жены, Александры Васильевны. Онъ скончался 25 января 1845 г. А. В., не получивъ разрѣшенія вернуться въ Россію, жила въ Ялуторовскѣ подъ присмотромъ полиціи и лишь послѣ амнистіи 1856 г. переселилась въ Москву, гдѣ и скончалась въ 1858 г.

Завалишинъ Д. И.

Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ, лейтенантъ 8-го флотскаго экипажа, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, возбуждая къ тому словами и сочиненіями и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли». Онъ былъ отнесенъ къ I разряду и осужденъ на смертную казнь отсѣченіемъ головы, что замѣнено было вѣчной каторжной работой. Завалишинъ родился въ 1802 г. и дѣтство провелъ въ домѣ своего отца, генерала, любимца Суворова, отставленнаго отъ службы Павломъ I за неодобреніе нѣкоторыхъ современныхъ порядковъ. При Александрѣ I отецъ его былъ назначенъ военнымъ начальникомъ въ Астрахань, а потомъ генералъ-интендантомъ путей сообщенія и жилъ въ Твери. Отецъ рано началъ заставлять Завалишина читать себѣ по вечерамъ иностранныя газеты и не удалялъ сына во время бесѣдъ съ самыми важными лицами, посѣщавшими его, когда мальчику приходилось слышать и откровенные отзывы о государственныхъ и придворныхъ дѣлахъ. Постоянное пребываніе въ сферѣ интересовъ взрослыхъ, притомъ образованныхъ и солидныхъ людей, быстро и сильно подѣйствовало на крайне впечатлительнаго, даровитаго и понятливаго мальчика. Имъ овладѣла страсть къ пріобрѣтенію познаній. По собственной инициативѣ началъ онъ учиться латинскому и греческому языкамъ и при

поступленіи въ морской корпусъ обнаружилъ такія свѣдѣнія, что въ тотъ же день сдѣланъ былъ гардемариномъ. Въ корпусѣ онъ не терялъ даромъ ни одной минуты и приватно, у постороннихъ учителей, познакомился съ итальянскимъ, испанскимъ и англійскимъ языками. Всѣ свои обязанности по корпусу Завалишинъ исполнялъ до того строго, что только онъ и еще одинъ его товарищъ оказались въ числѣ «не замѣченныхъ». Во время пребыванія въ корпусѣ онъ не курилъ, не кутилъ, не игралъ въ карты. Въ 1818 году онъ былъ уже «старшимъ въ части». Во время морского путешествія въ Швецію и Данію онъ замѣнялъ на вахтѣ старшаго лейтенанта. По окончаніи курса Завалишинъ поступилъ въ 1-й флотскій экипажъ, послѣ плаванія въ Балтійскомъ морѣ былъ въ 17 лѣтъ сдѣланъ преподавателемъ въ своемъ корпусѣ и въ то же время посѣщалъ лекціи въ университетѣ, горномъ корпусѣ и медико-хирургической академіи, началъ учиться еврейскому языку; въ библіотекѣ Остермана, получавшаго изъ-за границы все безъ цензуры, онъ слѣдилъ за всѣми политическими новостями. Онъ все время учился и училъ. Развлеченія занимали самое послѣднее мѣсто въ жизни Завалишина. Служебная дѣятельность его въ этотъ періодъ была чрезвычайно разнообразна. «Это былъ молодой человѣкъ съ необыкновенными способностями, говоритъ о немъ Бѣляевъ въ своихъ «Запискахъ». Онъ отлично учился въ корпусѣ, отлично зналъ математику, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ уже зналъ много языковъ, изучивъ ихъ во время плаванія. Онъ уже говорилъ по-испански, по-англійски, по-французски и, кажется, по-нѣмецки и имѣлъ большія познанія; вообще, по уму и способностямъ это былъ человѣкъ, выходившій изъ ряда обыкновенныхъ». Но при всѣхъ своихъ блестящихъ умственныхъ дарованіяхъ, Завалишинъ имѣлъ какой-то психическій дефектъ. Одаривъ его пламеннымъ, почти не-

обузданнымъ воображеніемъ, природа вложила въ него неопредѣленную складку мистицизма. Еще ребенкомъ, читая Библію, Завалишинъ имѣлъ «откровеніе», предназначившее его для «возстановленія истины». Онъ мечтаетъ учредить «Вселенскій орденъ Возстановленія», составляетъ его статутъ, похожій на мальтійскій, и получаетъ возможность представить свой проектъ Александру I. Повидимому, орденъ не имѣлъ въ виду никакихъ вопросовъ внутренней политики, а преслѣдовалъ отношенія международныя и интересы нравственно-религіозные. Проектъ Завалишина одобрили и Александръ I, и Шишковъ, но приведеніе его въ дѣйствіе показалось имъ несвоевременнымъ и неудобоисполнимымъ. Другой планъ Завалишина также не былъ принятъ правительствомъ: во время своего пребыванія въ Калифорніи онъ, тайкомъ отъ начальника отряда Лазарева, вошелъ въ сношенія съ мѣстными недовольными элементами, чтобы побудить ихъ къ провозглашенію независимости и поступленію подъ протекторатъ Россіи. Правительство отклонило этотъ проектъ изъ боязни осложненій съ Англіей и Соединенными Штатами. Обѣ эти неудачи огорчили Завалишина. Онъ придалъ своему «проекту» антиправительственный характеръ и, учредивъ, такимъ образомъ, свое тайное общество, началъ вербовать въ него членовъ. По вопросу о Калифорніи Завалишинъ сблизился съ Русско-Американской компаніей, представивъ ей записку, рѣзко критиковавшую русскіе трактаты съ Англіей и Соед. Штатами. Отсюда, вѣроятно, началось его знакомство съ Рылѣевымъ. Но о Сѣверномъ обществѣ, повидимому, онъ имѣлъ только смутное понятіе, членомъ его не состоялъ. Онъ не былъ арестованъ по случаю событія 14 декабря, даже чуть было не получилъ вензеля флигель-адъютанта отъ Николая I за свои прекрасныя объясненія при осмотрѣ морского музея императоромъ. Только показаніе мичмана Дивова привело его предъ слѣдственную коммиссію, ко-

гда и раскрылось, что онъ былъ учредителемъ особаго тайнаго общества. Въ своихъ объясненіяхъ предъ коммиссіей Завалишинъ старается оправдать себя и называетъ Рылѣева «коварнымъ злодѣемъ», его увлекшимъ. Но очныя ставки изобличили его образъ мыслей и раскрыли его дѣятельность, какъ пытавшагося учредить особое тайное общество. Въ заключеніи товарищи, конечно, не чуждались Завалишина, но онъ самъ сознавалъ, что не вполнѣ принадлежалъ къ ихъ семьѣ, а отсюда произошла впослѣдствіи нѣкоторая горечь въ его воспоминаніяхъ о нихъ. Кромѣ того, Завалишина нѣсколько удаляли отъ соузниковъ нѣкоторыя стороны его характера: онъ былъ слишкомъ самолюбивъ, самонадѣянъ, не имѣлъ той скромности, той мягкости и душевной деликатности, которыя украшали почти всѣхъ прочихъ декабристовъ. Его оригинальныя привычки также ставили его какъ бы въ отдаленіи отъ товарищей. Въ Читѣ лѣтомъ, въ хорошую погоду, всѣ обѣдали на дворѣ, чтобы чище содержать помѣщеніе. «Завалишинъ, говоритъ Розенъ, съ нами не обѣдалъ (пищу его составляли кедровые орѣхи по преимуществу), а гулялъ на дворѣ съ отпущенной бородой, что тогда было въ диковинку, въ шляпѣ съ широкими полями и съ Библіей въ рукахъ». Горный унтеръ-офицеръ, приносившій заключеннымъ пищу, скоро сообщилъ женѣ горнаго чиновника Смольяниновой, что среди заключенныхъ находится святой человѣкъ, который не ѣстъ скоромнаго и все читаетъ божественныя, душеспасительныя книги. Какъ женщина религіозная, Смольянинова заинтересовалась этимъ, познакомилась съ Завалишинымъ и предложила ему невѣсту, свою младшую любимую дочь Аполлинарію Семеновну, родившуюся 4 декабря 1812 г. Въ Читѣ Завалишинъ часто уходилъ изъ тюрьмы подъ разными предлогами, чтобы навѣщать свою невѣсту. Эта свадьба состоялась только черезъ 12 лѣтъ*).

*) А. С. Завалишина скончалась 7 декабря 1845 г.

Розенъ и Басаргинъ передаютъ, что во время перехода изъ Читы въ Петровскій заводъ Завалишинъ шелъ впереди съ книгой, въ плащѣ и съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ. Хозяйничанье Завалишина въ артели вызвало какія-то неудовольствія вслѣдствіе его безпокойнаго и слишкомъ самонадѣяннаго характера. По окончаніи срока заключенія Завалишинъ поселился въ Читѣ и сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, огородничествомъ, учительствомъ. Какъ умный, знающій и энергичный человѣкъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на мѣстную администрацію. Но въ концѣ 50-хъ годовъ онъ столкнулся съ гр. Муравьевымъ-Амурскимъ по вопросу объ Амурѣ. Онъ осуждалъ всю колонизаціонную политику Муравьева, и его статьи въ «Морскомъ Сборникѣ» и др. изданіяхъ по этому вопросу произвели такое впечатлѣніе, что Муравьевъ настоялъ на выселеніи Завалишина въ Европейскую Россію. Послѣднее время своей жизни, почти 25 лѣтъ, Завалишинъ прожилъ въ Москвѣ, на службѣ по учебному вѣдомству. Съ московскими декабристами онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ, не бывалъ у нихъ, даже на похоронахъ умершихъ изъ нихъ. Изъ-за Лепарскаго, бывшаго коменданта, о которомъ у многихъ декабристовъ осталась очень хорошая память, и котораго порицалъ одинъ Завалишинъ,—между ними была печатная полемика, и вообще отношенія между ними были недружелюбны. Завалишинъ скончался въ Москвѣ 10 мая 1892 г., въ глубокой старости вступивъ въ 3-й бракъ. Быть можетъ, странности Завалишина и шероховатости его характера являются результатомъ какого-то дефекта, глубоко заложеннаго въ его душевномъ строѣ, что въ старости выразилось, между прочимъ, въ формѣ клептоманіи самаго невиннаго свойства (напр., будучи въ гостяхъ, онъ потихоньку бралъ апельсины, конфекты и т. п., что потомъ раздавалъ дѣтямъ). Вообще эта оригинальная личность, съ огромными достоинствами ума и съ

большими недостатками сердца и характера, представляетъ собою нѣчто загадочное и не достаточно разъясненное. Въ оставленныхъ Завалишинымъ «Запискахъ» непріятно останавливаютъ вниманіе читателей полемическій, оправдывающійся тонъ и чрезмѣрное выставленіе на первый планъ личности ихъ автора.

Загорѣцкій Н. А.

Николай Александровичъ Загорѣцкій, поручикъ генеральнаго штаба по квартирмейстерской части, родился въ 1796 г. Сначала онъ учился дома и въ 1818 г. поступилъ въ Московскій университетъ. Когда Н. М. Муравьевъ открылъ свое извѣстное училище, Загорѣцкій началъ прилежно посѣщать лекціи вновь открытой образцовой для того времени школы. Въ 1823 г., выдержавъ экзаменъ, онъ поступилъ во 2-ую армію офицеромъ генеральнаго штаба. Загорѣцкій состоялъ членомъ Южнаго общества, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли» и осужденъ по VII разряду на 4 года каторжныхъ работъ и 2 года поселенія. Въ 1826 г. Загорѣцкій былъ уже въ Читѣ, гдѣ и пробылъ годъ, откуда былъ переведенъ въ Витимъ на Ленѣ. Похоронивъ здѣсь своего товарища Заикина, Загорѣцкій сталъ проситься на Кавказъ, куда въ 1836 г. и получилъ переводъ простымъ солдатомъ. Послѣ 8-лѣтней службы въ самый разгаръ кавказской войны Загорѣцкій, по ходатайству самого Воронцова, былъ уволенъ въ отставку. Возвратясь въ Евр. Россію, онъ былъ опредѣленъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ и получилъ назначеніе въ Ефремовскій уѣздъ Тульской губ., гдѣ и прослужилъ 19 лѣтъ, до упраздненія самого мѣста. По выходѣ въ отставку, съ пенсіей въ 300 р., Загорѣцкій поселился въ Москвѣ у Бахметьева, съ которымъ его связывала близкая дружба. Загорѣцкій скончал-

Николай Александровичъ
Загорѣцкій.

ся въ 1885 г. Въ молодости Загорѣцкій обнаруживалъ недюжинныя техническія способности: въ Читинскомъ острогѣ, еще до прибытія туда Бестужева, всеобщаго учителя заключенныхъ въ мастерствахъ, — онъ при помощи ножа, циркуля и пилочки соорудилъ изъ кострюльки и картона стѣнные часы. Въ Читѣ Загорѣцкій чрезвычайно увлекался огородомъ и достигъ того, что могъ работать тамъ въ теченіе цѣлаго дня, наравнѣ съ нанятыми рабочими.

Ивановъ И. И.

Илья Ивановичъ Ивановъ, провіантскій чиновникъ 10-го класса, родился въ 1800 г. и учился въ Житомірѣ у разныхъ учителей. Ивановъ принадлежалъ къ обществу Соединенныхъ Славянъ. Такъ какъ по своей должности онъ находился въ корпусной квартирѣ и имѣлъ потому возможность поддерживать сношенія со всѣми членами общества, то въ мартѣ 1825 г. и былъ избранъ его секретаремъ. Ивановъ былъ обвиненъ въ томъ, что «принималъ членовъ и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу» и потому былъ осужденъ по IV разряду къ 15 годамъ каторжныхъ работъ и 12 поселенія. Ивановъ скончался 8 января 1848 г. въ с. Каменкѣ на Ангарѣ, куда онъ былъ переведенъ на поселеніе изъ Петровскаго завода.

Илья Ивановичъ
Ивановъ.

Игельстромъ К. Г.*)

Константинъ Густавовичъ Игельстромъ, командиръ сапернаго литовскаго батальона, родился 8-го мая 1799 г. въ Шумскѣ, Волынской губ., Кременецкаго уѣзда. Раннее дѣтство Игельстромъ провелъ въ имѣніи Викторино (Минской губ., Новогрудскаго уѣзда), принадлежавшемъ его отцу, Густаву Густавовичу Игельстрому, ротмистру гусарскаго Бауэра (павлоградскаго) полка (впослѣдствіи генералъ-майору). Для образованія Игельстромъ былъ помѣщенъ во 2-й кадетскій корпусъ, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ саперный литовскій батальонъ, квартировавшій въ Бѣлостокѣ. Въ его формулярѣ (1842 г.) значится: «россійскій, французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій языки знаетъ; закону Божію, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, коническимъ сѣченіямъ, дифференціальнымъ и интегральнымъ вычисленіямъ, практикѣ снимания мѣстъ, полевой и долговременной фортификаціи, минному искусству, артиллеріи, физикѣ, химіи, статикѣ, гидростатикѣ, механикѣ, гидравликѣ, динамикѣ, черченію плановъ и статистикѣ обучался». Вѣроятно, черезъ посредство нѣкоторыхъ членовъ Южнаго общества, у котораго были связи съ Польшей и западнымъ краемъ, Игельстромъ воспринялъ идеи,

*) Подробными біографическими свѣдѣніями о К. Г. Игельстромѣ мы обязаны любезности его вдовы, живущей въ настоящее время въ Варшавѣ, Берты Борисовны Игельстромъ, которой и приносимъ свою глубокую признательность.

одушевлявшія декабристовъ. Хотя онъ и не былъ привлеченъ къ самому процессу первыхъ русскихъ борцовъ за политическую свободу, однако принадлежалъ къ нимъ и по духовному родству, и по одинаковости судьбы, и потому, что сами декабристы, какъ Розенъ въ своихъ «Запискахъ» и М. И. Муравьевъ-Апостолъ въ своемъ «Погостномъ спискѣ», отводятъ ему мѣсто среди своихъ товарищей, какъ и Вегелину. Игельстромъ былъ арестованъ въ 1827 г. въ Бѣлостокѣ, гдѣ онъ командовалъ саперным батальономъ, будучи обвиненъ въ попыткѣ возмутить ввѣренную имъ часть. По арестованіи онъ былъ заключенъ въ мѣстный тюремный замокъ, гдѣ и находился до объявленія резолюціи Николая I: «Весьма повѣсить!» По ходатайству в. к. Константина Павловича, крестнаго отца Игельстрома, эта резолюція была замѣнена ссылкой въ вѣчную каторгу. Игельстромъ былъ отправленъ на каторгу одновременно съ Вегелинымъ и Рукевичемъ, братомъ его невѣсты, сначала на тройкѣ съ жандармами, а потомъ пѣшкомъ по этапу, вмѣстѣ съ партіей уголовныхъ преступниковъ. Потянулись мучительные дни тяжелаго пути. Не говоря уже о лишеніяхъ всякаго рода, вполнѣ понятное угнетенное нравственное состояніе Игельстрома дѣлалось еще болѣе тяжелымъ вслѣдствіе грубаго обращенія конвойныхъ и начальниковъ этаповъ. Но были и свѣтлые, незабвенные моменты; такъ, напр., встрѣтившійся на одной изъ станцій съ Игельстромомъ и его товарищами сибирскій купецъ Пономаревъ угостилъ ихъ обѣдомъ и на прощанье подарилъ каждому изъ нихъ по пачкѣ табаку, въ которой потомъ оказалось по 25-рублевой ассигнаціи. Прибывъ въ Читу, Игельстромъ сразу же вошелъ въ тѣсный и дружный кружокъ декабристовъ, въ который каждый, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, вносилъ свой вкладъ знаній и дарованій на общее братское дѣло. Игельстромъ заинтересовался практической медициной, былъ однимъ изъ усердныхъ помощниковъ

Константинъ Густавовичъ
Игельстромъ.

доктора Вольфа и отлично изучилъ портняжное ремесло. Игельстромъ любилъ музыку, прекрасно игралъ на флейтѣ, бережно вывезенной имъ изъ Россіи, и принималъ дѣятельное участіе въ концертахъ, устраиваемыхъ узниками въ часы отдыха. Въ теченіе 1½ лѣтъ онъ завѣдывалъ въ Петровскомъ заводѣ хозяйственной частью товарищеской артели. Такъ какъ по случаю разныхъ событій въ царской семьѣ сроки каторжныхъ работъ для декабристовъ все болѣе и болѣе сокращались, то къ половинѣ 30-хъ годовъ Игельстромъ былъ переведенъ на поселеніе въ г. Каинскъ, Томской губ., гдѣ пріобрѣлъ себѣ деревянный домикъ и нѣкоторое время занимался мелочной торговлей въ разносъ. Его общительный нравъ тяготило одиночество, и тоска угнетала его невыносимо. Пребываніе Игельстрома въ Каинскѣ было непродолжительно: онъ воспользовался случаемъ посѣщенія Сибири наслѣдникомъ престола в. к. Александромъ Николаевичемъ и просилъ о помилованіи. Въ маѣ 1836 г. онъ былъ зачисленъ рядовымъ піонеромъ 2-го класса въ кавказскій саперный батальонъ. Въ августѣ 1838 г. Игельстромъ былъ произведенъ въ прапорщики за участіе въ экспедиціи ген. Вельяминова, когда онъ могъ примѣнить къ дѣлу полученное имъ спеціальное образованіе. 16 іюня 1840 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики. На Кавказѣ Игельстромъ непрерывно участвовалъ въ экспедиціяхъ и дѣлахъ противъ горцевъ и нѣсколько разъ встрѣчался съ декабристами: Нарышкинымъ, Назимовымъ, Загорѣцкимъ, кн. Одоевскимъ и Оржицкимъ. Кн. Одоевскій скончался въ палаткѣ Игельстрома и на его рукахъ. Съ производствомъ въ первый офицерскій чинъ Игельстромъ, по ходатайству брата Александра, командира хоперскаго полка, былъ переведенъ въ станицу Баталпашинскую, гдѣ руководилъ постройкой Хумаринскаго укрѣпленія (въ 50 верстахъ отъ Баталпашинской) и проведеніемъ туда дороги въ Хумаринскомъ ущельѣ по рѣкѣ

Шупчурукъ. Раньше узкая дорога, проходившая здѣсь, называлась Мышиной тропой, а впослѣдствіи, приспособленная для коннаго сообщенія, получила отъ горцевъ названіе «Илгостромовской дороги». Вышедшій въ отставку въ 1842 г., Игельстромъ въ томъ же году вступилъ въ бракъ съ Бертой Борисовной Эльзингкъ, съ которой познакомился въ Екатеринодарѣ еще въ 1839 г. Въ 1844 г. онъ вернулся въ Евр. Россію и поселился въ Таганрогѣ, гдѣ поступилъ на службу по таможенному вѣдомству. Послѣ 9 лѣтъ счастливой и мирной семейной жизни, вознаградившей его за тяжелое прошлое, К. Г. Игельстромъ скончался 13 ноября 1851 г., послѣ кратковременной болѣзни, въ гостяхъ у сестры своей Лаптевой, въ военномъ поселеніи Кремянскомъ, гдѣ и похороненъ. Единственный сынъ его Густавъ скончался 10-ти лѣтъ. По характеру К. Г. Игельстромъ былъ весьма привлекателенъ: прекрасный, вѣрный товарищъ, онъ былъ всегда беззаботенъ, веселъ, оживленъ, добродушенъ и до конца дней сохранилъ веселый характеръ, живой умъ и горячее сердце. Игельстромъ чрезвычайно любилъ отца, братьевъ и сестеръ, и свиданіе со всей семьей, съѣхавшейся для него въ Новогрудкѣ послѣ 17-лѣтней разлуки въ 1844 году, было лучшимъ моментомъ всей его жизни.

Петръ Григорьевичъ
Каховскій.

Каховскій П. А.

Петръ Андреевичъ Каховскій, отставной поручикъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи и, бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ царствующаго государя императора, не отрекся отъ сего избранія и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался; участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ многихъ членовъ и самъ нанесъ смертельный ударъ гр. Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранилъ свитскаго офицера». Каховскій былъ поставленъ внѣ разряда и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, что и было исполнено 13 іюля 1826 г. на валу Кронверкской куртины Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ. Каховскій родился въ Смоленской губерніи, къ дворянству которой и принадлежалъ. Онъ учился въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ. О немъ передаютъ, что въ 1812 г. онъ остался въ Москвѣ, сошелся съ французами и ходилъ съ ними на рекогносцировки. Каховскій принадлежалъ къ Сѣверному обществу. Онъ отличался быстрымъ, рѣшительнымъ и пылкимъ характеромъ, смѣлостью и рѣзкостью. Онъ былъ изъ числа не разсуждающихъ рядовыхъ фанатиковъ идеи. Казнь онъ принялъ безстрашно.

Кирѣевъ И. В.

Иванъ Васильевичъ Кирѣевъ, прапорщикъ 8-й артиллерiйской бригады, родился въ 1801 г., учился сначала дома, а затѣмъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубiйство согласiемъ; также соглашался въ умыслѣ бунта и приготовлялъ товарищей къ военному мятежу». Кирѣевъ принадлежалъ къ обществу Соединенныхъ Славянъ и былъ осужденъ по II разряду (со смягченiемъ) на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ за то, что «соглашался въ умыслѣ бунта безъ дѣйствiя, приготовлялъ товарищей къ военному мятежу». Кирѣевъ скончался 21 iюня 1866 г. въ Тулѣ. До общей амнистiи декабристовъ въ 1856 г. Кирѣевъ жилъ на поселенiи въ Минусинскѣ у Бѣляевыхъ. Кирѣевъ былъ добрый и кроткiй человѣкъ. Въ Читинской тюрьмѣ Кирѣевъ подъ влiянiемъ Борисова, крайняго представителя матерiалистическихъ и атеистическихъ взглядовъ небольшой группы среди декабристовъ, обнаруживалъ отрицательное отношенiе къ христiанству, но вскорѣ это настроенiе совершенно измѣнилось у него, и онъ сблизился въ этомъ пунктѣ съ огромнымъ большинствомъ декабристовъ.

Иванъ Васильевичъ
Кирѣевъ.

Графъ

Петръ Петровичъ

Коновницынъ.

Коновницынъ П. П.

Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба, родился въ 1802 г. около Гдова въ с. Кяровѣ и получилъ образованіе дома. Его отецъ прославился въ войну 1812 г., проходилъ всѣ военные чины, былъ военнымъ министромъ и подъ конецъ жизни начальникомъ военно-учебныхъ заведеній. Онъ былъ честный патріотъ, исполненный лучшихъ намѣреній. Петръ Коновницынъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу. Онъ былъ обвиненъ въ этомъ «безъ полнаго знанія относительно сокровенной цѣли бунта. Данныхъ во время мятежа порученій, раскаявшись, не исполнилъ. Соглашался съ мятежниками безъ личнаго дѣйствія». Онъ былъ осужденъ по IX разряду и приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь, но, по ходатайству родственниковъ, отправленъ на Кавказъ въ солдаты.

Проѣзжая черезъ Владикавказъ въ 1834 г., Коновницынъ умеръ отъ холеры въ этомъ городѣ. Мать его послала на его могилу металлическую доску съ надписью. Кн. Одоевскій посвятилъ его памяти стихотвореніе:

Когда, въ послѣдній часъ, изъ устъ тѣснился духъ,
Онъ вспомнилъ съ горестью глубокой
О нѣжной матери, объ узницѣ далекой —
И съ этимъ именемъ потухъ…

Кривцовъ С. И.

Сергѣй Ивановичъ Кривцовъ, подпоручикъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, родился въ 1802 г., кажется, въ Тимскомъ уѣздѣ Курской губ., гдѣ у него были ближайшіе родственники. Образованіе Кривцовъ получилъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, затѣмъ учился въ Швейцаріи, въ пансіонѣ Феленберга и едва-ли не былъ питомцемъ самого Песталоцци. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли». Кривцовъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу и былъ осужденъ по VII разряду—на 4 года каторжныхъ работъ и 2 года поселенія. Въ 1828 г. онъ былъ отправленъ на Лену, а затѣмъ на жительство въ Минусинскъ. Онъ скончался въ Орлѣ 3 мая 1864 г. Кривцовъ не принадлежалъ къ передовымъ и активнымъ элементамъ общества, но симпатизировалъ его цѣлямъ, хотя никогда не бывалъ на совѣщаніяхъ относительно предполагаемыхъ дѣйствій общества въ декабрѣ 1825 г. Онъ былъ высокъ ростомъ, плечистъ, съ черными кудрявыми волосами и широкимъ лицомъ. Кривцовъ былъ замѣчательный пѣвецъ. «Какъ запоетъ «Я вкругъ бочки хожу», говоритъ о немъ баронъ Розенъ въ своихъ воспоминаніяхъ, то Ентальцевъ въ восторгѣ восклицаетъ: «кто повѣритъ, что онъ въ кандалахъ и въ острогѣ!» а Кюхельбекеръ дразнилъ его, что Песталоцци хорошо научилъ его пѣть русскія пѣсни». Веселый, вѣчно

Сергѣй Ивановичъ
Кривцовъ.

склонный къ шуткѣ, Кривцовъ всегда былъ готовъ что нибудь напроказничать. Въ Минусинскѣ былъ извѣстный въ то время портной Трофимъ, который упросилъ Кривцова написать ему вывѣску. Кривцовъ огромными буквами написалъ: «Трофимъ, портной», а подъ этимъ: «Trophin, Dieb». Въ Минусинскѣ никто не зналъ нѣмецкаго языка, и Трофимъ очень гордился этой вывѣской. Кривцовъ былъ очень уменъ, интересенъ въ разговорѣ, пріятенъ въ обществѣ и отличался храбростью. Состоя на службѣ, онъ командовалъ двумя горными единорогами и съ ними всегда былъ впереди.

Крюковъ А. А.

Александръ Александровичъ Крюковъ, поручикъ кавалергардскаго полка и адъютантъ гр. Витгенштейна, командовавшаго 2-й арміей, родился въ 1794 г. Онъ принадлежалъ къ Южному обществу и былъ осужденъ, какъ и братъ его Николай, по II разряду. Какъ и братъ, онъ имѣлъ прекрасный басъ и участвовалъ, вмѣстѣ съ братомъ, въ хорѣ Читинскаго острога. Прибывъ въ Минусинскъ, Крюковы купили домъ и завели домашнее хозяйство, которое и поступило въ завѣдываніе Александра, въ то время какъ Николай посвятилъ себя заботамъ о сельскомъ хозяйствѣ. Александръ, человѣкъ замѣчательно мягкаго и добраго характера, былъ сибаритъ и гастрономъ, полевого хозяйства не любилъ, вечера проводилъ у окружнаго начальника или у кого-либо изъ мѣстнаго общества, гдѣ собирались на бостонъ и вистъ. Какъ и братъ, Александръ Крюковъ женился на мѣстной уроженкѣ изъ низшаго общественнаго слоя. Послѣ 1856 г. Крюковъ поселился въ Кіевѣ. Получивъ наслѣдство послѣ смерти сестры, Крюковъ переселился въ Брюссель, гдѣ и скончался въ 1867 г., разоренный однимъ пройдохой-аферистомъ, которому имѣлъ несчастіе ввѣрить свое состояніе.

Александръ Александровичъ
Крюковъ.

Крюковъ Н. А.

Николай Александровичъ Крюковъ, поручикъ квартирмейстерской части во 2-й арміи, младшій братъ предыдущаго, родился въ 1800 году. Его отецъ, нижегородскій губернаторъ, былъ безкорыстный, дѣятельный и разумный чиновникъ, просвѣщенный, гуманный и гостепріимный человѣкъ. Крюковъ-отецъ владѣлъ значительнымъ родовымъ имѣніемъ. Его сыновья и дочь получили блестящее по тому времени образованіе. До 1813 г. Николай Крюковъ учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, потомъ провелъ годъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ пансіонѣ Стадлера. Съ 1814 г. онъ воспитывался въ домѣ родителей, гдѣ гувернеромъ былъ французъ-эмигрантъ Морино, а науки преподавали ему учителя нижегородской гимназіи и англичанинъ Вольемутъ. Въ 1817 г. Крюковъ поступилъ въ училище колонновожатыхъ Муравьева, откуда былъ выпущенъ въ 1819 г. прапорщикомъ квартирмейстерской части. До выпуска Крюковъ мало занимался чтеніемъ, но потомъ сталъ обращать на это большое вниманіе. Во время отпуска и болѣзни онъ предался чтенію Руссо и Делиль-Десаля и полюбилъ чтеніе вообще. Онъ особенно заинтересовался политическими и философскими сочиненіями, изучилъ Монтескье и Филанджіери и много размышлялъ надъ такими вопросами, какъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣчество можетъ достигнуть счастія на землѣ. Изъ изученія французскихъ философовъ

XVIII в. Крюковъ вынесъ отрицательное отношеніе къ религіи, матеріалистическіе взгляды, преклоненіе предъ разумомъ и надежду на «просвѣщеніе» въ смыслѣ этихъ философовъ. Любовь Крюкова къ чтенію усилилась послѣ его вступленія въ Южное общество, когда онъ познакомился съ сочиненіями Беккаріа, Гельвеція и Кондильяка. Находясь на съемкѣ въ Подольской губерніи, Крюковъ получилъ ненависть къ крѣпостному праву, характерную для всѣхъ декабристовъ, такъ какъ во-очію убѣдился въ полной безнравственности этого института. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи согласіемъ, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей». Крюковъ былъ осужденъ по II разряду—на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ (по смягченію—вмѣсто первоначальнаго приговора—положить голову на плаху и подвергнуться ссылкѣ въ безсрочныя каторжныя работы). Онъ пріѣхалъ въ Минусинскъ, вѣроятно, въ 30-хъ годахъ и скончался тамъ 30 мая 1854 г. Крюковъ былъ человѣкъ замѣчательной энергіи, кипучей дѣятельности и имѣлъ прекрасный голосъ—басъ. Онъ полюбилъ сельское хозяйство и повелъ его очень хорошо. Въ Минусинскѣ Крюковъ женился на мѣстной уроженкѣ смѣшанной русской и инородческой крови, сиротѣ, воспитанной въ домѣ священника и выданной противъ воли за одного изъ мѣстныхъ обывателей. Это была молодая женщина 22 лѣтъ, очень красивая, умная и честная. Она служила кухаркой у братьевъ Бѣляевыхъ, и Крюковъ женился на ней послѣ ихъ отъѣзда, когда она овдовѣла.

Николай Александровичъ
Крюковъ.

Кюхельбекеръ В. К.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, коллежскій ассесоръ, былъ обвиненъ въ томъ, что «покушался на жизнь его высочества в. к. Михаила Павловича во время мятежа на площади; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови; самъ стрѣлялъ въ ген. Волкова и разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ старался поставить въ строй». Кюхельбекеръ принадлежалъ къ Сѣверному обществу. Онъ не былъ взятъ на Сенатской площади и спасся бѣгствомъ. Намѣреваясь пробраться за границу, близорукій и разсѣянный Кюхельбекеръ былъ арестованъ въ Варшавѣ, узнанный по примѣтамъ, которыя сообщилъ правительству его бывшій другъ Булгаринъ. Онъ былъ причисленъ къ I разряду осужденныхъ и приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы. По ходатайству в. к. Михаила Павловича, Кюхельбекеръ былъ избавленъ отъ смертной казни и приговоренъ сначала къ 20-лѣтней, а затѣмъ, въ томъ же 1826 г., къ 15-лѣтней каторжной работѣ и вѣчному поселенію въ Сибири послѣ нея. Но, по приказанію Николая I, Кюхельбекеръ былъ заключенъ сначала въ Шлиссельбургѣ, а затѣмъ въ Кексгольмѣ и только въ 1839 г. сосланъ былъ на поселеніе въ Сибирь. Во время заключенія Кюхельбекеръ получалъ всѣ нужныя книги, много читалъ и писалъ, но только ему не разрѣшалось напечатать ни одной строчки. В. К. Кюхельбекеръ родился 10 іюня 1797 г. и учился въ цар-

скосельскомъ лицеѣ въ одно время съ Пушкинымъ. Еще въ лицеѣ Кюхельбекеръ началъ писать стихи, и въ 1815 г. его стихотворенія стали появляться въ «Вѣстникѣ Европы», «Благонамѣренномъ» и «Сынѣ Отечества». Съ 1817—1820 гг. Кюхельбекеръ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Въ 1820 г. онъ былъ принужденъ оставить службу, потому что, находясь въ Парижѣ, приступилъ тамъ въ Атенеѣ къ чтенію лекцій по исторіи славянскихъ литературъ. Русскому посольству лекціи эти показались слишкомъ либеральными и были пріостановлены. Въ 1822 г. Кюхельбекеръ былъ на Кавказѣ при Ермоловѣ и познакомился съ Грибоѣдовымъ. Съ 1823—1825 гг. Кюхельбекеръ съ кн. Одоевскимъ издалъ въ Москвѣ 4 тома сборника «Мнемозина». До 1844 г. Кюхельбекеръ провелъ въ Акшѣ, Иркутской губ., гдѣ и женился на мѣстной уроженкѣ полу-буряткѣ. Въ началѣ 1845 г. Кюхельбекеръ былъ переведенъ въ Смолинскую слободу, въ 3 верстахъ отъ г. Кургана, Тобольской губ. Туда онъ прибылъ съ женой, Доросидой Ивановной, и двумя дѣтьми—сыномъ Михаиломъ и дочерью Юстиной. На новомъ мѣстѣ поселенія Кюхельбекеръ пріобрѣлъ себѣ небольшой крестьянскій домикъ и сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, чтобы поддержать существованіе семьи. Но развивавшаяся болѣзнь лишила его возможности предаться физическому труду. Конечно, изданіе его произведеній дало бы ему нѣкоторыя средства въ жизни, но еще въ 1840 г. эта просьба была отклонена Николаемъ I. Въ 1845 г. Кюхельбекеръ снова проситъ о разрѣшеніи напечатать его труды, даже безъ обозначенія его имени, «дабы изданіемъ этихъ сочиненій и переводовъ получить средства къ существованію, за неимѣніемъ въ виду какихъ-либо источниковъ для обезпеченія содержанія съ женой и дѣтьми, вслѣдствіе совершеннаго разстройства своего здоровья и потери зрѣнія». На этотъ разъ достойный сотрудникъ Николая I гр. Ор-

ловъ, шефъ жандармовъ, собственной властью отказалъ почти умирающему Кюхельбекеру. Еще въ концѣ 1845 г. больной Кюхельбекеръ просилъ разрѣшить ему пріѣхать въ Тобольскъ для лѣченія, но лишь послѣ трехмѣсячной переписки больной могъ наконецъ въ началѣ марта 1846 г. прибыть въ Тобольскъ вмѣстѣ съ семьей. Но было уже поздно: болѣзнь усиливалась, и послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій онъ скончался 11 августа 1846 г. и похороненъ на Завальномъ кладбищѣ недалеко отъ церкви «Семи отроковъ». Вдовѣ Кюхельбекера было назначено пособіе въ размѣрѣ 114 р. въ годъ, и она осталась въ Курганѣ подъ присмотромъ полиціи. Въ 1847 г. сестрѣ Кюхельбекера, Юстинѣ Карловнѣ Глинка, было разрѣшено взять къ себѣ на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей Вильгельма Карловича, причемъ Николай I сдѣлалъ собственноручную резолюцію, чтобы «упомянутыя дѣти назывались не по фамиліи ихъ отца, а Васильевыми». Въ полицейской справкѣ о примѣтахъ Кюхельбекера во время его розысковъ въ 1826 г. сказано: «высокій ростъ, сухощавъ, глаза на выкатѣ, волосы коричневые, ротъ при разговорѣ кривится, бакенбарды не растутъ, борода мало заростаетъ, сутуловатъ, ходитъ, немного искривившись, говоритъ протяжно». Какъ писатель, Кюхельбекеръ не былъ одаренъ свѣжимъ и оригинальнымъ талантомъ и не могъ освободиться отъ вліянія старой школы; его произведенія написаны языкомъ тяжелымъ, и слогъ его испещренъ архаизмами. Въ той роли политическаго дѣятеля, которую онъ разсчитывалъ сыграть, Кюхельбекеръ былъ вполнѣ искрененъ, такъ какъ горячо принялъ съ сердцу идеи, одушевлявшія благородныхъ прародителей русской политической свободы. Чрезвычайно высокая степень его увлеченія новыми освободительными идеями какъ бы выходили за естественные границы его въ сущности спокойнаго темперамента, что и дало поводъ Пушкину сравнивать его съ Анахарсисомъ Клоотцемъ.

Кюхельбекеръ М. К.

Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ, лейтенантъ гвардейскаго экипажа, родился въ 1798 г., получилъ образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и сопутствовалъ Лазареву въ его путешествіи на Новую Землю. Отецъ Михаила и Вильгельма Кюхельбекеровъ, саксонскій уроженецъ, учился въ лейпцигскомъ университетѣ и получилъ всестороннее образованіе. Кюхельбекеръ былъ директоромъ Павловска и былъ вообще очень близокъ ко двору Павла Петровича. Мать Кюхельбекеровъ, Юстина Карловна, урожденная Ломенъ, отличалась умомъ и красотой († 1841 г.). Послѣ смерти Павла I Кюхельбекеръ удалился въ свое имѣніе Авинормъ въ Эстляндской губ., гдѣ и умеръ въ 1809 г., оставивъ жену и дѣтей почти безъ всякихъ средствъ. Кюхельбекеръ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, былъ причисленъ къ V разряду осужденныхъ и приговоренъ къ 10-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ и ссылкѣ на поселеніе. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что «лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ». Кюхельбекеру много повредили офицеры гвардейскаго экипажа, по ошибкѣ въ своихъ показаніяхъ упоминавшіе о немъ вмѣсто Арбузова. Въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ Кюхельбекеръ былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ и неутомимыхъ огородниковъ. Поселившись въ 1831 г. въ Баргузинѣ, Кюхельбекеръ усердно занялся земледѣліемъ, самъ въ первое время расчищая, распахивая и засѣвая свои поля. 3 іюня

Вильгельмъ Карловичъ
Кюхельбекеръ.

Михаилъ Карловичъ
Кюхельбекеръ.

1834 г. онъ женился на дочери баргузинскаго мѣщанина, дѣвицѣ Аннѣ Токаревой, съ которой состоялъ въ «духовномъ родствѣ», такъ какъ былъ воспріемникомъ ея незаконнаго сына. По доносу верхнеудинскаго благочиннаго Рубцова черезъ 3 мѣсяца послѣ свадьбы началось дѣло о «незаконности» брака Кюхельбекера, окончившееся 11 декабря 1836 г.: Анна Кюхельбекеръ была осуждена на «покаяніе» въ теченіе 7 лѣтъ, а Михаилъ Карловичъ высланъ въ Смоленскую волость, за 500 в. отъ Баргузина. Оттуда онъ послалъ своей сестрѣ, Юстинѣ Карловнѣ Глинка, отчаянное письмо съ жалобами на жестокость рѣшенія. Это письмо возвратило его въ Баргузинъ. Кюхельбекеръ имѣлъ, вѣроятно, 6 дочерей и одного сына. Его сестрѣ, Юстинѣ Карловнѣ Глинка, было разрѣшено взять мальчика къ себѣ на воспитаніе съ тѣмъ, чтобы онъ носилъ фамилію Васильева. Молодой Кюхельбекеръ былъ помѣщенъ въ 4-ую петербургскую гимназію, окончилъ въ ней курсъ и поступилъ на юридическій факультетъ университета. Въ 1856 г. ему было разрѣшено носить фамилію отца. М. К. Кюхельбекеръ скончался въ Баргузинѣ въ 1859 г. При мягкости и даже слабости характера, онъ имѣлъ «золотое сердце», былъ человѣкъ скромный, правдивый, въ высшей степени добрый, очень дѣятельный по натурѣ и по привычкѣ.

Лихаревъ В. Н.

Владимiръ Николаевичъ Лихаревъ, подпоручикъ квартирмейстерской части, родился въ 1800 году, до 15 лѣтъ образованiе получалъ въ родительскомъ домѣ подъ руководствомъ Делиля и имѣлъ различныхъ учителей, затѣмъ учился у пастора Галлера и закончилъ свое образованiе въ муравьевской школѣ колонновожатыхъ. Лихаревъ принадлежалъ къ Южному обществу, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубiйство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знанiемъ цѣли и зналъ о приготовленiи къ мятежу» и былъ причисленъ къ VII разряду съ осужденiемъ на 4-лѣтнюю каторгу, но черезъ годъ былъ отправленъ на вѣчное поселенiе въ с. Кондинское Тобольской губ., гдѣ и пробылъ 2 года. Въ 1830 г. Лихаревъ былъ переведенъ въ Курганъ, по просьбѣ его матери, такъ какъ климатъ Кондинскаго оказывался губительнымъ для его здоровья. Живя въ Кондинскомъ и Курганѣ, Лихаревъ не получалъ пособiя отъ казны, располагая достаточными денежными средствами, доставляемыми изъ дома. Въ 1832 г. Лихаревъ, на основанiи своего ходатайства, уволенъ былъ въ Тобольскъ «для вынутiя изъ тѣла его пули, съ тѣмъ однако, чтобы онъ остался тамъ не долѣе, какъ сколько нужно будетъ для его выздоровленiя». Лихаревъ пробылъ въ Тобольскѣ съ 15 iюля 1832 г. по 21 марта 1833 г., благодаря ходатайству управлявшаго тогда Тобольской губ. Александра Николаевича Муравьева. Вер-

Владимиръ Николаевичъ
Лихаревъ.

нувшись въ Курганъ, Лихаревъ получилъ извѣстіе, что его жена (урожденная Бороздина) вышла замужъ за другого. «Это обстоятельство, говоритъ Розенъ, сокрушило Лихарева, такъ что при блестящихъ способностяхъ, при большомъ запасѣ серьезныхъ познаній онъ не могъ и не хотѣлъ употреблять ихъ съ пользой». Въ характерѣ Лихарева чувство вообще преобладало надъ волей. Вполнѣ понятная неудовлетворенность жизнью заставляли Лихарева стараться скрашивать послѣднюю матеріальнымъ довольствомъ, а живая, общительная натура влекла его къ сближенію съ людьми, хотя бы это были представители мѣстнаго чиновничества. Все это требовало такихъ средствъ, которыми Лихаревъ не располагалъ, и потому скоро онъ впалъ въ долги. Онъ обращался съ просьбой къ своему бывшему товарищу, гр. Бобринскому, о ссудѣ ему 7000 р. ас., т. к. денежныя дѣла его семьи въ Россіи пришли въ разстройство. Обращеніе къ Бобринскому было неудачно. Между тѣмъ и разныя сибирскія торговыя фирмы предъявили къ нему иски на 6300 р. черезъ генералъ-губернатора Западной Сибири и тобольскаго губернатора. Это послужило поводомъ къ общей административной мѣрѣ: предписано было черезъ распубликованіе «всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ дать знать непремѣнно, чтобы государственнымъ преступникамъ и польскимъ мятежникамъ довѣренности въ кредитъ, ни денегъ, ни вещей никто не дѣлалъ, а если и за симъ кто будетъ давать симъ преступникамъ въ одолженіе деньги, то оные не будутъ имъ платить». Долги Лихарева предписано было погашать изъ получаемыхъ имъ отъ родныхъ денегъ. Общительный характеръ Лихарева и его привлекательность, какъ личности, также оказались причинами для доноса, переписки и общей административной мѣры. Въ концѣ 1836 г. совѣтникъ тобольскаго губернскаго суда Яшинъ, посѣтивъ Курганъ, донесъ губернатору Копылову, что

«живущіе въ Курганѣ государственные преступники Фохтъ и Лихаревъ показываются безпрепятственно въ тамошнихъ обществахъ и взаимно открытымъ образомъ посѣщаются курганскими чиновниками и гражданами». На основаніи этого доноса губернаторъ рекомендовалъ курганскому городничему «принять немедленно зависящія мѣры, чтобы жительствующіе въ Курганѣ государственные преступники ни подъ какимъ видомъ въ отношеніи къ тамошнему обществу не выходили изъ круга, высшимъ правительствомъ для нихъ опредѣленнаго, и чтобы доброхотство и состраданіе къ нимъ курганскихъ чиновниковъ и гражданъ отнюдь на будущее время не переступали границъ должнаго благоприличія и установленнаго закономъ порядка». Обѣ эти административныя мѣры не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій: курганцы не переставали искать общества декабристовъ, сознавая превосходство ихъ образованія и воспитанія и преклоняясь предъ ихъ личными нравственными качествами; не прекратились также и денежныя ссуды, такъ какъ большинство декабристовъ, поселенныхъ въ Западной Сибири, были безъ средствъ и нуждались часто въ пропитаніи при томъ ничтожномъ пособіи, которое выдавалось казною, но все это были люди, пользовавшіеся глубокими симпатіями сибирскаго населенія, всегда оказывавшаго имъ услуги. Нужно прибавить, что декабристы никогда не злоупотребляли симпатіями мѣстнаго населенія. Оставивъ Курганъ въ 1837 г., Лихаревъ палъ въ 1840 г. въ сраженіи при Валерикомъ, сраженный пулей, когда находился впереди въ цѣпи застрѣльщиковъ.

Лореръ Н. И.

Николай Ивановичъ Лореръ, майоръ вятскаго пѣхотнаго полка, родился въ 1795 г., образованіе получилъ сначала у родныхъ, гдѣ наставникомъ у него былъ гернгутеръ Нидерштедтеръ, потомъ въ дворянскомъ полку. Онъ былъ членомъ масонской ложи «Палестина», и принадлежалъ къ Южному обществу, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарищей», былъ причисленъ къ IV разряду и приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ. Какъ и для всѣхъ его товарищей, срокъ наказанія Лореру сокращался неоднократно и, по ходатайству родственниковъ, въ 1833 г. Лореръ былъ переведенъ въ Курганъ, куда и прибылъ 13 марта. Въ первый же годъ жизни въ Курганѣ Лореръ получилъ отъ родныхъ изъ Россіи 2000 р. ассигнаціями, а затѣмъ и впослѣдствіи получалъ достаточныя для своего содержанія средства. На поселеніи Лореръ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій и, получивъ въ 1835 г. 15-десятинный надѣлъ, отдалъ землю своимъ товарищамъ, Розену и Нарышкину, изъ которыхъ съ послѣднимъ находился въ самой тѣсной дружбѣ. За все время своего пребыванія въ Курганѣ Лореръ аттестовался мѣстной администраціей съ самой лучшей стороны. Въ 1837 г. Лореръ былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ и отправленъ въ Тифлисъ. Онъ скончался въ Пол-

тавѣ въ маѣ 1873 г. Несмотря на постигшее несчастіе, Лореръ остался спокойной, уравновѣшенной натурой, склонной къ оптимизму. Онъ никогда не унывалъ, всегда оставался пріятнымъ собесѣдникомъ, имѣлъ богатый запасъ анекдотовъ и разсказовъ. Хотя не совсѣмъ основательно, но Лореръ былъ знакомъ практически съ 4 языками — англійскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и итальянскимъ; зналъ онъ и польскій яз. «На всѣхъ этихъ языкахъ, говоритъ Михаилъ Бестужевъ, онъ черезъ два слова на третье дѣлалъ ошибку, а между тѣмъ какой живой разсказъ, какая теплота, какая мимика! Самый недостатокъ, т. е. неосновательное знаніе языковъ, ему помогалъ какъ нельзя болѣе: если онъ не находилъ выраженія фразы въ русскомъ, онъ ее объяснялъ на первомъ попавшемся подъ руку языкѣ, вставляя и въ эту фразу слова и обороты изъ другого языка. Иногда въ разсказѣ онъ вдругъ остановится, не скажетъ ни слова и сдѣлаетъ жестъ или мину—и всѣ понимаютъ».

Николай Ивановичъ
Лореръ.

Лунинъ М. С.

Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, подполковникъ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ и заведеніемъ литографіи для изданія сочиненій общества». Лунинъ былъ отнесенъ къ II разряду и приговоренъ къ вѣчной каторжной работѣ. Лунинъ родился въ 1783 г. Онъ получилъ образованіе и воспитаніе, принаровленное къ требованіямъ большого свѣта того времени: зналъ главные европейскіе языки, хорошо танцовалъ, фехтовалъ и вообще владѣлъ оружіемъ, ѣздилъ верхомъ, усвоилъ весь свѣтскій лоскъ. Лунинъ учился дома, и его воспитателями и учителями были, по большой части, иностранцы. Онъ поступилъ на службу въ кавалергарды, гдѣ отличался исполнительностью и усердіемъ къ службѣ, но никогда не боялся высказать свое мнѣніе о чемъ бы то ни было. Лунинъ былъ очень склоненъ къ молодечеству, что было въ нравахъ военной молодежи того времени, былъ храбръ, но безъ всякаго бреттерства. Съ 1812—1814 гг. онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ императора Александра I, но впалъ въ немилость за смѣлое и публичное осужденіе французскаго правительства Людовика XVIII по случаю казни Нея и Лабедоайера. Когда Лунинъ узналъ, что его не повысили изъ ротмистровъ въ слѣдующій чинъ, какъ его товарищей (онъ былъ старшимъ между ними), онъ рѣшилъ

выйти въ отставку. Къ этому присоединились непріятности съ очень скупымъ отцомъ, который не соглашался давать ему столько средствъ, сколько требовалось для офицера кавалергардскаго полка. Лунинъ внезапно вышелъ въ отставку и осенью 1816 г. прибылъ въ Парижъ. Пребываніе въ Парижѣ оказало очень замѣтное вліяніе на Лунина, окончательно раскрывъ тѣ стороны его натуры, которыя въ Россіи, вслѣдствіе недостаточныхъ толчковъ и впечатлѣній со стороны, находились еще въ скрытомъ состояніи. Постоянное стремленіе къ новому, неизвѣданному, къ ощущеніямъ оригинальнымъ и сильнымъ, при отсутствіи въ дѣтствѣ и ранней молодости правильной школы, систематической культуры ума, не могло увлечь бурный темпераментъ Лунина въ какую-нибудь опредѣленную сферу — науку, политику, искусство. Среда, окружавшая Лунина въ Россіи, могла развить только извѣстныя стороны этой необыкновенно богатой и разносторонней натуры. Въ Парижѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Mr. Michel'я, жилъ въ мансардѣ, исполнялъ разныя порученія англичанъ, тогда во множествѣ посѣщавшихъ Парижъ, занимался даже адвокатурой. Онъ посѣщалъ въ то же время какъ консервативные салоны, такъ и революціонные кружки. Въ этотъ періодъ отъ прежняго индифферентизма въ вопросахъ вѣры, даже отрицанія, онъ перешелъ въ католицизмъ подъ вліяніемъ умныхъ и образованныхъ аббатовъ, которые въ это время вели строгую и примѣрную жизнь. Въ этомъ отношеніи особенно подѣйствовало на него знакомство съ іезуитомъ Гравеномъ, высланномъ изъ Россіи за обращеніе въ католицизмъ кн. Голицыной. Познакомившись съ аббатомъ Тиріа, Лунинъ увлекся магнетизмомъ. Въ Парижѣ онъ началъ писать романъ «Лжедимитрій»; Ипполитъ Ожэ, который хорошо зналъ Лунина въ Петербургѣ, потомъ въ Парижѣ, отнесъ первыя главы писателю Шарлю Брифо, впослѣдствіи академику,

Михаилъ Сергѣевичъ
Лунинъ.

и тотъ пришелъ въ восторгъ: «Вашъ Лунинъ—чародѣй! Мнѣ кажется, и Шатобріанъ не написалъ бы лучше!».

Едва познакомившись съ Лунинымъ, Сенъ-Симонъ очень сожалѣлъ объ его отъѣздѣ въ Россію. Въ Парижѣ, кажется, Лунинъ, окончательно опредѣлилъ и оформилъ свое настроеніе, съ которымъ онъ сталъ смотрѣть на задачу своей жизни; это было именно настроеніе, а не убѣжденія и взгляды, выработанные научнымъ мышленіемъ, серьезнымъ умственнымъ трудомъ. Повидимому, это настроеніе Лунина достаточно вѣрно передаетъ Ипполитъ Ожэ: «Для меня открыта только одна карьера свободы, которая по-испански зовется libertad, а въ ней не имѣютъ смысла титулы, какъ бы громки они ни были. Вы говорите, что у меня большія способности, и хотите, чтобы я ихъ схоронилъ въ какой-нибудь канцеляріи изъ-за тщеславнаго желанія получать чины и звѣзды, которыя французы совершенно вѣрно называютъ crachats. Какъ я буду получать большое жалованье и ничего не дѣлать или дѣлать вздоръ, или еще хуже—дѣлать все на свѣтѣ, и при этомъ надо мною будетъ начальникъ, котораго я буду ублажать съ тѣмъ, чтобы его спихнуть и самому стать на его мѣсто! И вы думаете, что я способенъ на такое жалкое существованіе? Да я задохнусь, и это будетъ справедливымъ возмездіемъ за поруганіе духа... Избытокъ силъ задушитъ меня. Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ нужна свобода мысли, свобода воли, свобода дѣйствій! Вотъ это настоящая жизнь! Прочь обязательная служба! Я не хочу быть въ зависимости отъ своего оффиціальнаго положенія. Я буду приносить пользу людямъ тѣмъ способомъ, какой мнѣ внушаютъ разумъ и сердце. Гражданинъ вселенной—лучше этого титула нѣтъ на свѣтѣ!». Жажда необыкновенныхъ подвиговъ, потребность широкаго, безпредѣльнаго поля для дѣятельности, можно сказать, свойственныя Лунину молодечество и неукротимость дѣлаютъ тѣсной и скучной для него старую

Европу, а тѣмъ болѣе Россію. «Хорошо бы отправиться въ Южную Америку къ взбунтовавшимся молодцамъ!— говоритъ онъ Ожэ. Вы французъ, и, слѣдовательно, поймете, что бунтъ — священнѣйшая обязанность каждаго». Смерть отца возвратила Лунина въ Россію. Онъ снова поступилъ на службу и былъ назначенъ въ Польшу. Дѣйствительная степень участія Лунина въ Сѣверномъ обществѣ едва ли не лучше всего выясняется изъ письма о немъ в. к. Константина Павловича Николаю I: «Не смотря на всѣ наблюденія за Лунинымъ,— пишетъ великій князь—не открылось за нимъ не только того, чтобы онъ заводилъ что-либо вредное, но даже ни малѣйшаго подозрѣнія. Статься могло, что онъ, находясь въ неудовольствіи противъ правительства, могъ что-либо на счетъ онаго говорить, какъ случается это и не съ однимъ нимъ,—даже его императорское величество изволитъ припомнить, что мы сами иногда между собою, сгоряча, не одумавшись, бывали въ подобныхъ случаяхъ не всегда въ рѣчахъ умѣренными, но это еще не означаетъ какого-либо вреднаго намѣренія. Винить его въ томъ, что онъ зналъ о тайномъ обществѣ и не донесъ о томъ правительству, хотя можно, но надобно принять въ соображеніе, что въ оное, какъ теперь открылось, столько входило двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ и др. родственниковъ его, а равно и то, былъ ли бы онъ въ состояніи донести правительству, доказать?» Нѣкоторыя лица, вошедшія въ слѣдственную коммиссію, въ свое время были чувствительно задѣты остроумнымъ и злымъ языкомъ Лунина; во время слѣдствія онъ держался самостоятельно, даже рѣзко и, хорошо зная петербургскій большой свѣтъ того времени, нѣкоторымъ напомнилъ такія обстоятельства ихъ жизни, которыя они сами желали бы забыть; этимъ въ значительной степени объясняется строгость наказанія, къ которому былъ приговоренъ Лунинъ. Находясь въ Варшавѣ, онъ былъ близко отъ границы и,

зная о собравшейся надъ его головою грозѣ, тѣмъ не менѣе не захотѣлъ скрыться за границу, потому что высоко развитое рыцарское чувство глубоко лежало въ его натурѣ, и онъ никогда не проявлялъ ни малѣйшей трусости. Пробывъ нѣкоторое время въ Выборгской крѣпости, Лунинъ былъ отправленъ въ Читу. Какъ чрезмѣрно яркая и рѣзкая индивидуальность, Лунинъ не могъ жить общими интересами и общей жизнью со своими соузниками, хотя и оставался съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ не интересовался общественными дѣлами, не принималъ участія въ артели. Въ Петровскомъ заводѣ онъ занималъ номеръ совершенно темный, гдѣ невозможно было прорубить окно: къ нему была пристроена унтеръ-офицерская караулка. Третья часть его кельи, у задней стѣны, была отдѣлена завѣсой; за нею, надъ подмостками, стояло большое распятіе, освященное папой и присланное изъ Рима. Нѣсколько разъ въ продолженіе дня изъ комнаты Лунина раздавались звуки латинскихъ пѣснопѣній: онъ молился по обряду католической церкви. Онъ задолго до ссылки перешелъ въ католицизмъ и соблюдалъ всѣ католическіе посты и обряды. Но Лунинъ вовсе не былъ ханжой; кто навѣщалъ его, всегда оставался доволенъ его свѣтской бесѣдой и шутками. «На работѣ пріятно было смотрѣть на его красивый станъ, развязную походку, опрятную одежду,»—говоритъ Розенъ. Завалишинъ работалъ съ Лунинымъ по 3 часа въ недѣлю: училъ его греческому языку, а самъ пользовался его совѣтами въ переводѣ трудныхъ мѣстъ на англійскій языкъ съ русскаго и французскаго. Они любили обсуждать разные религіозные и политическіе вопросы. «Онъ,—говоритъ Басаргинъ,—по своему оригинальному характеру, уму, образованію и нѣкоторой опытности, пріобрѣтенной въ высшемъ обществѣ, былъ человѣкъ очень замѣчательный и очень пріятный. Большая часть изъ временщиковъ того времени, Чернышевъ, Орловъ, Бенкендорфъ и др.,

были его товарищами по службѣ. Съ Карамзинымъ, Батюшковымъ и многими другими замѣчательными лицами онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Мы съ любопытствомъ слушали его разсказы о закулисныхъ событіяхъ прошедшаго царствованія и его сужденія о дѣятеляхъ того времени, поставленныхъ на незаслуженные пьедесталы». Въ 1837 г. Лунинъ былъ отпущенъ на поселеніе и въ 1839 г. основался въ Урикѣ, гдѣ сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. 15 сентября 1839 г. онъ пишетъ сестрѣ С. С. Уваровой: «Благодареніе Богу, есть чѣмъ жить! Это первый годъ моего поселенія и, говоря вообще, неурожайный годъ. Моей дѣятельности мѣшаетъ задержка денегъ, запрещеніе ѣздить и опасенія, которыя я внушаю властямъ. Но, съ другой стороны, я избавленъ отъ податей и барщины. Одно вознаграждается другимъ. По правдѣ сказать, главная помѣха — это книжныя занятія. Платонъ и Иродотъ не очень то ладятъ съ плугомъ и бороной. Вмѣсто того, чтобы надсматривать надъ работниками въ полѣ, я забавляюсь смотромъ своихъ книжонокъ. Впрочемъ, много уже совершено въ 18 мѣсяцевъ. Невоздѣланная болотистая земля, покрытая терновникомъ и верескомъ, теперь поднята, обработана, огорожена, превращена въ луга и нивы. У меня есть англійскій садъ для прогулокъ, швейцарская хижина съ пастбищами вокругъ и огородъ, доставляющій годовой запасъ овощей. Сверхъ того, есть и красивый эрмитажъ, гдѣ запоздалый путникъ можетъ найти пристанище, бѣднякъ — кусокъ хлѣба, а разбойники сопротивленіе. Мнѣ остается познакомить васъ съ моими домочадцами — Васильичемъ, его женой и 4 дѣтьми. Бѣдняжкѣ Васильичу 70 лѣтъ, но онъ силенъ, исполненъ веселаго нрава и дѣятеленъ. Его жизнь была такая же бурная, какъ и моя, но только въ другомъ родѣ. Сначала его отдали въ приданное, потомъ заложили въ ломбардъ и банкъ. По выкупѣ изъ обоихъ онъ былъ проигранъ въ щелкушку (bilboquet),

затѣмъ промѣнянъ на борзую собаку и наконецъ проданъ съ аукціона вмѣстѣ съ разной рухлядью на нижегородской ярмаркѣ. Послѣдній баринъ, разсердясь на что-то, погналъ его безъ дальняго суда на поселеніе. Жизнь и дѣятельность Васильича въ продолженіе этихъ измѣненій подернута завѣсой, которую было бы нескромно раскрыть. Прочитавъ гдѣ-то, что причиной моей ссылки было какое-то задуманное преступленіе, которое могло бы исполниться, и намѣреніе издать книги, которыя могли бы быть написаны, онъ слѣдуетъ примѣру моихъ скромныхъ судей и старательно избѣгаетъ разспросовъ объ этомъ предметѣ. Мы совершенно понимаемъ другъ друга, несмотря на нѣкоторое различіе въ привычкахъ и наклонностяхъ». Упомянувъ далѣе о бѣлой лошади и о злыхъ собакахъ, Лунинъ говоритъ: «Мое теперешнее положеніе, съ такими слабыми товарищами, въ мѣстности, наполненной разбойниками, въ сущности то же, въ какомъ находился Алкивіадъ въ своемъ виѳинскомъ изгнаніи. У меня есть предчувствіе, что одинаковый родъ смерти дополнитъ сходство съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ». Въ этомъ письмѣ достаточно обрисовывается и характеръ Лунина, и его языкъ. Письма Лунина съ сужденіями политическаго характера очень интересны, переписывались и ходили въ публикѣ. Несмотря на мольбы сестры, Лунину доставляло какое-то болѣзненное наслажденіе раздражать мѣстныя власти («бѣлаго медвѣдя»). Живя въ Урикѣ, Лунинъ преподавалъ англійскій языкъ дѣтямъ кн. Волконскаго. Лунинъ былъ видный мужчина высокаго роста, очень стройный, хотя и худощавый. Его продолговатое, измѣнчивое лицо украшали глаза неопредѣленнаго цвѣта съ бархатнымъ блескомъ, и въ его мягкомъ взглядѣ была какая-то притягательная сила. Голосъ его былъ нѣсколько рѣзокъ и пронзителенъ. Завалишинъ сообщаетъ, что Лунинъ одно время носилъ эспаньолку, придававшую ему сходство съ

Ванъ-Дейкомъ; въ его лицѣ онъ замѣчаетъ сходство съ герцогомъ Альбой. Въ причудливой, многосторонней натурѣ Лунина Ожэ подмѣтилъ нѣкоторыя характерныя черты, типичныя для бытовыхъ условій времени и для славянской расы, къ которой принадлежалъ Лунинъ. «Условія общественной жизни, какъ она сложилась въ Петербургѣ, пріучили его ко многому относиться съ насмѣшкой и недовѣріемъ, но бывали минуты, когда природныя чувства, вступая въ свои права, всецѣло овладѣвали имъ — и тогда въ немъ и слѣда не оставалось обычной сухости и насмѣшливости». Несмотря на видимый скептицизмъ и кажущуюся положительность, Лунинъ легко обращался въ мечтателя, увлекался силой воображенія и въ такихъ случаяхъ не былъ чуждъ сентиментальности. Лунинъ обладалъ выдающимся музыкальнымъ талантомъ и игралъ на рояли съ замѣчательной силой и бѣглостью, хотя почти совершенно не учился музыкѣ. «Одинъ разъ Штейбельдтъ, разсказывалъ онъ Ожэ, давалъ урокъ музыки моей сестрѣ. Я посмотрѣлъ, послушалъ; когда урокъ былъ конченъ, я все зналъ, что было нужно». Бетховенъ, въ то время немногимъ доступный и понятный, особенно въ Россіи, поразилъ и плѣнилъ Лунина. «Какое неисчерпаемое вдохновеніе, какое удивительное разнообразіе, несмотря на повторенія! Онъ такъ могущественно овладѣваетъ вами, что вы не въ состояніи даже удивляться ему»,—говоритъ Лунинъ о Бетховенѣ. Лунина, очевидно, часто и тревожно посѣщали думы о положеніи крестьянъ, о крѣпостномъ правѣ, которое онъ ненавидѣлъ отъ души. «Если судить по письмамъ Лунина къ брату, говоритъ Булгаковъ, то это самый добродѣтельный человѣкъ. Вездѣ говоритъ, что желаетъ не умноженія доходовъ своихъ, а благосостоянія крестьянъ, всегда видна забота о нихъ». Онъ хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ, но встрѣтилъ внѣшнія препятствія; хотѣлъ дать имъ свободу хотя по завѣщанію, но родственники оспаривали это завѣщаніе. Сохранилось

много разсказовъ, хорошо характеризующихъ личность этого замѣчательнаго человѣка, его умъ, находчивость, колкость, безстрашіе, открывающихъ его міровоззрѣніе и симпатіи. Когда въ Выборгѣ его помѣстили въ очень сырой казематъ, гдѣ со стѣнъ текло, онъ на вопросъ коменданта, не нуждается ли въ чемъ-либо, отвѣчалъ: «въ зонтикѣ». Однажды въ Петровской тюрьмѣ къ нему зашелъ Мухановъ, любившій мѣняться вещами, и спросилъ его о состояніи здоровья и что онъ подѣлываетъ,— Лунинъ отвѣчалъ: «Je viens de prier Dieu pour le salut de mon âme et pour la conservation de mes effets». Находясь съ эскадрономъ подлѣ Варшавы въ одной богатой помѣщичьей усадьбѣ, Лунинъ имѣлъ при себѣ двухъ прирученныхъ медвѣдей, что очень не нравилось хозяйкѣ, и она письмомъ просила Лунина удалить медвѣдей. Лунинъ отвѣчалъ, что если бы ея отецъ не былъ измѣнникомъ своей родинѣ, то она не принуждена была бы видѣть въ своемъ дворцѣ не только четвероногихъ, но и двуногихъ медвѣдей. Не разъ Лунинъ доказывалъ вел. кн. Константину Павловичу, который былъ очень благосклоненъ къ нему, что слишкомъ парадный, картинный видъ, который тотъ старался придать войскамъ, вредитъ самой сущности военнаго дѣла. Между ними состоялось пари на фунтъ конфектъ. Передъ Бельведеромъ былъ выставленъ взводъ уланъ. Цесаревичъ сказалъ: «Принимать команду отъ подполковника Лунина». Всѣ затихли и ждали, что будетъ командовать Лунинъ. Вдругъ раздалась команда: «Долой съ коня!» Но едва только ноги уланъ коснулись земли, раздалась новая команда: «Садись!» Мигомъ все обезобразилось: порвалось все, что было надѣто въ обтяжку, искривилось и съѣхало съ мѣста все, что держалось не простымъ, естественнымъ, а искусственнымъ способомъ и т. п. Цесаревичъ разсмѣялся и обратилъ все въ шутку: «Свой братъ, сказалъ онъ, указывая на Лунина: знаетъ всѣ наши штуки!» Посѣ-

тившему его въ акатуйской тюрьмѣ сенатору Толстому Лунинъ сказалъ: «Permettez-moi de vous faire les honneurs de mon tombeau». Показывая въ своей библіотекѣ въ Урикѣ генер.-губ. Руперту 40 томовъ полнаго собранія законовъ и одну маленькую книжку французскаго права (Code Napoléon), Лунинъ замѣтилъ: «Какъ смѣшны эти французы: всѣ свои права имѣютъ въ такой маленькой книжкѣ! Кто только посмотритъ на эти 40 томовъ, сейчасъ же предпочтетъ наше законодательство». Дуэлей Лунинъ, конечно, не страшился, но держалъ себя такъ, что противники бросались обнимать его. Чтобы заслужить симпатію дамы, онъ готовъ былъ на всякую опасность. Такъ, однажды въ Одессѣ молодая дама, которой онъ обѣщалъ безусловное послушаніе, приказала ему прыгнуть съ балкона, не думая, что онъ на самомъ дѣлѣ исполнитъ это. Лунинъ безъ колебанія спрыгнулъ съ балкона 3-го этажа. Недолго Лунинъ спокойно прожилъ въ Урикѣ. Его письма, ходившія въ Россіи по рукамъ, обратили на него вниманіе правительства, а когда обнаружилось, что онъ написалъ «Разборъ донесенія слѣдственной коммиссіи» для напечатанія за границей, онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Акатуй. За годъ до смерти онъ очень измѣнился—сталъ молчаливъ, скученъ, началъ вести еще болѣе суровую жизнь. 8 декабря 1845 г. онъ скончался скоропостижно во время послѣобѣденнаго сна. Вскрывавшій его лѣкарь Орловъ, за неимѣніемъ нужнаго инструмента, топоромъ разрубилъ ему голову... Ксендзъ Тибурцій Павловскій, его духовникъ, и польскіе изгнанники въ Акатуѣ проводили до мѣста послѣдняго успокоенія прахъ этого блестящаго, оригинальнаго человѣка, скорбная тѣнь котораго ожидаетъ еще достойной ея біографіи. По словамъ Завалишина, Лунинъ оставилъ свои «Записки».

Люблинскій Ю. К.

Юліанъ Казиміровичъ Люблинскій, изъ дворянъ Волынской губ., Новгородъ-Волынскаго уѣзда, родился въ 1799 г. Въ дѣтствѣ онъ учился въ межирѣчской школѣ у ксендзовъ-піаровъ, но по слабости здоровья не окончилъ тамъ курса и вернулся домой въ 1809 г., 11 лѣтъ отъ рода. Люблинскій былъ причисленъ къ VI разряду, но осужденъ только на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ за то, что «зналъ умыселъ цареубійства, но безъ согласія и противорѣчія. Участвовалъ съ Борисовымъ въ учрежденіи Славянскаго тайнаго общества, съ составленіемъ и переводомъ плановъ. По соединеніи Славянскаго общества съ Южнымъ, былъ изъ онаго исключенъ и не согласился на предложеніе вступить въ польское». Люблинскій не былъ человѣкомъ дѣйствія, и общественно-политическіе вопросы интересовали его больше со стороны ихъ теоретической сущности, чѣмъ въ практическомъ разрѣшеніи. Онъ съ дѣтства получилъ охоту къ умственнымъ занятіямъ, самъ, безъ помощи руководителей, изучилъ русскій, латинскій, французскій, отчасти итальянскій и нѣмецкій языки. Онъ посвящалъ свое время чтенію ученыхъ книгъ, въ особенности увлекаясь политическими сочиненіями, изъ которыхъ труды Беккаріа и Филанджіери, по его собственнымъ словамъ, способствовали развитію въ немъ человѣколюбія. По окончаніи каторжныхъ работъ Люб-

линскій жилъ въ Иркутскомъ округѣ, гдѣ и женился на мѣстной уроженкѣ, отъ которой имѣлъ сына Павла и дочь Христину. Люблинскій скончался въ 1856 г., не успѣвъ воспользоваться амнистіей. По словамъ Герцена, онъ оставилъ «Записки», но неизвѣстно, какая судьба постигла ихъ.

Юліанъ Казиміровичъ
Люблинскій.

Мазалевскiй А. И.

Александръ Ивановичъ Мазалевскiй, подпоручикъ черниговскаго полка, былъ подвергнутъ военному суду при главной квартирѣ 1-й армiи въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Результаты этого разслѣдованiя были препровождены въ аудиторiатскiй департаментъ, который и представилъ по этому дѣлу всеподданнѣйшiй докладъ, конфирмованный 12 iюля 1826 г. Мазалевскiй, по лишенiи чиновъ, и переломленiи шпаги надъ головой передъ полкомъ, былъ поставленъ въ г. Васильковѣ подъ висѣлицу и потомъ отправленъ въ вѣчную каторжную работу. Этимъ наказанiемъ ему была замѣнена смертная казнь. Мазалевскiй, членъ общества Соединенныхъ Славянъ, сталъ на сторону Сергѣя Муравьева-Апостола и былъ арестованъ въ столкновенiи при деревнѣ Трилѣсы. Отъ Кiева до Москвы Мазалевскiй шелъ по этому въ такихъ же условiяхъ, какъ и Быстрицкiй. 1 января 1827 г., оставивъ больного Быстрицкаго, Мазалевскiй, вмѣстѣ съ бар. Соловьевымъ и Сухиновымъ, двинулись изъ Москвы въ кандалахъ; все время они страдали отъ жестокихъ морозовъ, вьюгъ и мятелей. Въ Сибири Мазалевскому и его товарищамъ стало нѣсколько легче, такъ какъ этапы тамъ были болѣе удобны для отдыха. Встрѣча съ Нарышкинымъ облегчила имъ путь: онъ далъ имъ 300 р. Въ Читу Мазалевскiй прибылъ 12 февраля 1828 г. Трубецкая, Волконская и другiя дамы въ Читѣ приняли въ нихъ горячее участiе. 16 февраля Мазалевскiй и его товарищи

отправились въ Нерчинскъ. Все ихъ путешествіе продолжалось 1 годъ 6 мѣсяцевъ и 11 дней. Здѣсь Сухиновъ организовалъ заговоръ съ цѣлью освобожденія и бѣгства, къ которому онъ привлекъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ солдатъ и жителей. Мазалевскій не принималъ никакого участія въ этомъ заговорѣ. Когда заговоръ былъ открытъ, Сухиновъ повѣсился, всѣ прочіе участники наказаны, а Мазалевскій на нѣкоторое время отправленъ въ Акатуй, но черезъ 2 мѣсяца переведенъ въ Читу (въ началѣ февраля 1830 г.). Мазалевскій скончался въ 1866 г.

Александръ Ивановичъ
Мазалевскій.

Митьковъ М. Ф.

Михаилъ Фотьевичъ Митьковъ, полковникъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, родился въ 1790 г., кажется, въ Тимскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, гдѣ у него были зажиточные родственники. Митьковъ получилъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, принадлежалъ къ Сѣверному обществу и былъ членомъ петербургской думы о-ва. Онъ «участвовалъ въ умыслѣ цареубійства съ согласіемъ и принадлежалъ къ тайному о-ву со знаніемъ сокровенной цѣли», за что былъ причисленъ къ II разряду и осужденъ (по смягченію) на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ. До отправки въ Читу Митьковъ нѣкоторое время содержался въ Выборгѣ. Митьковъ скончался 23 октября 1849 г. въ Красноярскѣ, Енис. губ. Онъ отличался строгостью своихъ принциповъ, большой честностью, рѣшительностью и личной храбростью, и былъ членомъ масонской ложи «Соединенныхъ друзей». Баронъ Розенъ говоритъ, что Митьковъ въ Петропавловской крѣпости «получилъ изъ дома узелъ съ бѣльемъ и съ англійскимъ фланелевымъ одѣяломъ и спросилъ, всѣ ли товарищи получаютъ отъ родственниковъ книги, вещи, табакъ. Выслушавъ отрицательный отвѣтъ, онъ снова завязалъ узелъ и просилъ возвратить его, сказавъ, что онъ можетъ обойтись безъ этихъ вещей. Здоровье его было вообще разстроено. Этотъ поступокъ его въ крѣпостныхъ стѣнахъ согласовался съ его характеромъ, съ его правилами. Я помню, когда и прежде на пара-

дахъ и маневрахъ онъ командовалъ нашимъ батальономъ, и во время отдыха или привала приносили барону Саргеру большія корзины съ завтракомъ, то Митьковъ каждый разъ отказывался отъ угощенья, прося его извинить по нездоровью, но въ дѣйствительности причина заключалась въ томъ, что онъ не могъ раздѣлить эту закуску съ цѣлымъ батальономъ». Въ 1840 г. Митьковъ жилъ въ Красноярскѣ совершеннымъ философомъ, какъ передаетъ бар. Розенъ. «Онъ имѣлъ хорошенькую небольшую квартиру, которую содержалъ въ самой педантической чистотѣ. Тамъ буквально нельзя было найти ни одной пылинки. Меблирована она была съ большимъ вкусомъ и комфортомъ. У него была большая библіотека. Чтеніе было его страстью, а другою страстью, какъ и у меня, была вѣрность часовъ, которые онъ самъ повѣрялъ ежедневно по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ».

Мозганъ П. Д.

Павелъ Дмитріевичъ Мозганъ, подпоручикъ пензенскаго пѣхотнаго полка, родился въ 1800 г. Мозганъ принадлежалъ къ южно-русской греческой фамиліи и окончилъ курсъ въ ѳеодосійскомъ уѣздномъ училищѣ. Онъ былъ обвиненъ «въ знаніи умысла о цареубійствѣ, принятіи въ общество Соединенныхъ славянъ одного члена, возбужденіи нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется». Мозганъ былъ причисленъ къ IV разряду и осужденъ на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ и 12 лѣтъ поселенія. Въ Читинскомъ и Петровскомъ острогахъ онъ считался лучшимъ портнымъ. Уволенный на поселеніе, Мозганъ остался было въ Петровскомъ заводѣ вмѣстѣ съ Горбачевскимъ, но потомъ перевелся рядовымъ на Кавказъ, гдѣ и скончался въ 1843 г.

Муравьевъ-Апостолъ М. И.

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, отставной подполковникъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «имѣлъ умыселъ на цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества и зналъ умыслы Южнаго во всемъ ихъ пространствѣ; дѣйствовалъ въ мятежѣ и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ». Муравьевъ родился въ Петербургѣ 25 апрѣля 1793 г. Онъ провелъ дѣтство въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и его братъ Сергѣй. Во время пребыванія въ Гамбургѣ его отца, русскаго министра-резидента, въ домѣ Муравьевыхъ бывало много французскихъ эмигрантовъ, которые возбудили въ мальчикѣ интересъ къ политическимъ вопросамъ и повліяли на него въ роялистскомъ духѣ. Во время пребыванія отца и матери въ Мадридѣ, гдѣ отецъ, Иванъ Матвѣевичъ, былъ посланникомъ, М. И. съ братомъ учились въ Парижѣ и вернулись въ Россію лишь въ 1802 г. Поступивъ въ корпусъ министерства путей сообщенія, Муравьевъ не окончилъ тамъ курса и въ 1812 г. былъ опредѣленъ подпрапорщикомъ въ семеновскій полкъ. За участіе въ Бородинской битвѣ Муравьевъ былъ произведенъ въ прапорщики и получилъ знакъ военнаго ордена. Онъ принималъ участіе въ компаніи 1813—1814 г., подъ Кульмомъ былъ раненъ въ правое бедро на вылетъ и въ 1814 г. вернулся въ Россію. Война 1812 г. и заграничные походы оказали огромное вліяніе на убѣжденія Мура-

Матвѣй Ивановичъ
Муравьевъ-Апостолъ.

вьева-Апостола, необыкновенно расширили его умственный кругозоръ и направили его вниманіе въ сторону общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Событія 1812—1814 г.г. больше всего отразились на главномъ ихъ участникѣ—войскѣ, говоритъ біографъ Муравьева-Апостола г. Якушкинъ, и особенно на гвардейскихъ полкахъ и преимущественно на семеновскомъ, въ которомъ служилъ Муравьевъ-Апостолъ. Стремленіе устранить внутреннія бѣдствія, овладѣвшее тогда передовой военной молодежью послѣ одержанныхъ блестящихъ побѣдъ надъ внѣшнимъ врагомъ, захватило, конечно, и Муравьева, который, вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ, былъ однимъ изъ основателей «Союза благоденствія» въ 1817 г., а также и членомъ масонской ложи «Трехъ добродѣтелей». Такъ называемая семеновская исторія, происшедшая исключительно отъ нелѣпыхъ строгостей и притѣсненій новаго командира полка, Шварца, отразилась и на Муравьевѣ, и онъ вышелъ въ отставку. Декабрьская катастрофа захватила Матвѣя Ивановича на югѣ, когда онъ гостилъ у брата Сергѣя. Онъ умѣряющимъ образомъ дѣйствовалъ на брата, такъ какъ по крайней мягкости своего характера питалъ отвращеніе къ кровопролитію и рѣшительнымъ дѣйствіямъ и не вѣрилъ въ успѣхъ предпріятія. Въ частыя у него тогда минуты душевнаго разлада ему приходила даже мысль о самоубійствѣ. Отнесенный къ I разряду и приговоренный къ отсѣченію головы, М. И., какъ и всѣ прочіе 31 человѣкъ этого разряда, былъ осужденъ на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ въ окончательномъ приговорѣ. Но когда изъ переписки его съ братомъ Сергѣемъ обнаружилось, что онъ все время энергично отклонялъ его отъ рѣшительныхъ дѣйствій и крайнихъ плановъ, М. И. былъ сосланъ на вѣчное поселеніе въ Вилюйскъ, Якутской области. Первое время, впрочемъ, онъ былъ заключенъ въ Роченсальмѣ, въ фортѣ «Слава», вмѣстѣ съ Тютчевымъ,

А. Бестужевымъ, Якушкинымъ и Арбузовымъ. Здѣсь всѣ они находились въ темныхъ, сырыхъ казематахъ, питались гнилой ветчиной, не всегда выпеченнымъ хлѣбомъ и часто пили воду съ примѣсью соленой морской, попадавшей въ единственный колодезь. Какая память сохранилась о немъ у бывшихъ семеновцевъ, показываетъ, между прочимъ, фактъ, переданный Бѣляевымъ: при входѣ его въ иркутскую тюрьму его вдругъ обнялъ и поцѣловалъ часовой—бывшій его подчиненный изъ расформированнаго семеновскаго полка. Зимой, въ трескучіе морозы, пришлось М. И. ѣхать изъ Якутска въ Вилейскъ, и только благодаря теплой мѣховой одеждѣ и англійскому сѣдлу, даннымъ ему якутскимъ областнымъ начальникомъ, могъ онъ совершить этотъ трудный путь въ 700 вер. Вилюйскъ въ то время имѣлъ такой видъ: деревянная церковь, кругомъ нея въ безпорядкѣ и на большомъ разстояніи другъ отъ друга разбросаны были якутскія юрты и всего 4 небольшихъ деревянныхъ домика. М. И. поселился въ юртѣ съ ледяными окнами. «Не нуждаясь въ собесѣдникахъ, говоритъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», записанныхъ Бѣляевымъ, я легко свыкся съ одинокой жизнью въ своей юртѣ». Каждый день онъ гулялъ, не смотря ни на какую погоду. Лѣто, котораго онъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, обмануло его ожиданія: въ комарахъ и мошкахъ онъ встрѣтилъ египетскую казнь и не только не могъ купаться, какъ мечталъ было зимой, но и въ юртѣ могъ оставаться только при постоянномъ дымокурѣ изъ навоза. Хотя рыбы и дичи было много, но полное отсутствіе овощей угнетало его: ему удалось развести одинъ только картофель. Желая быть полезнымъ и въ Вилюйскѣ, онъ началъ обучать грамотѣ мѣстныхъ дѣтей, и у него было 2 ученика.

Ты взора не сводилъ съ звѣзды своей вожатой
И средь пустынь нагихъ, презрѣвши бури стонъ,

Артамонъ Захаровичъ
Муравьевъ.

Любви и истины искалъ святой законъ
И въ міръ гармоніи парилъ мечтой крылатой,

писалъ ему А. Бестужевъ въ іюлѣ 1829 г. въ Витимѣ. По ходатайству сестры, Софьи Ивановны Бибиковой, М. И. былъ переведенъ въ Бухтарминскую крѣпость, куда и прибылъ 5 сентября 1829 г. Получивъ отъ сестры 2000 р., онъ купилъ себѣ домъ, завелъ мельницу и пасѣку. Въ Бухтарминскѣ Муравьевъ испыталъ много непріятностей какъ по неопредѣленности и шаткости правилъ о надзорѣ за нимъ, такъ и отъ ложныхъ доносовъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ чиновниковъ, мстившихъ ему за нежеланіе съ ними познакомиться, какъ съ людьми недостойными. Въ 1832 г. онъ женился на Марьѣ Константиновнѣ Константиновой, сиротѣ-дочери священника, воспитывавшейся у жены чиновника мѣстной таможни г-жи Брандтъ. Какъ и въ Вилюйскѣ, въ Бухтарминскѣ онъ велъ все время метеорологическія наблюденія, которыя сохранились въ его бумагахъ. 1 октября 1836 г. Муравьевъ, безъ какого либо особаго съ своей стороны ходатайства, былъ переведенъ въ Ялуторовскъ, хотя и предпочиталъ Курганъ. Поселясь въ Ялуторовскѣ, Муравьевы пріобрѣли небольшой деревянный домъ и вели скромную семейную жизнь, занимаясь хозяйствомъ на отведенномъ участкѣ въ 15 десятинъ. Не имѣя дѣтей, Муравьевы взяли на воспитаніе двухъ дѣвочекъ-сиротъ и отечески заботились объ ихъ образованіи и воспитаніи. Какъ и въ Бухтарминскѣ, М. И. подавалъ медицинскую помощь мѣстнымъ бѣднякамъ. Гостепріимный домъ Муравьевыхъ былъ все время любимымъ мѣстомъ объединенія дружной семьи ялуторовскихъ декабристовъ. Впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о своей 20-лѣтней тихой и пріятной жизни въ Ялуторовскѣ. Поселившись въ Москвѣ въ 1860 г. послѣ амнистіи 1856 г., (до того жилъ въ Твери) Муравьевъ любилъ воспоминать вообще о Сибири,

называлъ ее не иначе, какъ «наша Сибирь», поддерживалъ съ нею связи, былъ знакомъ съ многими московскими сибиряками. Живя въ Сибири, Муравьевъ, какъ и почти всѣ декабристы, не отсталъ отъ жизни, не оказался ей чуждымъ, отжившимъ, но явился оттуда величиной оригинальной, полезной и живой. Сохранивъ до кончины поразительную душевную и тѣлесную свѣжесть, онъ много читалъ, особенно сочиненія по новой русской исторіи, слѣдилъ за текущими общественными вопросами по новымъ появляющимся книгамъ, журналамъ и газетамъ. Его замѣчательная память хранила въ себѣ все прошлое, видѣнное и пережитое имъ. Идеаломъ своей молодости онъ остался навсегда вѣренъ. Живя въ Москвѣ, онъ имѣлъ 15,000 р. дохода и позволялъ себѣ не только личный комфортъ, но и оказывалъ помощь нуждающимся, особенно стремившимся къ образованію молодымъ людямъ. Онъ былъ большимъ любителемъ музыки, много гулялъ пѣшкомъ. Только подъ конецъ жизни онъ сталъ плохо ходить, видѣть и слышать. Въ 1883 г., по случаю 200-лѣтія семеновскаго полка, ему былъ возвращенъ бородинскій крестъ. Окруженный всеобщимъ уваженіемъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ скончался 21 февраля 1886 г. въ 5 ч. утра и похороненъ рядомъ съ матерью въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Муравьевъ-Апостолъ С. И.

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, подполковникъ черниговскаго пѣхотнаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «имѣлъ умыселъ на цареубійство, изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе императорской фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы государя императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностью пролитія крови; возбуждалъ солдатъ, освобождалъ колодниковъ, подкупалъ даже священника къ чтенію передъ рядами бунтующихъ лжекатехизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ». Муравьевъ-Апостолъ поставленъ былъ внѣ разряда и осужденъ на смертную казнь четвертованіемъ, что замѣнено было повѣшеніемъ. С. И. Муравьевъ-Апостолъ родился въ октябрѣ 1796 г. въ Петербургѣ. Его отецъ, Иванъ Матвѣевичъ, москвичъ по рожденію, получилъ образованіе въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ того времени и поступилъ на службу въ измайловскій полкъ. Красивый, образованный, обладавшій об-

ширными познаніями въ классическихъ языкахъ и литературахъ, Муравьевъ-Апостолъ переводомъ одной комедіи въ 1792 г. обратилъ на себя вниманіе Екатерины II и былъ назначенъ придворнымъ кавалеромъ къ Александру и Константину Павловичамъ. Вскорѣ онъ женился на Аннѣ Семеновнѣ Черноевичъ, дочери сербскаго выходца, и при Павлѣ I былъ назначенъ министромъ-резидентомъ въ Гамбургъ, а послѣ былъ посланникомъ въ Мадридѣ, откуда былъ отозванъ въ 1805 г.: тогда въ Россіи преобладало примирительное теченіе по отношенію къ Франціи, и русскій посланникъ въ Мадридѣ долженъ былъ показывать особенное расположеніе къ Наполеону. Муравьевъ-Апостолъ поселился въ своемъ имѣніи Хомутецъ, въ Полтавской губ., перевелъ тамъ «Облака» Аристофана и написалъ изслѣдованіе о древностяхъ Тавриды. Дѣтство свое С. Муравьевъ-Апостолъ провелъ сначала въ Гамбургѣ, а потомъ въ Парижѣ въ пансіонѣ Hix'а, гдѣ учился блистательно. Его латинскіе стихи обратили на него вниманіе всего училищнаго совѣта. Весь пансіонъ, въ которомъ было до 600 воспитанниковъ, очень любилъ Муравьева. Подъѣзжая къ Россіи, дѣти очень обрадовались, увидѣвъ на границѣ русскаго казака. Мать сказала имъ: «Я очень рада, что долгое пребываніе за границей не охладило вашихъ чувствъ къ родинѣ; но готовьтесь, дѣти,—я вамъ должна сообщить ужасную вещь—вы найдете то, чего и не знаете: въ Россіи вы найдете крестьянъ-рабовъ!» Въ 1809 г. Муравьевъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія и въ 1811 г. выпущенъ оттуда прапорщикомъ. Въ этомъ институтѣ все носило тогда французскій отпечатокъ. Въ 1812 г. Муравьевъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, участвовалъ въ кампаніи 1813 г., получилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. и золотую шпагу за храбрость. Тогда онъ на время хотѣлъ оставить военную службу и учиться за границей, но отецъ былъ противъ этого желанія. Муравьевъ, такимъ обра-

Сергѣй Ивановичъ
Муравьевъ-Апостолъ.

зомъ, долженъ былъ принять участіе и въ кампаніи 1814 г. Въ 1815 г. онъ поступилъ въ семеновскій полкъ. Послѣ расформированія семеновскаго полка Муравьевъ былъ отправленъ на службу на югъ, въ видѣ наказанія. Онъ оказался какъ бы закрѣпощеннымъ на службѣ: какъ бывшаго семеновца, его дважды обошли повышеніемъ въ полковые командиры, несмотря на представленія его ближайшаго начальства, не давали ему отпуска, не позволяли выйти въ отставку. При такомъ настроеніи онъ охотно вошелъ въ Южное общество и, вмѣстѣ съ Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ начальникомъ Васильковской управы общества. Какъ человѣкъ, Муравьевъ былъ необыкновенно привлекателенъ: отличался любезностью, кротостью, имѣлъ высокій, благородный характеръ, чуждался всякой жестокости. Обстоятельства, можно сказать, помимо его воли поставили его во главѣ движенія на югѣ. Рѣшительныя дѣйствія 4 офицеровъ, освободившихъ его, когда онъ былъ арестованъ жандармскимъ полковникомъ Гебелемъ,—заставили Муравьева по необходимости принять команду. Насильственное начало, ужасная сцена съ Гебелемъ сильно поразили душу Муравьева; во все время похода, предпринятаго съ 970 солдатами и 5 офицерами, онъ былъ задумчивъ и мраченъ, дѣйствовалъ безъ обдуманнаго плана. Отсюда произошла вообще медленность и неопредѣленность дѣйствій Муравьева въ этомъ дѣлѣ: отсутствіе предосторожностей, незанятіе важныхъ пунктовъ, медленность въ передвиженіи. Во время подготовки къ походу въ Васильковѣ съ 30 — 31 декабря, когда всѣ офицеры были заняты приготовленіями, Муравьевъ сидѣлъ и что-то писалъ всю ночь. Онъ какъ бы вовсе вообще не приготовлялся къ возстанію и не думалъ о немъ. Въ послѣднемъ письмѣ къ отцу, написанномъ на изящномъ французскомъ языкѣ, Муравьевъ проситъ простить его, поручаетъ его заботамъ своихъ воспитанниковъ, высказываетъ любовь и уваженіе самаго нѣжнаго

сына. Въ послѣднемъ письмѣ къ брату, Матвѣю Ивановичу, онъ раскрываетъ свои христіанскія чувства, которыя помогли ему примириться съ судьбой, и всячески убѣждаетъ не питать мысли о самоубійствѣ. О какомъ-либо раскаяніи по поводу своего участія въ послѣднихъ событіяхъ онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ. Въ послѣдніе часы жизни Муравьевъ-Апостолъ проявилъ глубокое спокойствіе духа. «Съ отеческимъ чувствомъ онъ наставлялъ въ ночь передъ казнью, говоритъ его біографъ, юнаго Бестужева-Рюмина, говорилъ о Христѣ, о безсмертіи души. Ночь была свѣтлая, іюльская. Твердость духа его доходила до поразительной стойкости. Андреевъ, сидя рядомъ съ нимъ въ куртинѣ, сказалъ ему: «Пропойте мнѣ пѣсню: я слышалъ, что вы превосходно поете». Муравьевъ ему спѣлъ. «Вашъ приговоръ?» спросилъ Андреевъ. «Повѣсить!» отвѣтилъ тотъ спокойно. «Извините, что я васъ побезпокоилъ»... «Сдѣлайте одолженіе! Очень радъ, что могъ доставить вамъ это удовольствіе». По уходѣ протоіерея Мысловскаго Муравьевъ еще утѣшалъ Бестужева-Рюмина, читалъ ему Новый Завѣтъ и мѣста изъ пророковъ. Идя съ Бестужевымъ на мѣсто казни, Муравьевъ сказалъ протоіерею, что онъ очень жалѣетъ, что на долю его пришлось вести ихъ, какъ разбойниковъ... Протоіерей отвѣчалъ словами Христа... С. И. Муравьевъ-Апостолъ скончался 13 іюля 1826 г. въ 5 ч. утра.

Je passerai sur cette terre
Toujours rêveur et solitaire
Sans que personne m'aie connu.
Ce n'est qu'au bout de ma carrière,
Que par un grand trait de lumière
On verra ce qu'on a perdu...

еще задолго раньше сказалъ онъ о себѣ почти пророчески.

Муравьевъ А. З.

Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, полковникъ ахтырскаго гусарскаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство съ собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго, участвовалъ въ умыслѣ произвесть бунтъ, привлекалъ въ тайное общество другихъ и приготовлялъ товарищей къ мятежу». Онъ принадлежалъ къ Южному обществу, былъ отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы. Приговоръ этотъ былъ затѣмъ замѣненъ вѣчной каторжной работой. Муравьевъ родился въ 1794 г. и первоначальное образованіе и воспитаніе получилъ дома. 17 лѣтъ онъ поступилъ въ московскій университетъ, жилъ у инспектора, проф. Рейнгардта, а также слушалъ лекціи у дяди своего ген.-майора Н. Муравьева. Добрый, благородный, впечатлительный и экспансивный, Муравьевъ въ то время не отличался рѣшительностью, твердостью и послѣдовательностью между словами и поступками и, кромѣ того, былъ нѣсколько тщеславенъ. Большой сибаритъ и гастрономъ, рано начавшій тучнѣть, Муравьевъ не былъ способенъ къ быстрымъ, рѣшительнымъ дѣйствіямъ и на самомъ дѣлѣ, по своей натурѣ, былъ склоненъ вращаться лишь въ сферѣ благихъ мечтаній и высокихъ словъ. Онъ по ошибкѣ, лишь по традиціи того круга, къ которому принадлежалъ, — избралъ для себя военную карьеру: въ иномъ случаѣ изъ него выработался бы выдающійся врачъ. Находясь въ отпуску за границей, онъ въ уни-

верситетахъ съ жадностью слушалъ лекціи по медицинскимъ наукамъ и посѣщалъ клиники; въ заключеніи онъ постоянно помогалъ Вольфу при составленіи лѣкарствъ и при хирургическихъ операціяхъ; на поселеніи онъ помогалъ больнымъ, пока не имѣлъ несчастія переломить себѣ руку. Его мягкій, нерѣшительный характеръ обнаруживается въ его поведеніи въ тѣ моменты, когда Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ: онъ отказался поднять ахтырскій полкъ, сжегъ записки Муравьева, которыя долженъ былъ переслать въ другія части, отказался дать лошадей Горбачевскому и Бестужеву-Рюмину для дальнѣйшаго слѣдованія. «Я сейчасъ ѣду въ Петербургъ,—говорилъ онъ съ жаромъ на упреки нѣкоторыхъ изъ единомышленниковъ,—къ государю, разскажу ему все подробно объ обществѣ, представлю, съ какою цѣлью оно было составлено, что намѣревалось сдѣлать и чего желало. Я увѣренъ, что государь, узнавъ наши добрыя и патріотическія намѣренія, оставитъ насъ всѣхъ при своихъ мѣстахъ, и, вѣрю, найдутся люди, окружающіе его, которые примутъ нашу сторону». «Муравьевъ былъ,—говоритъ кн. Оболенскій въ своихъ запискахъ, — не великъ ростомъ, но довольно тученъ, съ глазами живыми и выразительными; въ саркастической его улыбкѣ замѣтно было направленіе его ума, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое добродушіе, которое невольно располагало къ нему тѣхъ, кто близко съ нимъ знакомъ». Въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ лучшій токарь среди заключенныхъ. Отказъ жены, Вѣры Алексѣевны, слѣдовать за нимъ въ Сибирь чрезвычайно огорчилъ Муравьева. Но съ теченіемъ времени его душевныя раны затянулись, и въ началѣ 40-хъ годовъ, по словамъ Бѣлоголоваго, «это былъ чрезвычайно тучный и необыкновенно веселый и добродушный человѣкъ, смѣющіеся глазки его такъ и прыгали, а раскатистый, заразительный хохотъ постоянно наполнялъ его

небольшой домикъ». Онъ жилъ тогда въ Малой Разводной и часто посѣщалъ домъ своего сосѣда, Юшневскаго, у котораго жилъ на воспитаніи Бѣлоголовый. «Онъ былъ всегда веселъ, всегда хохоталъ, и его приходъ составлялъ для насъ праздникъ; онъ, бывало, расшевелитъ даже сдержаннаго Юшневскаго, перебудоражитъ всѣхъ въ нашемъ тихомъ домикѣ, а намъ, дѣтямъ, наскажетъ съ три короба разныхъ смѣшныхъ анекдотовъ изъ разряда «не любо — не слушай...». «Его всѣ любили за беззавѣтную и дѣятельную доброту: онъ не только платонически сочувствовалъ всякой чужой бѣдѣ, но дѣлалъ все возможное, чтобы помочь ей; въ нашей деревушкѣ онъ скоро сдѣлался общимъ благодѣтелемъ, потому что, претендуя на знаніе медицины, онъ разыскивалъ самъ больныхъ мужиковъ и лѣчилъ ихъ, помогалъ имъ не только лѣкарствами, но и пищею и деньгами — всѣмъ, чѣмъ только могъ. Между прочимъ, онъ изучилъ и зубоврачебное искусство и мастерски рвалъ зубы. И замѣчательно, его необычайная тучность не дѣлала его ни апатичнымъ, ни неподвижнымъ, хотя при его хлопотливости причиняла ему не мало бѣдъ: такъ, на моей памяти, онъ при паденіи изъ экипажа сломалъ себѣ ногу, а другой разъ — руку». Онъ и скончался отъ перелома руки: у него сдѣлалась гангрена. Изъ Малой Разводной Муравьевъ переѣхалъ въ Большую Разводную, а потомъ въ Урикъ, въ 9 верстахъ отъ Иркутска, гдѣ и скончался 4 октября 1864 г. въ 9 ч. вечера. Въ 12 ч. дня онъ потребовалъ къ себѣ священника и послѣ исповѣди и причастія съ спокойнымъ духомъ ожидалъ кончины. Послѣднимъ его движеніемъ было крестное знаменіе.

Муравьевъ А. М.

Александръ Михайловичъ Муравьевъ, корнетъ кавалергардскаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей». Онъ былъ отнесенъ къ IV разряду и приговоренъ къ 15-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ и затѣмъ вѣчному поселенію. Муравьевъ родился 19 марта 1802 г. и былъ сыномъ извѣстнаго попечителя московскаго учебнаго округа Муравьева. Образованіе онъ получилъ дома, подъ надзоромъ швейцарца Бидо, и бралъ уроки у профессоровъ Гедике, Раупаха и Германа. Уже 26 авг. 1826 г. срокъ каторжныхъ работъ Муравьеву былъ сокращенъ до 8 лѣтъ. Въ 1834 г., по окончаніи этого срока, Муравьевъ просилъ оставить его въ тѣхъ работахъ до срока, назначеннаго его брату Никитѣ Михайловичу. Когда Н. М. въ 1836 г. былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ, то Муравьевы поселились въ селеніи Урикѣ, близъ Иркутска. По смерти брата въ 1845 г. А. М. былъ переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ принятъ на службу писцомъ 4-го разряда въ канцелярію тобольскаго общаго губернскаго правленія, безъ содержанія. Въ восточной Сибири Муравьевъ женился на Жозефинѣ Адамовнѣ Брашманъ, отъ которой имѣлъ 4 дочерей и сына. Мать Муравьева, Екатерина Ѳеодоровна, располагавшая большими средствами, постоянно присылала сыну значительныя суммы денегъ. Муравьевы, вскорѣ по пріѣздѣ въ Тобольскъ,

Александръ Михайловичъ
Муравьевъ.

пріобрѣли обширный домъ, считавшійся въ то время однимъ изъ лучшихъ въ Тобольскѣ. Благодаря радушію и гостепріимству А. М., домъ Муравьевыхъ былъ мѣстомъ объединенія не только для тобольской колоніи декабристовъ, но и для всего тобольскаго общества. Тѣ изъ тобольскихъ декабристовъ, которые нуждались въ средствахъ имѣли въ Муравьевыхъ истинныхъ друзей, всегда готовыхъ помочь ихъ печальному положенію. Бѣдное населеніе Тобольска въ лицѣ Муравьевыхъ нашло благотворителей, особенно послѣ холеры 1848 г., осиротившей многія недостаточныя семьи. Въ домѣ Муравьевыхъ часто устраивались танцовальные вечера, сначала дѣтскіе, а потомъ, когда дѣти подросли, большіе балы и маскарады, на которые приглашались и мѣстные чиновники, начиная съ губернатора. Лѣтомъ Муравьевы жили въ каменномъ домѣ при Ивановскомъ монастырѣ. Высшая тобольская администрація старалась привлечь А. М. къ такимъ дѣламъ, гдѣ бы онъ могъ быть полезенъ по своему образованію и развитію: въ 1846 г. онъ былъ кандидатомъ отъ дворянъ и разночинцевъ въ депутатской оцѣночной комиссіи, а въ 1847 г. былъ прикомандированъ для письмоводства въ комитетъ, учрежденный для предварительнаго разсмотрѣнія проекта законоположенія о бродягахъ и кочевыхъ инородцахъ. Въ 1849 г. Муравьевъ былъ повышенъ въ 3-й разрядъ канцелярскихъ служителей, а въ 1852 г. получилъ чинъ коллежскаго регистратора. Суровый тобольскій климатъ вредно отражался на здоровьи Муравьевыхъ. Съ 1849 г. жена Муравьева начала хлопотать о разрѣшеніи ей съ мужемъ отправиться на лѣченіе на Сергіинскія минеральныя воды. Хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, какъ и просьба въ 1851 г. отправиться въ Крымъ. Послѣ неоднократныхъ ходатайствъ Муравьеву разрѣшено было ѣхать въ Кокчетавскій округъ Акмолинской области на два лѣтнихъ мѣсяца, но болѣзнь его усилилась уже настолько, что онъ не могъ пред-

принять длиннаго путешествія. Тогда родственники начали хлопотать о переводѣ его въ Россію, и 19 ноября 1853 г. состоялось разрѣшеніе Муравьеву поступить на службу въ Кіевѣ или въ Симферополѣ. Но было уже поздно: 24 ноября А. М. Муравьевъ скончался. Онъ похороненъ на городскомъ «Завальномъ» кладбищѣ подлѣ церкви Семи отроковъ. Его высокій чугунный памятникъ украшаютъ слѣдующіе стихи:

Тѣломъ спи спокойно, нашъ родитель милый,
Духомъ со святыми упокойся ты!
Мы не станемъ съ грустью вкругъ твоей могилы
Насаждать цвѣты,
А съ надеждой сладкой вѣримъ мы свиданію
Душъ на небесахъ,
И что самъ Спаситель въ общее возстаніе
Воскреситъ твой прахъ...

Муравьевъ А. Н.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ, отставной полковникъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ 1817 г. изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго совершенно удалился, но о цѣли его правительству не донесъ». Онъ былъ отнесенъ къ VI разряду и приговоренъ къ 6-лѣтней каторжной работѣ и ссылкѣ на поселеніе. Муравьевъ, изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1792 г. Онъ обучался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, откуда вышелъ въ 1810 г. и поступилъ въ школу колонновожатыхъ, учрежденную его отцомъ. Въ 1812 г. онъ находился въ дѣйствующей арміи, затѣмъ былъ при взятіи Парижа, участвовалъ въ битвѣ при Кульмѣ и въ 1816 г. уже былъ полковникомъ. Еще въ 1814 г., во Франціи, онъ, вступивши въ одну изъ масонскихъ ложъ, получилъ высокую степень въ этомъ орденѣ и впослѣдствіи въ Петербургѣ былъ намѣстнымъ мастеромъ въ ложѣ «Трехъ добродѣтелей». Въ 1818 г. Муравьевъ вышелъ въ отставку. А. Н. Муравьевъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, хотя не формально. Когда, послѣ суда и приговора, выяснилось очень отдаленное отношеніе Муравьева къ тайному обществу, онъ былъ отправленъ въ Якутскъ на поселеніе, но съ Лены его вернули и назначили городничимъ въ Верхнеудинскъ. Въ 1828 г. онъ уже занималъ такую же должность въ Иркутскѣ; впослѣдствіи

въ томъ же Иркутскѣ онъ былъ предсѣдателемъ губернскаго правленія. Переведенный на ту же должность въ Тобольскъ, онъ вскорѣ былъ назначенъ тобольскимъ губернаторомъ. Въ Тобольскѣ онъ велъ борьбу съ цѣлой партіей мѣстныхъ взяточниковъ, которымъ казалось страннымъ, что губернаторъ ни съ кого не беретъ взятки, даже съ откупщика. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ губернаторства въ Тобольскѣ, ознаменованныхъ доносами и интригами противъ него, онъ былъ переведенъ въ 1834 г. предсѣдателемъ казенной палаты сначала въ Вятку, а потомъ въ Симферополь, а въ 1837 г. назначенъ губернаторомъ въ Архангельскъ, гдѣ и пробылъ 2 года. Причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Муравьевъ въ 1854 г. вступилъ вновь на службу и въ слѣдующемъ году назначенъ начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса, съ производствомъ въ генералъ-майоры. Наступившая «эпоха великихъ реформъ» вызвала спросъ на людей взглядовъ и характера, подобныхъ муравьевскимъ. 10 сентября 1856 г. онъ былъ назначенъ нижегородскимъ губернаторомъ. Онъ принялъ самое живое и горячее участіе въ проведеніи крестьянской реформы 1861 г. въ Нижегородской губерніи, такъ какъ настало время для осуществленія одной изъ самыхъ излюбленныхъ идей его и старинныхъ его друзей и товарищей. Но Муравьеву тотчасъ же пришлось столкнуться съ сильной партіей мѣстныхъ крѣпостниковъ. Онъ, сочувствуя даже болѣе радикальному разрѣшенію вопроса (освобожденію безъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ помѣщикамъ), стоялъ за немедленное введеніе реформы, между тѣмъ какъ эта партія стояла за предварительную разработку и стремилась надѣлить крестьянъ минимальнымъ количествомъ земли, чтобы имѣть всегда достаточный контингентъ рабочихъ. Реформа, какъ и всюду, вслѣдствіе преувеличенныхъ надеждъ и ожиданій крестьянской массы вводилось не безъ затрудненій, и Муравьевъ не разъ объѣзжалъ

Александръ Николаевичъ
Муравьевъ.

губернію для разъясненія различныхъ подробностей реформы и убѣжденія упорствовавшихъ. Когда крестьяне становились на колѣни, Муравьевъ выслушивалъ ихъ съ обнаженной головой и со слезами на глазахъ и послѣ долгихъ переговоровъ просилъ: «Для меня это сдѣлайте!» Полный жизни и энергіи несмотря на свои 70 лѣтъ, прямой по натурѣ, послѣдовательный и убѣжденный въ своихъ принципахъ, стойкій, непреклонный, даже увлекающійся несмотря на свой незаурядный умъ, Муравьевъ не могъ и не хотѣлъ вступать въ дипломатическую игру съ сильной и организованной партіей мѣстныхъ крѣпостниковъ. Мѣстные интеллигентные круги относились къ нему съ уваженіемъ, какъ къ человѣку, многосторонне образованному и поборнику либеральныхъ идей, но не могли оказать ему какой-либо существенной поддержки. Министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Ланской все время стоялъ на сторонѣ Муравьева, но когда его смѣнилъ Валуевъ, то и Муравьевъ 16 сентября 1861 г., произведенный въ генералъ-лейтенанты, былъ назначенъ присутствовать въ московскомъ департаментѣ сената. А. Н. Муравьевъ скончался въ Москвѣ 18 декабря 1863 г. и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Муравьевъ Н. М.

Никита Михайловичъ Муравьевъ, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 г. и хотя впослѣдствіи и измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, однако же предполагалъ изгнаніе императорской фамиліи; участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи тайнаго общества и въ составленіи плановъ и конституціи». Муравьевъ былъ отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, что было смягчено на 20-лѣтнія каторжныя работы. Н. М. Муравьевъ, родной братъ А. М. Муравьева, родился въ 1792 г., учился сначала дома, а за тѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ, впрочемъ, курса не окончилъ. Не смотря на свою молодость, Муравьевъ обратилъ на себя вниманіе самостоятельнымъ и умнымъ разборомъ предисловія къ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина. Чтеніе и пребываніе въ Западной Европѣ расширили умственный кругозоръ Муравьева, направили его мысль на общественно-политическіе вопросы, и онъ сталъ большимъ приверженцемъ конституціонныхъ идей Бенжамэна Констана. Во время пребыванія въ Парижѣ онъ жилъ въ домѣ герцога Коленкура, гдѣ постоянно сталкивался съ бонапартистами и лицами, принимавшими участіе въ событіяхъ французской революціи. Муравьевъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, былъ членомъ Петербургской думы и однимъ изъ главныхъ двигателей этого общества, которое вообще держалось монархическо-конституціонныхъ

Никита Михайловичъ
Муравьевъ.

принциповъ. Муравьевъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи проектовъ и плановъ политическаго характера. Извѣстное «Донесеніе» слѣдственной коммиссіи по отношенію къ Муравьеву, какъ и вообще къ всѣмъ декабристамъ, умышленно и искусственно сгустило краски, отрицая въ ихъ планахъ присутствіе какого бы то ни было созидательнаго элемента; между тѣмъ, вѣроятно, именно Н. М. Муравьеву и принадлежитъ слѣдующій эскизъ необходимыхъ по его мнѣнію реформъ (въ «Mon journal» Александръ Никитичъ Муравьевъ):

Abolition de l'esclavage.
Egalité des citoyens devant la loi.
Publicité dans les affaires d'Etat.
Publicité dans la procédure judiciaire.
Abolition du monopole des eaux de vie.
Alolition des colonies militaires.
Amélioration du sort des défenseurs de la patrie.
Le terme fixé du service militaire 25 ans diminué.
Amélioration du sort des membres de notre clergé.
Le chiffre de l'armée diminué en temps de paix.

Какъ извѣстно, почти всѣ pia desideria декабристовъ относительно этихъ важныхъ сторонъ внутренней жизни Россіи осуществились въ слѣдующее царствованіе. Конституціонныя идеи Муравьева впослѣдствіи были изложены въ его «Катехизисѣ». Благородный, добрый, скромный и кроткій, Муравьевъ былъ нѣсколько серьезенъ, отличался мечтательнымъ и нерѣшительнымъ характеромъ; онъ не былъ человѣкомъ дѣйствія, но теоретикомъ, кабинетнымъ дѣятелемъ, усердно занимался составленіемъ плановъ будущаго государственнаго строя, помимо законодательной дѣятельности. Въ заключеніи всѣ отдавали должную дань уваженія его познаніямъ. Онъ читалъ своимъ товарищамъ курсъ тактики и стратегіи, «изъ головы», какъ говоритъ Розенъ, т. е., не прибѣгая къ

справкамъ въ пособіяхъ. Онъ зналъ хорошо греческій языкъ, научившись ему у извѣстнаго эллиниста Гедике, бывшаго гувернеромъ у его младшаго брата. Печальная жизнь Муравьева въ Читѣ скоро скрасилась прибытіемъ жены, Александры Григорьевны, урожденной гр. Чернышевой, перваго изъ тѣхъ «ангеловъ», о которыхъ говоритъ кн. Одоевскій:

«Вдругъ ангелы съ лазури прилетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

Но не долго судьба улыбалась Муравьеву: 22 ноября 1835 г. Александра Григорьевна скончалась въ Петровскомъ заводѣ, оставивъ въ сердцахъ заключенныхъ неизгладимое чудное воспоминаніе о себѣ и перенеся свой свѣтлый образъ въ исторію. Муравьевъ былъ такъ любимъ своимъ братомъ А. М., что тотъ, какъ милости, просилъ разрѣшенія остаться съ нимъ въ Петровскомъ заводѣ уже по окончаніи своего срока, чтобы только не разлучаться съ нимъ. Въ 1836 г. Муравьевъ поселился въ Урикѣ съ братомъ и единственной дечерью Софьей. На поселеніи въ Урикѣ Н. М. и скончался 22 апрѣля 1845 г.; послѣ его смерти дочь его была отвезена въ Москву и помѣщена въ Екатерининскій институтъ подъ фамиліей Никитиной. Впослѣдствіи она была женой извѣстнаго генерала Бибикова. Въ заключеніи и на поселеніи Муравьевы не нуждались въ средствахъ, получая, какъ передаютъ, по 40 т. р. въ годъ, что позволяло имъ оказывать широкую помощь нуждавшимся товарищамъ.

Мухановъ П. А.

Петръ Александровичъ Мухановъ, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, родился въ 1795 году и образованіе получилъ сначала дома, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ и муравьевской школѣ колонновожатыхъ. Мухановъ принадлежалъ къ Сѣверному о-ву и былъ обвиненъ въ томъ, что «произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающіе не умыселъ, а мгновенную мысль и позывъ на цареубійство». Мухановъ былъ причисленъ къ IV разряду и осужденъ на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ и 12 лѣтъ поселенія. До отправки въ Читу онъ нѣкоторое время содержался въ Выборгѣ. По отзыву Фролова, Мухановъ былъ добрый и умный человѣкъ, простодушный и скромный, безъ тщеславія. Онъ былъ любезенъ въ обществѣ, забавникъ и шутникъ, и былъ извѣстенъ въ своемъ кругу подъ именемъ «ротмистра Галли». Мухановъ много занимался математикой и русской исторіей, по которой даже читалъ лекціи своимъ товарищамъ по заключенію въ Петровскомъ заводѣ. Математику онъ преподавалъ впослѣдствіи, на поселеніи, какъ дѣтямъ своихъ товарищей, напр., кн. Волконскаго, такъ и мѣстныхъ жителей. Какъ беллетристъ, онъ имѣлъ несомнѣнный талантъ. Во время заключенія онъ написалъ нѣсколько повѣстей съ увлекательнымъ и интереснымъ изображеніемъ русскихъ нравовъ и русской жизни. Свою повѣсть «Ходокъ по дѣламъ» онъ читалъ передъ цѣлой аудиторіей товари-

щей въ «академіи», основанной ими въ Петровскомъ заводѣ, и произведенія его легкаго и даровитаго пера украсили бы любой журналъ того времени. Мухановъ имѣлъ маленькую странность—страсть мѣняться вещами. Въ 40-хъ годахъ Мухановъ по свидѣтельству Бѣлоголоваго, жилъ въ с. Усть-Кудѣ «въ новомъ, совсѣмъ съ иголочки, выстроенномъ имъ самимъ домикѣ въ 3 или 4 комнатки. Это былъ человѣкъ могучаго сложенія, широкоплечій и тучный съ большими рыжими усами и нѣсколько суровый въ обращеніи». Онъ скоропостижно скончался въ Иркутскѣ 12 февраля 1854 г. «чуть ли не наканунѣ дня своего вступленія въ бракъ съ директриссой иркутскаго института М. А. Дороховой», говоритъ Бѣлоголовый.

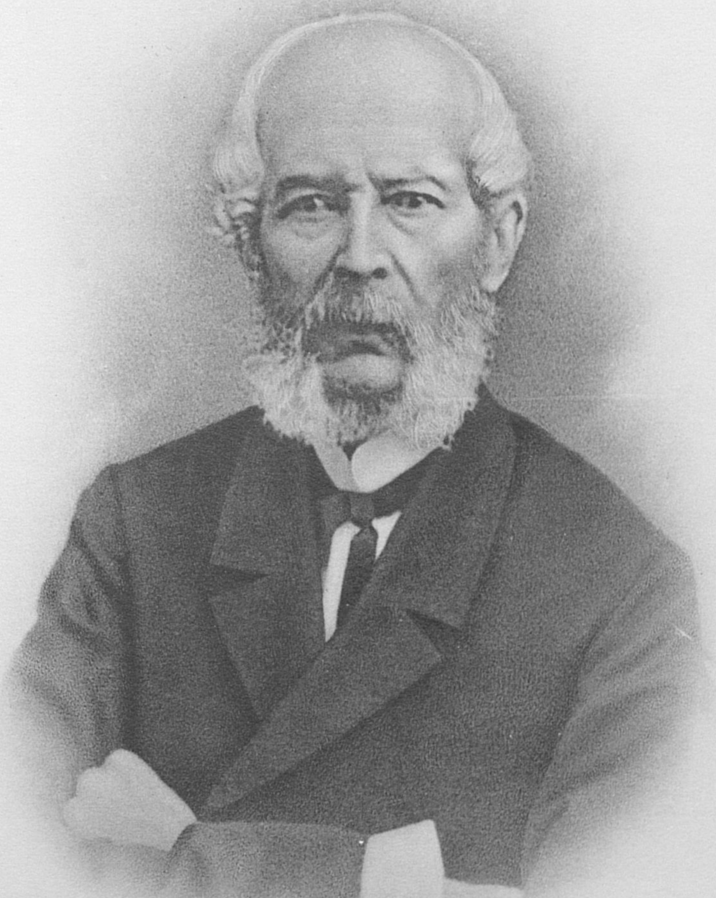

Петръ Александровичъ
Мухановъ.

Назимовъ М. А.

Михаилъ Александровичъ Назимовъ, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи конно-піонерскаго эскадрона, родился въ 1799 г. и получилъ образованіе въ Петербургѣ въ частномъ пансіонѣ протоіерея Кишенскаго. Членъ Сѣвернаго общества, Назимовъ былъ признанъ виновнымъ «въ участіи въ умыслѣ бунта и принятіи одного члена въ общество», былъ причисленъ къ VIII разряду и приговоренъ къ ссылкѣ на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Назимовъ былъ поселенъ въ Витимѣ, но въ 1830 г. переведенъ въ Курганъ Тобольской губ. Матеріально довольно обезпеченный средствами, присылаемыми ему родственниками изъ Россіи, Назимовъ вскорѣ поселился въ пріобрѣтенномъ имъ и ремонтированномъ деревянномъ домѣ, велъ скромный образъ жизни, занимался хозяйствомъ, помогалъ изъ своихъ небольшихъ средствъ бѣдному населенію Кургана, заслужилъ расположеніе курганцевъ и тѣмъ подготовилъ сочувственный пріемъ въ Курганѣ товарищамъ, поселеннымъ тамъ нѣсколько лѣтъ спустя. Назимовъ помогалъ и своимъ товарищамъ: такъ, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ежегодно посылалъ по 100 р. Загорѣцкому, поселенному въ Восточной Сибири. Получивъ въ 1835 г. 15-десятинный надѣлъ, Назимовъ еще болѣе расширилъ хозяйство, ранѣе заведенное имъ. Мѣстная администрація все время аттестовала его, какъ лицо, отличавшееся примѣрнымъ образомъ жизни и хорошимъ поведеніемъ. Въ 1837 г. Назимовъ былъ переведенъ рядовымъ на Кав-

казъ и служилъ за Кубанью въ отрядѣ ген. Засса. По освобожденіи отъ военной службы Назимовъ жилъ въ Псковской губ. и принималъ дѣятельное участіе въ проведеніи реформъ Александра II, былъ членомъ разныхъ коммиссій, комитетовъ, съ увлеченіемъ и пользою работалъ въ мѣстномъ земствѣ. Назимовъ отличался умомъ, серьезностью, прямотой и высокой правдивостью. Онъ скончался въ Псковѣ 11 мая 1888 года.

Михаилъ Александровичъ
Назимовъ.

Нарышкинъ М. М.

Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ, полковникъ тарутинскаго полка, родился въ 1795 г. Онъ получилъ образованіе въ родительскомъ домѣ сначала подъ руководствомъ нѣмцевъ Гесслера и Кастнера, а потомъ бралъ уроки у профессоровъ Куницина, Германа и Соловьева. Нарышкинъ началъ службу въ 1813 году въ полку своего брата Кирилла и впослѣдствіи былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи московскій полкъ, произведенъ въ полковники лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, откуда, по собственному желанію, былъ переведенъ въ тарутинскій полкъ, квартировавшій въ Москвѣ. Нарышкинъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, признанъ былъ виновнымъ «въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство, но безъ согласія и съ противорѣчіемъ, токмо безъ донесенія» и въ принятіи членовъ, причисленъ къ IV разряду осужденныхъ и приговоренъ на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ и затѣмъ ссылкѣ на поселеніе. Въ 1823 г. Нарышкинъ женился на графинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Коновницыной, которая черезъ нѣкоторое время послѣ отправленія Нарышкина въ Сибирь послѣдовала за нимъ. По ходатайству вліятельныхъ родственниковъ, Нарышкины были переведены въ Курганъ, куда и прибыли 14 марта 1833 года. Елизавета Петровна послѣдовала за мужемъ черезъ нѣкоторое время, въ сопровожденіи дворовой дѣвушки Карповой и малолѣтней Ульяны Чунятовой, взятой Нарышкиными въ Петровскомъ заводѣ на воспитаніе.

Поселившись въ Курганѣ, Нарышкины пріобрѣли себѣ удобный и помѣстительный домъ и вскорѣ же получили изъ Россіи цѣлый транспортъ, въ которомъ были дворовые люди, лошади, ковры, картины и пр. Вмѣсто 2000 р. Нарышкины на другой же годъ стали гласно получать отъ родственниковъ по 3000 р., такъ что могли устроиться въ Курганѣ очень хорошо, помогая, кромѣ того, своимъ недостаточнымъ товарищамъ и мѣстному бѣдному населенію. Кромѣ того, М. М. Нарышкинъ занимался лѣченіемъ окрестныхъ крестьянъ и съ этой цѣлью нерѣдко разъѣзжалъ по деревнямъ, снабжая нуждающихся лѣкарствами. Получивъ въ 1835 г. 15-десятинный надѣлъ, Нарышкинъ занялся коневодствомъ, имѣя въ виду разведеніе въ Сибири рысистыхъ лошадей. Елизавета Петровна была подвержена сильнымъ нервнымъ страданіямъ, особенно усиливавшимся весной и осенью, и Нарышкинъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ съ неизмѣннымъ терпѣніемъ старался облегчить страданія любимой жены. Когда въ 1837 г. Нарышкинъ былъ переведенъ на Кавказъ, жена послѣдовала за нимъ и дѣлила всѣ неудобства и лишенія. Какъ видно изъ статейнаго списка, въ 1833 г. Нарышкинъ имѣлъ приблизительно такую наружность: 2 арш. 9 вершковъ роста, бѣлое лицо, темнорусые волосы, близорукіе каріе глаза и бородавку на лѣвомъ вискѣ. Нарышкинъ отличался необыкновенно привлекательнымъ характеромъ, былъ тихъ, кротокъ, искренно и глубоко религіозенъ, вѣренъ въ дружбѣ, постоянно стремился къ добру. «Не во внѣшнемъ блескѣ, говоритъ по случаю его смерти пережившій его другъ и товарищъ кн. Оболенскій, отражалась его внутренняя жизнь, не въ блестящей славѣ его личности, но въ любви всепримиряющей, всетерпящей, не воздающей зломъ за зло. Съ юныхъ лѣтъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, стремленія которыхъ были направлены къ общему благу; но это стремленіе, къ несчастію, могло быть удовлетворено

Михаилъ Михайловичъ
Нарышкинъ.

только путемъ самоотверженія. Чуждый корыстныхъ цѣлей, Нарышкинъ принялъ этотъ девизъ и въ долгіе годы лишеній и послѣ многихъ скорбныхъ дней остался вѣренъ первоначальному своему призванію». Нарышкинъ скончался 2 января 1863 г. и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ въ Москвѣ.

Оболенскій Е. П.

Князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, поручикъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго всей пѣхотой гвардейскаго корпуса генер.-адъют. Бистрома 1-го, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи Союза благоденствія установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя пріуготовлять сочиненія для содѣйствія цѣли общества; приготовлялъ главныя средства къ мятежу, лично дѣйствовалъ въ ономъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ гр. Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство». Оболенскій родился въ 1797 г. въ типичной семьѣ московскаго барина стараго времени, князя Петра Николаевича Оболенскаго, отъ его перваго брака. Въ домѣ кн. Оболенскаго не было никакихъ вельможныхъ затѣй; все тамъ было просто, искренно, патріархально, настроеніе семьи было веселое, любовное. Въ домѣ было много дѣтей (10 человѣкъ), было шумно, весело, дышалось легко; многочисленная родня Оболенскихъ постоянно посѣщала гостепріимный домъ. Самъ князь Оболенскій отличался искренностью и простотой характера. Но лучше всѣхъ въ семьѣ Оболенскихъ былъ князь Евгеній; мягкость его характера привлекала къ нему всѣхъ, и искренность его чувствовалась глубоко. Онъ близко принималъ къ сердцу невзгоду каждаго и сдѣлалъ много добра еще въ ранней

Князь

Евгеній Петровичъ

Оболенскій.

юности. Младшія дѣти относились къ нему съ благоговѣніемъ; онъ руководилъ ихъ чтеніемъ; дѣвочки повѣряли ему свои маленькія сердечныя тайны. Уже и тогда онъ былъ очень серьезенъ и религіозенъ, несмотря на то, что его воспитателями и учителями были французы. Наружность Оболенскаго соотвѣтствовала его душевнымъ качествамъ. «Стройный, прекрасный, — говоритъ Татьяна Пассекъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—съ кроткимъ, пріятнымъ выраженіемъ лица, князь Евгеній привлекалъ меня сколько красотою своею, сколько и блестящимъ гвардейскимъ мундиромъ. Когда онъ пріѣзжалъ къ Хованскимъ, я садилась противъ него и засматривалась, какъ нѣкогда на картину Вигера, а князь Евгеній Петровичъ и не подозрѣвалъ, что чистое дитя поклоняется красотѣ его». Въ этотъ періодъ жизни Оболенскаго съ нимъ былъ случай, характеризующій его психическій строй и имѣвшій послѣдствія въ его дальнѣйшей жизни: онъ имѣлъ несчастіе убить на дуэли офицера Свиньина, съ которымъ онъ дрался вмѣсто своего родственника Сергѣя Кашкина, единственнаго сына нѣжно любившей его матери. Послѣ этого случая Оболенскій сталъ неспокоенъ духомъ, его терзали угрызенія совѣсти, раскаяніе, и вообще его мысль направилась въ сторону самоисправленія, исканія нравственныхъ веригъ для себя. Стремленіе очиститься духомъ привело его въ одну изъ масонскихъ ложъ. Въ 20-хъ годахъ Оболенскій является однимъ изъ дѣятельныхъ и наиболѣе пылкихъ членовъ Сѣвернаго общества. «Онъ,—по словамъ Боровкова,—составилъ въ это время нѣчто въ родѣ свода обязанностей гражданина, который является оселкомъ для испытанія кандидатовъ въ члены Сѣвернаго общества: принималось во вниманіе то впечатлѣніе, которое производило на слушателей изложеніе этого свода. Во время самого событія 14 декабря 1825 года Оболенскій долженъ былъ принять на себя столь несвойственную ему роль начальника. Оболенскій

былъ отнесенъ къ I разряду, и назначенная ему смертная казнь была замѣнена пожизненной каторгой. Въ первое время Оболенскій съ Якубовичемъ содержались въ Усольѣ, близъ Иркутска, гдѣ ихъ очень хорошо принялъ начальникъ тюрьмы, полковникъ Крючковичъ. Ихъ назначили дровосѣками, и скоро Оболенскій могъ нарубить до $^1/_4$ сажени въ день. Въ 3-мъ часу дня они возвращались домой, сытно обѣдали и потомъ играли въ шахматы или бесѣдовали. Внезапно ихъ вызвали въ Иркутскъ и отправили въ Благодатскій рудникъ. Тамъ Оболенскій съ товарищами (Волконскій, Трубецкой, Якубовичъ, Давыдовъ, Муравьевъ и двое Борисовыхъ) былъ помѣщенъ въ тюрьмѣ, имѣвшей въ длину 7 саж. и въ ширину 5, состоявшей изъ двухъ избъ — одна для заключенныхъ, другая для караульныхъ солдатъ. «Въ нашей избѣ,—говоритъ Оболенскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ», со входа налѣво огромная русская печь, направо вдоль всей избы 3 чулана, отдѣленные другъ отъ друга досчатыми перегородками; къ противоположной стѣнѣ отъ входа примыкала третья комната, наскоро сколоченная изъ досокъ». 2 чулана имѣли 3 аршина въ длину и 2 въ ширину, а комната и третій чуланъ были больше. Давыдовъ и Якубовичъ имѣли по особому чулану, остальные размѣщались по трое. Внутренній караулъ, состоявшій изъ горнаго унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ, скоро полюбилъ заключенныхъ. Они вставали въ 5 час. утра, работали въ шахтахъ до 11; работа была не тяжела. Внутри тюрьмы имъ предоставлена была полная свобода. «Все болѣе мы сближались, и общее горе все болѣе соединяло узы дружбы», — говоритъ Оболенскій. Завѣдывать приготовленіемъ пищи было поручено Якубовичу, «какъ наиболѣе опытному по военно-кухонной части». Вскорѣ приставленный къ нимъ горный офицеръ Рикъ вздумалъ было заставить ихъ оставаться все послѣобѣденное время въ запертыхъ чуланахъ. Заключенные отказались отъ пищи.

Михаилъ Фотіевичъ
Митьковъ.

Павелъ Дмитріевичъ
Мозганъ.

Послѣ страшныхъ угрозъ на третій день чуланы были отворены, и все пошло по старому. Съ наступленіемъ весны заключенные получили разрѣшеніе дѣлать, въ свободные дни, прогулки подъ конвоемъ, орбита которыхъ скоро дошла до Аргуни. Несмотря на заявленіе, что они довольны подземными работами, ихъ сдѣлали рудоразборщиками: всѣмъ имъ нужно было ежедневно перенести 30 носилокъ руды по 5 пудовъ на каждаго на разстояніи 200 саженъ. Съ прибытіемъ коменданта Лепарскаго ихъ заковали въ ножныя кандалы: горная и военная власти боялись взаимныхъ доносовъ за послабленіе. На Благодатскомъ рудникѣ они оставались до 13 сент. 1827 г. Во время пребыванія въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ Оболенскій былъ лучшимъ закройщикомъ и прекрасно шилъ платье; кромѣ того, онъ занимался философскими вопросами и прочелъ товарищамъ общій курсъ исторіи философіи. Въ 1839 г. Оболенскій былъ водворенъ на поселеніе въ Иркутской губ., въ 1842 г. переведенъ въ Туринскъ и оттуда, послѣ того, какъ этотъ городъ оставили его товарищи, Пущинъ, Басаргинъ и Анненковъ, былъ переведенъ въ Ялуторовскъ, именно 19 іюля 1843 г. Здѣсь онъ встрѣтилъ цѣлую колонію декабристовъ и поселился вмѣстѣ съ Пущинымъ. Матеріальная сторона его жизни была вполнѣ обезпечена тѣми средствами, которыя онъ получалъ отъ родственниковъ изъ Россіи. Хозяйствомъ Пущина и Оболенскаго въ Ялуторовскѣ завѣдывала старушка Мѣшалкина, которая и пригласила къ малолѣтней побочной дочери Пущина, Аннушкѣ, привезенной изъ Туринска, дѣвицу Варвару Баранову, вольноотпущенную чиновника Блохина, 24 лѣтъ, довольно некрасивую. Съ этой дѣвушкой Оболенскій рѣшилъ вступить въ бракъ, хотя его товарищи и не одобряли этого, не вслѣдствіе, конечно, какого-либо mésaillance, но хорошо понимая, что у Оболенскаго нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго съ ня-

ней Варей, какъ у послѣдней не оказалось потомъ ничего общаго даже съ собственными дѣтьми. Вопросъ о разрѣшеніи этого брака доходилъ до высшихъ сферъ и 17 ноября 1845 года былъ рѣшенъ утвердительно. Этотъ непонятный и необъяснимый для другихъ актъ воли Оболенскаго является результатомъ его преобладающаго психическаго настроенія. Онъ чувствовалъ потребность въ нравственныхъ веригахъ, въ подвигѣ. Еще въ Восточной Сибири онъ хотѣлъ было жениться на старой и рябой горничной княгини Трубецкой; отъ этого его удалось отговорить, тѣмъ болѣе, что и сама невѣста пришла въ недоумѣніе и спрашивала: «Не поврежденъ ли князь разсудкомъ?» Нѣчто въ этомъ родѣ Оболенскій задумалъ и въ Туринскѣ, но его невѣста умерла. Когда Пущинъ отказалъ Варварѣ Барановой отъ мѣста, Оболенскій нанялъ ей квартиру въ домѣ купцовъ Ильиныхъ, самъ поселился въ лачугѣ на окраинѣ города, проводилъ время въ постѣ и молитвѣ и лишь изрѣдка посѣщалъ невѣсту. Варвара Сампсоновна оказалась женщиной недурной въ своемъ родѣ; она не вмѣшивалась въ добрыя отношенія мужа съ товарищами и родными, но невольно должна была чувствовать себя чуждой и одинокой въ той семьѣ и въ той средѣ, куда попала такъ неожиданно. Въ Ялуторовскѣ день 14 декабря всегда былъ предлогомъ, чтобы лишній разъ собраться у Оболенскаго, который и не думалъ считать себя героемъ этого дня. «Допустимъ, говорили ему, что ты ошибался, что все это было нелѣпо, вышло безтолково, но все же ты былъ прекрасенъ въ своемъ желаніи жертвовать собою для блага общаго». «Изъ этого слѣдуетъ, добавилъ Пущинъ, что ты обязанъ угостить насъ вкуснымъ пирогомъ съ рыбой и распить съ нами нѣсколько бутылокъ апогаре (ягодная шипучка), такъ какъ все это превосходно приготовляется искусной хозяйкой, Варварой Сампсоновной». Пущинъ зналъ, что всякая, даже ничтожная похвала товарища, относящаяся

къ его женѣ, умиляетъ его стараго друга. Вернувшись въ Россію изъ 30-лѣтней ссылки, Оболенскій имѣлъ рѣдкое удовольствіе не ошибиться въ родственныхъ чувствахъ брата и двухъ сестеръ, Варвары Петровны Прончищевой и Натальи Петровны Оболенской. Онъ поселился въ Калугѣ. Рыцарски благородный, Оболенскій, имѣя двухъ сыновей, Ивана и Петра (сибиряковъ) и дочь (калужанку), тѣмъ не менѣе ставитъ впереди вопроса объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи вопросъ о честномъ имени своего покойнаго брата Константина и ликвидируетъ его дѣла такъ, чтобы удовлетворить всѣхъ его кредиторовъ. Живя въ Калугѣ, онъ занимается съ дѣтьми, учившимися въ мѣстной гимназіи, хлопочетъ относительно управленія тульскимъ имѣніемъ сестеръ. До послѣднихъ минутъ жизни Оболенскій чрезвычайно интересовался общественными и политическими вопросами, ходомъ реформы, вводимыми земскими учрежденіями, жаловался на апатію общества, стоялъ на срединѣ между демократической и аристократической тенденціями, замѣчаемыми въ общественной жизни того времени. Онъ надѣялся на болѣе свѣтлое будущее, считая настоящее время переходнымъ. Онъ сожалѣлъ, что аристократическія тенденціи овладѣваютъ мировыми посредниками и вообще находилъ, что и на крестьянъ, и на дворянъ вѣка рабства положили недобрую печать, деморализовали тѣхъ и другихъ. Въ перепискѣ его съ Ростовцевымъ, котораго вообще онъ уважалъ и любилъ, разсѣяно много совѣтовъ объ устройствѣ крестьянъ послѣ освобожденія. «Самостоятельное положеніе дворянскаго сословія въ этомъ вопросѣ, писалъ онъ въ 1859 г., будетъ первымъ шагомъ къ мѣстному самоуправленію, которое составляетъ одну изъ необходимыхъ потребностей нашей гражданской жизни». Онъ указываетъ на тяжесть выкупныхъ платежей въ будущемъ, желаетъ, чтобы новыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ установились не принудитель-

ной властью, а самой жизнью. Какъ всѣ декабристы, Оболенскій питалъ глубокую признательность къ Александру II, осуществившему почти всѣ ихъ завѣтныя мечты. Онъ негодовалъ на поляковъ не за ихъ возстаніе, но за тѣ жестокости, которыя были ими допущены въ теченіе этого времени. Живость характера, любезность, доброе сердце Оболенскій сохранилъ до самой смерти. Простоявъ во время говѣнія въ церкви съ 3 до 11 часовъ утра, онъ къ вечеру почувствовалъ ознобъ и жаръ. Началось воспаленіе легкихъ, тѣмъ болѣе, что и до того времени онъ страдалъ легкой простудой. Онъ хворалъ всего 6 дней, безъ жалобъ и разговоровъ о земныхъ дѣлахъ. Онъ цѣловалъ родныхъ, прощался съ ними. Подкрѣплявшій его всю жизнь духъ вѣры выражался громкими молитвами и подъ конецъ сѣтованіями, что память измѣняетъ ему. Кн. Е. П. Оболенскій скончался 26 февраля 1865 года.

Одоевскій А. И.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, корнетъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного члена и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пистолетомъ въ рукахъ». Онъ былъ отнесенъ къ IV разряду и осужденъ на 15 лѣтъ каторжной работы и потомъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. Но въ томъ же году Одоевскому, какъ почти всѣмъ его товарищамъ по разряду, этотъ срокъ былъ сокращенъ до 8 лѣтъ. Одоевскій родился въ 1803 г. Необычайно любимый отцомъ, онъ получилъ отличное образованіе и самое внимательное воспитаніе въ стѣнахъ родного дома. 1 октября 1821 г. онъ поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, а 23 февраля 1823 г. былъ произведенъ въ корнеты. Увлекающійся, пылкій, онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе и быстро вошелъ въ кругъ передовой молодежи того времени (Рылѣевъ, Бестужевъ, Грибоѣдовъ и др.). Особенно тѣсная дружба связала Одоевскаго съ Грибоѣдовымъ, и они постоянно были вмѣстѣ. Черезъ Грибоѣдова Одоевскій познакомился съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ и въ началѣ 1824 г. вступилъ въ Сѣверное общество. «Всеобщее движеніе, говоритъ его біографъ, г. Сиротининъ, не могло не захватить и его; не могли не волновать его умъ и душу только что народившіеся тогда въ Россіи общественно-политическіе вопросы, занимавшіе всю мыслящую русскую молодежь. Одоевскій былъ болѣе пылкимъ, горячимъ, болѣе увлекающимся, чѣмъ многіе декабристы. Какъ же могъ онъ остаться въ сторонѣ отъ движенія и только равнодушно

смотрѣть на него?» Экзальтированная, вдохновенная рѣчь Рылѣева увлекла Одоевскаго. Какъ человѣкъ очень живого и подвижнаго темперамента, Одоевскій съ большимъ трудомъ перенесъ свое заключеніе въ Петропавловской крѣпости: бѣгалъ, какъ запертый львенокъ, въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, пѣлъ романсы, декламировалъ стихи. Сторожа были въ отчаяніи. Въ Читѣ, въ кругу товарищей, ему было гораздо легче. Какъ человѣкъ горячо вѣрующій, онъ примкнулъ къ «конгрегаціи». Въ «академіи» Петровскаго завода онъ читалъ товарищамъ лекціи по исторіи русской литературы, начиная со Слова о полку Игоревѣ, и, какъ потомъ оказалось, по памяти, только для вида заглядывая въ пустую тетрадку. Стихотворенія Одоевскаго, которыя онъ часто читалъ товарищамъ, перелагались на музыку и распѣвались хоромъ. Розенъ съ благодарностью вспоминаетъ, что Одоевскій имѣлъ терпѣніе заниматься съ нимъ русскимъ языкомъ 4 года и составить для него сводъ грамматическихъ правилъ. «Лира его, говоритъ Розенъ, всегда была настроена; часто, по заданному вопросу, отвѣчалъ онъ экспромптомъ премилыми стихами; въ такія минуты игралъ румянецъ на его ланитахъ, а глаза сверкали огнемъ. Онъ дѣйствительно имѣлъ большое дарованіе, но, какъ случается съ истинными поэтами, онъ пренебрегалъ имъ». «Онъ былъ очень разсѣянъ, говоритъ другой его современникъ и товарищъ, А. Бѣляевъ, безпеченъ, временами до неистовства веселъ, временами сумраченъ и задумчивъ и хотя, конечно, онъ не могъ не сознавать своего дара, но былъ до того апатиченъ, что нужно было поджигать его, чтобы заставить писать». Такимъ онъ остался и въ концѣ своей жизни, на Кавказѣ. «Онъ былъ, говоритъ Бѣляевъ, или серьезный, задумчивый, во что-то углубленный, или живой, веселый, хохочущій до изступленія. Онъ имѣлъ порядочную дозу самолюбія, а какъ на Кавказѣ онъ увидѣлъ во всемъ блескѣ удаль-

Князь
Александръ Ивановичъ
Одоевскій.

ство линейныхъ казаковъ, ихъ ловкость на конѣ, поднятіе монетъ на всемъ скаку, то захотѣлъ непремѣнно достигнуть того же, безпрестанно упражнялся, и, конечно, не разъ леталъ съ лошади». По окончаніи срока заключенія въ Петровскомъ заводѣ Одоевскій нѣкоторое время прожилъ въ Пелымѣ и лишь въ 1836 г., послѣ двукратнаго ходатайства отца, былъ переведенъ въ Ишимъ Тоб. губ. Какъ видно изъ его статейнаго списка того времени, Одоевскій былъ 2 арш. 9 верш. роста, имѣлъ темнорусые волосы и каріе глаза. Въ Ишимѣ онъ остался бы въ совершенномъ одиночествѣ, если бы не сошелся съ двумя поляками, Ивашкевичемъ и Кржижановскимъ, сосланными за участіе въ возстаніи 1831 г. Въ матеріальномъ отношеніи онъ былъ совершенно обезпеченъ, такъ какъ отецъ, сверхъ опредѣленной 1000 р. въ годъ, посылалъ ему значительныя денежныя суммы. Лишь только Одоевскій извѣстилъ отца о состоявшемся переводѣ въ Ишимъ, тотъ писалъ ему: Ah. combien je suis heureux de Vous savoir plus près de moi, en pensant que par le premier traînage je pourrai venir Vous presser contre mon coeur et Vous couvrir de tendres baisers; *l'idée seule* que mes yeux pourront voir les vôtres, que je pourrai me jeter dans vos bras fait toute ma félicité». Это письмо было понято въ III отдѣленіи, какъ желаніе кн. Одоевскаго пріѣхать къ сыну, и гр. Бенкендорфъ увѣдомилъ генер.-губ. Западной Сибири кн. Горчакова, что пріѣздъ родственниковъ декабристовъ въ Сибирь не можетъ быть дозволяемъ, а «буде кто либо изъ родственниковъ означенныхъ преступниковъ отправится въ тотъ край, не испросивъ предварительно на сіе дозволеніе, то мѣстное начальство обязано немедленно его выслать». Въ своихъ стихахъ Одоевскій часто изливалъ свою нѣжную любовь къ отцу:

Проснется ль тайный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ,

Въ лунѣ, въ туманной выси горъ,—
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ....

Стихотвореніе, лучшее мѣсто котораго представляютъ эти строки, дошло до свѣдѣнія императора Николая I, и Одоевскаго было приказано перевести рядовымъ на Кавказъ, куда онъ и отправился въ 1837 г. Лишь во время пути на Кавказъ Одоевскому на короткое время пришлось увидѣться съ отцомъ: въ этомъ же году онъ скончался. «Я спокоенъ, писалъ Одоевскій Назимову за 15 дней до своей смерти, говорить—говорю, какъ другіе; но когда я одинъ передъ собою или пишу друзьямъ, способнымъ раздѣлить мою горесть, то чувствую, что не принадлежу къ этому міру». На Кавказѣ, какъ говоритъ Бѣляевъ, «нѣкоторые походы вызывали людскія жертвы для выслуги какого нибудь матушкина сынка, имѣвшаго протекцію въ Петербургѣ, для чиновъ и славы котораго ходили въ рядахъ и ссыльные декабристы». Къ числу такихъ жертвъ принадлежалъ и Одоевскій. Онъ былъ назначенъ въ новгородскій драгунскій полкъ и долженъ былъ жить въ одномъ изъ самыхъ нездоровыхъ уголковъ Кавказа, урочищѣ Каръ-Агачъ на восточномъ берегу Чернаго моря. 15 августа 1839 г. Одоевскій скончался отъ малярія или, быть можетъ, отъ тифа; подозрѣвали также, что чахотка давно уже подточила его организмъ. Одоевскій принадлежалъ къ числу второстепенныхъ, даже третьестепенныхъ поэтовъ пушкинскаго періода. Онъ обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ и, быть можетъ, при лучшихъ условіяхъ, изъ его дарованія и выработалось бы что нибудь болѣе яркое. На свою поэзію Одоевскій смотрѣлъ, какъ на утѣшеніе въ скорби, и поэтому бо́льшая часть его стихотвореній (изданы въ 1883 г. Розеномъ) носитъ элегическій характеръ. Онъ не предназначалъ ихъ для публики, почему и не подвергалъ обработкѣ, такъ что техника его стиха

часто неудовлетворительна; за то они дышатъ горячимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ. Одоевскій хорошо выразилъ то, что занимало и волновало декабристовъ, что было имъ дорого и близко въ сферѣ нравственнаго и изящнаго, почему ихъ отзывы объ Одоевскомъ отличаются теплотой и чувствомъ. Симпатичный образъ Одоевскаго вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы остаться въ памяти потомства. Еще въ 1827 г., въ Читѣ, Одоевскій какъ бы предчувствовалъ свою раннюю кончину и оплакалъ свою изломанную и неудовлетворенную жизнь:

Гласъ пѣсни, мною недопѣтой,
Не зазвучитъ въ земныхъ струнахъ,
И я, въ нетлѣніе одѣтый,
Ее дослышу въ небесахъ...
Но на землѣ, гдѣ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь... и грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И современнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра...

Съ такою же яркостью этотъ мотивъ слышится въ другихъ строкахъ рано погибшаго поэта:

....Едва лучи денницы
Моей коснулися зѣницы,
Какъ свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ...
Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлый!
Нѣтъ, сновъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ!..

Пановъ Н. А.

Николай Алексѣевичъ Пановъ, поручикъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, родился въ 1803 г. и получилъ домашнее образованіе; воспитателями его были иностранцы. Онъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, хотя «безъ полнаго знанія о сокровенной цѣли относительно бунта». Онъ «возмутилъ нѣсколько ротъ, вступилъ съ ними во дворъ Зимняго дворца и присоединился потомъ къ другимъ мятежникамъ. Команда его производила стрѣльбу». Пановъ былъ осужденъ по I разряду и приговоренъ къ 20-лѣтней каторгѣ (по смягченію). Пановъ былъ плотный блондинъ невысокаго роста, съ большими выпуклыми глазами, съ румянцемъ на щекахъ и съ большими свѣтлорусыми усами. Онъ имѣлъ живой, веселый характеръ, способный къ увлеченіямъ. Н. А. Пановъ скончался 14 января 1850 г. въ с. Урикѣ Иркутской губ. отъ сахарнаго мочеизнуренія.

Николай Алексѣевичъ
Пановъ.

Пестель П. И.

Павелъ Ивановичъ Пестель, полковникъ вятскаго пѣхотнаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «имѣлъ умыселъ на цареубійство, изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго, умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ; учреждалъ и съ неограниченной властью управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлью бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ». Онъ былъ поставленъ внѣ разрядовъ и осужденъ на смертную казнь четвертованіемъ, что было замѣнено повѣшеніемъ. Пестель родился въ 1793 г. Онъ былъ сынъ Ивана Борисовича Пестеля, сибирскаго генералъ-губернатора, человѣка суроваго, жестокаго, но честнаго и образованнаго. Его мать, урожденная фонъ-Крохъ, была женщина умная, образованная, даже ученая. Весь общій тонъ семьи Пестелей и вся система домашняго воспитанія въ этой семьѣ развивали въ дѣтяхъ стойкость характера и чувство справедливости и порядка. Въ 1805 г. Пестеля отправили въ Дрезденъ для воспитанія у бабушки, фонъ-Даугъ, женщины умной и образованной, автора «Писемъ объ Испаніи и

Швейцаріи». Въ Дрезденѣ Пестель пробылъ 4 года и по возвращеніи сталъ готовиться къ поступленію въ старшій классъ пажескаго корпуса. Онъ учился, между прочимъ, у извѣстнаго тогда профессора политическихъ наукъ Германа. Въ 1811 г. онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи литовскій полкъ. Какъ и въ корпусѣ, на службѣ Пестель отличался необыкновеннымъ усердіемъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Когда началась кампанія 1812 г., Пестель проявилъ замѣчательную храбрость, подъ Бородинымъ былъ раненъ въ ногу и получилъ шпагу съ надписью «за храбрость». Съ 1813—1814 гг. онъ участвовалъ въ заграничныхъ походахъ. За это время онъ пріобрѣлъ себѣ отличную репутацію храбраго, исполнительнаго и находчиваго офицера и получилъ цѣлый рядъ наградъ. По окончаніи войны Пестель продолжалъ служить подъ начальствомъ гр. Витгенштейна и пользовался искреннимъ расположеніемъ его и начальника штаба Киселева. Въ маѣ 1820 г. Пестель былъ переведенъ на службу въ Тульчинъ. Въ началѣ греческаго возстанія Пестель 3 раза былъ посылаемъ въ Молдавію и Валахію узнать о причинахъ и свойствахъ этого движенія. По мнѣнію Пестеля, причины эти были совершенно тожественны съ тѣми, которыя вызвали въ древней Руси общее стремленіе освободиться отъ татарскаго ига. По этому поводу онъ составилъ и представилъ Александру I нѣсколько обстоятельныхъ записокъ. Въ 1822 г., 27 лѣтъ отъ роду, Пестель былъ назначенъ командиромъ вятскаго полка, который скоро привелъ въ блестящее состояніе, причемъ затрачивалъ и собственныя средства. Передъ нимъ открывалась блестящая военная карьера. Но Пестель не могъ довольствоваться интересами одной лишь военной службы, тѣмъ болѣе, что всѣ условія русской жизни того времени располагали его къ критикѣ и протесту. Въ общественной жизни онъ видѣлъ лишь отсутствіе справедливости, безсудіе, деспо-

Павелъ Ивановичъ
Пестель.

тизмъ крѣпостниковъ, а въ болѣе близкой ему военной средѣ—аракчеевщину. Онъ не хотѣлъ и не могъ оставаться безмолвнымъ и безстрастнымъ свидѣтелемъ возмутительной обстановки общественной жизни того времени. Углубившись въ изученіе наукъ юридическихъ, политическихъ и исторіи, онъ видѣлъ ясно, что государственное устройство Россіи не имѣетъ ничего общаго съ наукой права. Его тяготила мысль, что правительство и не думаетъ реформировать этотъ политическій и общественный строй, отжившій уже и въ то время, и потому въ душѣ его постепенно росло и укрѣплялось недовольство противъ правительства, какъ главнаго виновника нестроенія и бѣдствій его родины. Въ первое время критическаго отношенія къ русскому государственному строю Пестель раздѣлялъ симпатіи къ конституціонно-монархическому образу правленія, но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ книги Детю-де-Траси, склонился къ республиканскому строю, увлекшись представленіемъ о древнемъ Римѣ, Греціи, Новгородѣ и американскихъ Соедин. Штатахъ, какъ о политическихъ организмахъ, соединившихъ внутреннюю свободу гражданъ съ внѣшнимъ процвѣтаніемъ и силой государства. Дѣятельность Пестеля, какъ члена общественныхъ организацій, началась еще съ 1812 г., когда онъ сталъ членомъ масонской ложи «Amis réunis» въ С.-Петербургѣ, а въ 1816 г.—членомъ ложи «Трехъ добродѣтелей». Вступивъ въ составъ «Союза Благоденствія», Пестель скоро пошелъ гораздо дальше его руководителей въ политическихъ взглядахъ, и въ 1821 г., послѣ съѣзда въ Москвѣ, на которомъ онъ не присутствовалъ,—онъ и его единомышленники на югѣ не согласились съ закрытіемъ союза и основали Южное общество съ гораздо болѣе радикальной, республиканской программой. Политическіе взгляды Пестеля нашли для себя хорошее отраженіе въ его трудѣ «Русская Правда», хотя и не доведенномъ до конца. Идеаломъ Пестеля было сплоченное, единое, силь-

ное государство, почему онъ и высказывался противъ федеративнаго устройства Россіи, которое напоминало ему нестроеніе удѣльнаго періода, хотя Польша должна была получить независимость и возстановиться въ прежнихъ границахъ. Еврейскій вопросъ Пестель разрѣшилъ такъ, что евреи должны образовать новое іудейское царство внѣ Россіи, гдѣ нибудь въ Малой Азіи. Система центральнаго управленія должна была выразиться въ слѣдующихъ органахъ: 1-е «народное вѣче» (власть законодательная), 2-е «державная дума» (власть исполнительная и разрѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ) и 3-е «блюстительный совѣтъ» изъ 50 лицъ для надзора за точнымъ исполненіемъ всѣхъ основныхъ законовъ. Свобода личности, совѣсти, печати и промышленности, по мнѣнію Пестеля, должна быть гарантирована для всѣхъ гражданъ, хотя всѣ частные союзы съ спеціальными цѣлями не должны допускаться. Крестьянскій и аграрный вопросы Пестель разрѣшалъ такъ. Крѣпостное право должно быть отмѣнено, и крестьяне освобождаются съ землей. Помѣщики, владѣющіе землей въ количествѣ до 5000 десятинъ, должны отдать ее съ вознагражденіемъ или изъ казенныхъ земель, или деньгами отъ правительства, а владѣющіе большимъ количествомъ лишаются 5000 дес. безвозмездно. Всѣ сословія уравниваются въ правахъ, и всѣ сословныя дѣленія уничтожаются. Всѣ жители страны называются гражданами и, группируясь въ «волости» по 1000 душъ въ каждой, образуютъ то, что теперь называется мелкой земской единицей. Каждый обитатель волости получаетъ по участку земли, а оставшійся излишекъ образуетъ общій фондъ волости. Указанной формой національзаціи земли Пестель думалъ устранить возможность образованія пролетаріата. Конечно, устанавливается принципъ земскаго самоуправленія. Въ области судоустройства Пестель думалъ ввести гласный судъ и институтъ присяжныхъ при сохраненіи бу-

мажнаго судопроизводства съ цѣлью устранить моральное давленіе адвокатовъ. Смертная казнь должна быть отмѣнена, хотя Пестель признавалъ необходимость повсюднаго военнаго положенія и раздѣленія Россіи на генералъ-губернаторства съ значительной властью генералъ-губернаторовъ.

Сфера вліянія Пестеля расширилась съ тѣхъ поръ, какъ Южное общество слилось съ обществомъ Соединенныхъ Славянъ. Пестель игралъ также выдающуюся роль въ сближеніи Южнаго общества съ польскимъ Патріотическимъ, хотя, признавая право поляковъ на независимость, отстаивалъ интересы тѣхъ русскихъ, которые оказались въ предѣлахъ прежней Польши. Это сближеніе Южнаго общества съ Патріотическимъ польскимъ нельзя считать серьезнымъ и прочнымъ. Въ вопросахъ тактики Пестель держался крайнихъ мѣръ и пріемовъ: онъ рекомендовалъ возмущеніе войскъ и цареубійство. Въ 1825 г. Пестель уже не проявлялъ прежняго рвенія къ дѣятельности Южнаго общества, потому что все яснѣе видѣлъ его неподготовленность къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и разъединеніе съ Сѣвернымъ. 13 декабря 1825 г. онъ былъ арестованъ. Во время слѣдствія и суда онъ велъ себя чрезвычайно твердо и сдержанно.

Когда Пестель увидѣлъ, что правительству извѣстны всѣ подробности заговора, то онъ совершенно откровенно, не щадя себя, изложилъ свою роль въ предпріятіи и выразилъ твердую увѣренность въ необходимости переворота для блага Россіи и непоколебимое убѣжденіе въ правильности своего образа дѣйствій. Въ своихъ показаніяхъ члены Южнаго общества много говорили о Пестелѣ и даже преувеличивали его вліяніе на нихъ. Повидимому, Пестель создалъ свои политическіе идеалы на основаніи, главнымъ образомъ, западно-европейскихъ теорій, при недостаточномъ знакомствѣ съ окружающими условіями русской дѣйствительности, къ которой онъ и не могъ

быть близокъ, благодаря складу семейной обстановки въ родительскомъ домѣ и долголѣтнему пребыванію за границей. Его политическій идеалъ былъ республиканскій съ примѣсью нѣкоторыхъ соціалистическихъ чертъ. Движенію, въ которомъ онъ принялъ участіе и главой котораго скоро сдѣлался, онъ придалъ характеръ политическаго заговора и усвоилъ якобинскую форму для достиженія своихъ цѣлей. Въ обширномъ планѣ преобразованій, извѣстнаго подъ именемъ «Русской Правды», Пестелю, по свидѣтельству кн. Волконскаго, предоставлена была военная организація и военная часть. Пестель былъ небольшого роста, имѣлъ умное, пріятное лицо, высокій лобъ, длинные передніе зубы. «П. И. Пестель, говоритъ Басаргинъ, былъ человѣкъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. Будучи хорошо образованъ, онъ говоритъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такой логикой, съ такой послѣдовательностью и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противу его вліянія. Съ юныхъ лѣтъ посвятивъ себя изученію и обсужденію политическихъ и общественныхъ вопросовъ, онъ въ особенности былъ увлекателенъ, когда разсуждалъ объ этихъ вопросахъ». Кн. Волконскій въ своихъ «Запискахъ» не разъ отмѣчаетъ выдающіяся умственныя качества Пестеля и его необыкновенную энергію. Въ высшей степени властный и энергичный по натурѣ, умный, образованный и краснорѣчивый, Пестель владѣлъ даромъ подчинять себѣ волю и умъ другихъ. Это же подтверждаютъ всѣ знавшіе Пестеля. Сердце и чувство играли второстепенную роль въ жизни Пестеля: доктринеръ и теоретикъ, онъ увлекалъ людей яркостью своего краснорѣчія, убѣдительностью аргументовъ, широкими и заманчивыми горизонтами, которые онъ раскрывалъ передъ ними. Личное честолюбіе играло самую малую роль въ политической дѣятельности Пестеля. Временное правительство, во главѣ кото-

раго онъ предполагалъ стать, должно было сложить всѣ свои полномочія черезъ 10 лѣтъ, когда жизнь обновленной Россіи была бы приведена въ порядокъ. Тогда Пестель предполагалъ даже удалиться въ монастырь.

Пестель въ послѣдніе дни своей жизни сохранялъ полное хладнокровіе и безъ малѣйшаго волненія ждалъ неизбѣжнаго конца. Пріобщившись св. таинъ у пастора Рейнбота, онъ просилъ не сопровождать его на эшафотъ, говоря, что достаточно и православнаго священника, такъ какъ Спаситель у всѣхъ христіанъ одинъ. Невозмутимый, спокойный, въ сознаніи исполненнаго долга патріота и гражданина, Павелъ Ивановичъ Пестель въ 5 часовъ 26 іюля 1825 г. скончался. По отзыву Пушкина, Пестель былъ «умнымъ человѣкомъ во всемъ смыслѣ этого слова... однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ», которыхъ онъ только зналъ.

Повало-Швейковскій И. С.

Иванъ Семеновичъ Повало-Швейковскій, полковникъ саратовскаго пѣхотнаго полка, родился въ 1791 г. и учился сначала въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, затѣмъ дома подъ руководствомъ учителей Новикова, Готарда и Абраля. Во всей русской арміи онъ отличался замѣчательной личной храбростью и первымъ со своимъ батальономъ вступилъ въ Парижъ въ 1814 г. Онъ принадлежалъ къ Южному обществу и былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на лишеніе свободы покойнаго государя императора въ Бобруйскѣ и при Бѣлой Церкви, а нынѣ царствующаго государя императора въ Бобруйскѣ, и зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища». Причисленный къ I разряду осужденныхъ, Повало-Швейковскій былъ приговоренъ къ 20-лѣтней каторгѣ и затѣмъ вѣчному поселенію (вмѣсто смертной казни, послѣ смягченія приговора). По освобожденіи въ 1839 г. отъ каторжныхъ работъ, онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на поселеніи въ Восточной Сибири и затѣмъ былъ переведенъ въ Курганъ, куда прибылъ 9 февраля 1840 г. Получая денежное пособіе отъ матери, жившей въ Смоленской губ., Повало-Швейковскій все время жизни на поселеніи былъ достаточно обезпеченъ, такъ что пріобрѣлъ себѣ довольно обширный домъ. Въ теченіе своего пребыванія въ Курганѣ

Иванъ Семеновичъ
Повало-Швейковскій.

Швейковскій велъ скромную жизнь, аттестовался администраціей «весьма хорошо» и показывался ею «ничѣмъ не занимающимся». Въ послѣдніе два года онъ постоянно хворалъ и скончался 10 мая 1845 г., оставивъ флигель своего дома и часть движимаго имущества вдовѣ Аннѣ Казенковой, ухаживавшей за нимъ во время его долговременной болѣзни. Полковникъ Повало-Швейковскій былъ рядовымъ членомъ Южнаго общества, въ которое вступилъ скорѣе всего изъ-за оскорбленнаго самолюбія. По словамъ Вадковскаго, «съ него было какое-то денежное взысканіе, которое онъ почиталъ несправедливымъ. Командиръ 3 корпуса Ротъ объявилъ ему, что взысканіе съ него отмѣняется, и что онъ долженъ почитать это за особенную милость къ себѣ императора. Швейковскій съ своей стороны объявилъ Роту, что онъ никакъ не принимаетъ за милость то, что съ него не взыскиваютъ денегъ, которыхъ и взыскивать не слѣдовало. Ротъ представилъ высшему начальству о такомъ дерзкомъ поступкѣ полк. Швейковскаго, вслѣдствіе чего у него отняли полкъ, и онъ, не командуя имъ, оставался при немъ». Когда началось движеніе при Бѣлой Церкви, Повало-Швейковскій отказался примкнуть къ нему, какъ это сообщили Бестужевъ и Андреевичъ. Будучи выбранъ въ Петровскомъ заводѣ старостой большой артели, онъ оказался плохимъ хозяиномъ и распорядителемъ, кормилъ своихъ товарищей плохо и неопрятно и вскорѣ былъ отставленъ.

Поджіо А. В.

Александръ Викторовичъ Поджіо, отставной полковникъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изысканіемъ къ тому средствъ, избираніемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ, совѣтовалъ и убѣждалъ князя Волконскаго возмутить ввѣренныя ему войска». Онъ былъ отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, что было замѣнено вѣчной каторжной работой. Поджіо родился въ 1797 г. Отецъ Поджіо переселился изъ итальянской провинціи Новара въ Одессу, испуганный наступленіемъ революціонной бури въ Италіи, выстроилъ тамъ домъ и пріобрѣлъ имѣніе въ Кіевской губерніи. Поджіо до 12 лѣтъ учился въ одесскомъ институтѣ, а потомъ поступилъ въ гвардію, именно въ преображенскій полкъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Іосифомъ. Обладая горячимъ южнымъ темпераментомъ, Поджіо чрезвычайно увлекся новымъ направленіемъ, охватившимъ передовую военную молодежь того времени. Чувствуя разладъ своихъ убѣжденій съ служебной дѣятельностью и потерявъ всякую надежду на перемѣну къ лучшему, онъ въ 1822 или 1823 г. вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи матери. Хотя здѣсь онъ сошелся съ Юшневскимъ, Пестелемъ и др., однако и теперь не видѣлъ скорой возможности осуществить свои мечты. Разочарованный, онъ хотѣлъ уже ѣхать въ Америку, но событіе 14 декабря коснулось и его: онъ былъ арестованъ,

Александръ Викторовичъ
Поджіо.

заключенъ сначала въ Кексгольмъ, а потомъ сосланъ въ Читу. Во время пребыванія въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ Поджіо съ особеннымъ рвеніемъ занимался огородничествомъ—разводилъ арбузы, дыни, спаржу, цвѣтную капусту. До него въ этихъ мѣстностяхъ разводили только лукъ и обыкновенную капусту. Въ концѣ 30-хъ годовъ онъ былъ поселенъ въ Усть-Кудѣ, верстахъ въ 23-4-хъ отъ Иркутска, а въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ переѣхалъ въ Иркутскъ, гдѣ занимался педагогическою дѣятельностью и оказался не только превосходнымъ учителемъ, но и идеальнымъ воспитателемъ. Въ 1851 или 1852 г. Поджіо женился на 26-лѣтней классной дамѣ иркутскаго института Ларисѣ Андреевнѣ Смирновой, москвичкѣ. Для увеличенія средствъ на содержаніе семьи Поджіо занялся золотопромышленностью и увлекся ею, какъ увлекался вообще каждымъ своимъ дѣломъ. Но золото ему не давалось, а золотопромышленность доставляла одни только убытки. Съ генер.-губ. гр. Муравьевымъ Поджіо сошелся очень близко, хотя ни за что не хотѣлъ показываться на его оффиціальныхъ пріемахъ и балахъ, но въ тѣсномъ кружкѣ своихъ семействъ они бывали другъ у друга постоянно, а лѣтомъ, когда Муравьевъ уѣзжалъ, обыкновенно, на Амуръ, графиня переселялась, какъ бы на дачу, въ небольшой домикъ Поджіо и жила тамъ въ одной комнатѣ. 3 мая 1859 года Поджіо оставилъ Иркутскъ, по приглашенію своего племянника, такъ какъ его дѣла въ Иркутскѣ пошли очень плохо. Посѣтивъ Москву и Петербургъ, Поджіо поселился на нѣкоторое время въ торопецкомъ имѣніи племянника. Но положеніе бѣднаго родственника на-хлѣбахъ обидѣло Поджіо, и онъ въ 1860 г. отправился управлять Никольскимъ, имѣніемъ своего стараго знакомаго Дарагана. Въ 1864 г. Поджіо съ семьей переѣхалъ за границу и поселился въ Женевѣ. Въ 1871 г. Поджіо переселился во Флоренцію, чтобы дать музыкальное образованіе своей

дочери. Почувствовавъ приближеніе смерти, Поджіо переѣхалъ въ Россію и скончался 6 іюня 1873 г. въ Воронкахъ, имѣніи Волконскихъ, въ Воронежской губерніи. По прекраснымъ качествамъ своей души Поджіо былъ рѣдкимъ явленіемъ даже среди декабристовъ. «Тяжелая ссылка и испорченная жизнь, говоритъ Бѣлоголовый, только закалили въ немъ рыцарское благородство, искренность и прямодушіе въ отношеніяхъ и при этомъ придали ему рѣдкую мягкость, незлобіе и терпимость къ людямъ, которая до конца его жизни дѣйствовала обаятельно на всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться. Я много странствовалъ по свѣту, много знавалъ хорошихъ людей, — однако другого такого идеальнаго типа альтруиста мнѣ не приходилось встрѣчать. Съ безукоризненной чистотой своихъ нравственныхъ правилъ, съ непоколебимой вѣрностью имъ и послѣдовательностью во всѣхъ своихъ поступкахъ и во всѣхъ мелочахъ жизни, съ неподкупной строгостью къ самому себѣ онъ соединялъ необыкновенную гуманность къ другимъ людямъ и снисходительность къ ихъ недостаткамъ и въ самомъ несимпатичномъ человѣкѣ онъ умѣлъ отыскать хорошую человѣческую сторону, искру добра, и старался раздуть эту искру; дѣлалъ онъ это какъ то просто, безыскуственно, въ силу инстинктивной потребности своей прекрасной натуры. Оттого то, будучи человѣкомъ средняго, не выдающагося ума, онъ производилъ сильное впечатлѣніе на окружающихъ, главное, своей нравственной чистотой и духовной ясностью, и всякій въ бесѣдѣ съ нимъ ощущалъ, какъ съ него постепенно сходила черствая кора условныхъ привычекъ и ходячей морали, и въ его присутствіи всякій чувствовалъ себя чище и становился примиреннѣе съ людьми. За то всѣ знавшіе его не только къ нему сильно привязывались, но у многихъ любовь эта доходила до боготворенія».

Пущинъ И. И.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ, коллежскій ассесоръ, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ». Пущинъ былъ отнесенъ къ I разряду и, по смягченіи приговора, осужденъ на вѣчныя каторжныя работы. Пущинъ родился въ 1798 г. Въ 1811 г. онъ поступилъ въ только что открытый царскосельскій лицей. Для нѣкоторыхъ изъ будущихъ декабристовъ, получившихъ образованіе въ царскосельскомъ лицеѣ, этотъ періодъ былъ какъ бы прообразомъ читинскаго и петровскаго по развитію товарищескаго и общественнаго чувства. «Мы скоро сжились, свыклись, говоритъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Образовалась товарищеская семья, въ этой семьѣ—свои кружки, въ этихъ кружкахъ начали обозначаться, больше или меньше, личности каждаго; близко узнали мы другъ друга, никогда не разлучаясь,—тутъ образовались связи на всю жизнь». Лицеисты, какъ извѣстно, никогда и никуда не получали отпусковъ. Въ лицеѣ была порядочная библіотека, читались газеты, особенно въ 1812 г. Профессора часто бесѣдовали съ воспитанниками, разъясняли имъ читаемыя газеты и современные факты. Въ лицеѣ началась дружба Пущина съ Пушкинымъ, не прекращавшаяся въ теченіе всей жизни по-

слѣдняго. Энергическій характеръ Пущина, его доброта, твердость и благородство убѣжденій привязывали къ нему всѣхъ съ первой минуты знакомства. На Пушкина онъ имѣлъ сильное вліяніе. Вступивъ еще въ лицеѣ въ «особенный кружокъ», какъ говоритъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», Пущинъ не пожелалъ сблизить съ нимъ Пушкина, вѣроятно, предвидя въ немъ первокласснаго поэта и потому оберегая его будущее. По выходѣ изъ лицея Пущинъ поступилъ сначала въ конную артиллерію, но служебныя непріятности, а еще болѣе неудовлетворенная жажда дѣятельности, заставили его предпочесть гражданскую службу, и онъ поступилъ судьей въ уголовный департаментъ московскаго надворнаго суда. Этотъ переходъ имѣлъ въ то время особенное значеніе: служба въ низшихъ судебныхъ должностяхъ считалась въ то время унизительной вслѣдствіе низкаго умственнаго и нравственнаго уровня чиновничества и распространеннаго въ этихъ учрежденіяхъ взяточничества. Лицейское воспитаніе, начавшееся подъ сильнымъ вліяніемъ 1812 г., сформировало первый выпускъ воспитанниковъ въ духѣ горячихъ симпатій къ идеальнымъ гражданскимъ увлеченіямъ, къ которымъ такъ склонна была въ то время молодая часть общества, особенно военно-аристократическая. Пущинъ тотчасъ же по выходѣ изъ лицея вступилъ въ «Союзъ Благоденствія», основанный въ 1817 г. По своимъ задачамъ, это общество должно было имѣть чисто нравственное вліяніе; его члены представляли себѣ это общество союзомъ, «который долженъ былъ давать нравственную поддержку ихъ личнымъ усиліямъ въ служеніи общему благу, говоритъ Пыпинъ. Уставъ указывалъ цѣль, къ которой они не только могли стремиться вполнѣ законными путями, но даже именно въ видахъ правительства». Въ числѣ правилъ, принятыхъ «Союзомъ Благоденствія», значилось, чтобы его члены не уклонялись отъ общественныхъ обязан-

Иванъ Ивановичъ
Пущинъ.

ностей; имъ представлялось необходимымъ, между прочимъ, вывести гражданскую службу изъ состоянія того упадка, въ которомъ она находилась въ то время. Исходя изъ той мысли, что на службѣ государству нѣтъ унизительныхъ обязанностей, и желая морализировать среду, послѣдовательный Пущинъ хотѣлъ даже занять одно изъ низшихъ полицейскихъ мѣстъ, и только усиленныя просьбы родныхъ и знакомыхъ отклонили его отъ этого намѣренія. Дѣятельность Пущина, какъ судьи, характеризуется словами Пушкина.

Ты, освятивъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

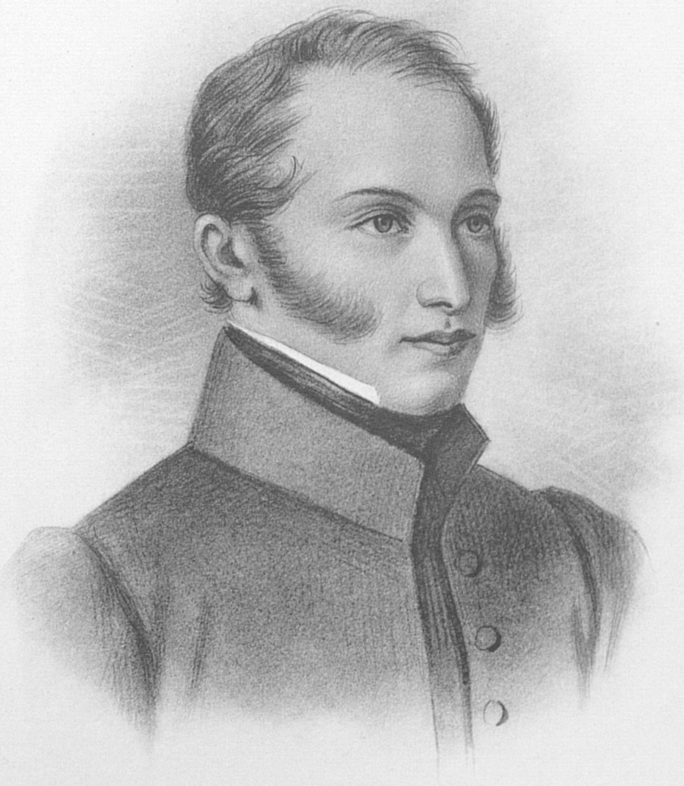
Когда изъ упраздненнаго «Союза Благоденствія» образовалось Сѣверное общество, Пущинъ вошелъ въ него. Въ 1839 г. Пущинъ былъ переведенъ изъ Петровскаго завода на поселеніе въ Туринскъ, куда и прибылъ 9 октября 1839 г. Климатъ Сибири вредно дѣйствовалъ на его здоровье, и потому еще въ Туринскѣ онъ началъ хлопотать о переводѣ въ другое мѣсто, болѣе благопріятное въ климатическомъ отношеніи. 19 іюля 1843 г. онъ былъ переведенъ въ Ялуторовскъ, гдѣ и жилъ вмѣстѣ съ кн. Оболенскимъ до женитьбы послѣдняго. Въ матеріальномъ отношеніи жизнь Пущина на поселеніи была обезпечена тѣми средствами, которыя онъ получалъ отъ родственниковъ изъ Россіи. Туринская полиція сообщала, что онъ, «кромѣ чтенія книгъ, ничѣмъ не занимался»; переѣхавъ въ Ялуторовскъ, онъ, кромѣ этого, сталъ заниматься и сельскимъ хозяйствомъ. Пущинъ не отличался особенной красотой, но былъ очень видный мужчина. Глубокіе, умные сѣрые глаза, привѣтливая улыбка красиваго рта придавали много прелести его лицу и выкупали излишнюю ширину нижней части носа. Юношеская веселость нрава, смѣхъ, забавныя, мѣт-

кія остроты дѣлали чрезвычайно пріятнымъ его общество. Онъ любилъ женщинъ, но былъ разборчивъ для брака: красавица, но безъ яснаго отпечатка хорошаго общества не имѣла въ его глазахъ никакой прелести. Поэтому между сибирячками ему могли нравиться лишь дочери его товарищей, но для нихъ онъ былъ старъ. Во всемъ тщательно избѣгая комическаго, онъ никогда не ухаживалъ за молоденькими дѣвушками. Вдовушки составляли главную заботу и главное несчастіе Пущина: онѣ очень интересовались имъ, устраняя въ крайнихъ случаяхъ не только необходимость брака, но и взаимныхъ чувствъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы Оболенскаго, одна изъ вдовъ подарила ему сына, благодаря своей настойчивости, и потомъ потребовала, чтобы онъ женился на ней. Пущинъ согласился, но далъ слово застрѣлиться тотчасъ же послѣ вѣнчанія. Дорожа его жизнью и спокойствіемъ, молодая женщина уѣхала изъ Ялуторовска, оставивъ ему сына. Въ 1856 г. Пущинъ оставилъ Сибирь и вскорѣ вступилъ въ бракъ съ вдовой фонъ-Визина, Натальей Дмитріевной. Онъ скончался 3 апрѣля 1859 г. въ усадьбѣ Марьинѣ, близъ Бронницъ, Московской губ.

Розенъ А. Е.

Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, поручикъ лейбъгвардіи финляндскаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, остановивъ свой взводъ, посланный для усмиренія мятежниковъ». Причисленный къ V разряду, онъ былъ приговоренъ къ каторжной работѣ на 10 лѣтъ и затѣмъ ссылкѣ на поселеніе. Розенъ родился 3 ноября 1799 г. въ имѣніи Ментокѣ Эстляндской губ. Отецъ его былъ небогатый дворянинъ, сельскій хозяинъ, учившійся въ лейпцигскомъ университетѣ. Воспитаніе мальчика находилось исключительно въ рукахъ матери, не получившей образованія, но доброй, умной и съ твердыми правилами. Семья Розеновъ была патріархальная семья стариннаго нѣмецкаго склада. Мальчику съ малолѣтства были внушены «добрая вѣра и нравственность» «отъ отеческаго живаго примѣра благочестія въ практической жизни родителей, отъ всегдашней покорности ихъ волѣ Божіей, отъ обходительности ихъ съ людьми и прислугой», какъ говоритъ самъ Розенъ въ своихъ «Запискахъ». До 12 лѣтъ Розенъ учился дома у гувернантки, приглашенной изъ Дерпта, а въ 1812 г. поступилъ въ нарвское народное училище съ платой за ученье по 5 р. въ годъ и по сажени дровъ. Розенъ на квартирѣ жилъ въ семействѣ одного мѣстнаго купца, а на каникулы ѣздилъ домой, къ родителямъ, съ обратными подводами, доставлявшими въ Нарву вино, и ночевалъ въ пути подлѣ костра, на открытомъ воздухѣ, среди

крестьянъ. Въ каникулярное время, послѣ обѣда, отецъ заставлялъ мальчика читать ему вслухъ газету или что-нибудь изъ Вольтера, а вечеромъ экзаменовалъ изъ прочитаннаго и разсказывалъ о своемъ шестилѣтнемъ ученьи въ Лейпцигѣ. Послѣ здороваго и спокойнаго дѣтства Розенъ въ 1815 г. поступилъ въ 1-й кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, гдѣ не пріобрѣлъ большихъ познаній, но лишь привычку къ умѣренной, даже суровой жизни, и развилъ въ себѣ сильный духъ товарищества. 20 апрѣля 1818 г. Розенъ былъ произведенъ въ прапорщики и поступилъ въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ и черезъ $1^1/_2$ г. былъ уже подпоручикомъ. Не смотря на крайнюю ограниченность его средствъ, онъ отличался рѣдкой въ то время честностью при исполненіи служебныхъ порученій. Какъ офицеръ, онъ отличался удивительной аккуратностью. «Жизнь моя беззаботно текла, говоритъ онъ, среди служебныхъ обязанностей, въ кругу товарищей и въ умственныхъ занятіяхъ, по мѣрѣ возможности пріобрѣтать книги». Бывая нѣсколько разъ въ годъ въ домѣ Н. И. Греча, какъ сослуживецъ его брата, Розенъ встрѣчался тамъ съ Карамзинымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ, а также, вѣроятно, и съ литераторами изъ числа будущихъ декабристовъ. Черезъ Рѣпина онъ познакомился съ Рылѣевымъ. Общее настроеніе передовой военной молодежи того времени охватило и молодого, скромнаго Розена. «Съ 1822 г., говоритъ онъ, по возвращеніи гвардіи съ похода въ Литву, замѣтно было, что между офицерами стали выказываться личности, занимавшіяся не одними только ученьями, картами и уставомъ воинскимъ, но чтеніемъ научныхъ книгъ. Бесѣды шумныя, казарменныя о прелестяхъ женскихъ, о поединкахъ, попойкахъ и охотѣ становились рѣже, а вмѣсто нихъ все чаще были слышны сужденія о политической экономіи Сэя, объ исторіи, о народномъ образованіи. Мѣсто негасимой трубки замѣнили на нѣсколько часовъ въ день

Баронъ

Андрей Евгеніевичъ

Розенъ.

книги и перо, а вмѣсто билетовъ въ театръ стали брать билеты на полученіе книгъ изъ библіотеки». Воспитанный въ нравственной простотѣ, выросши въ странѣ болѣе культурной, Розенъ съ отвращеніемъ и негодованіемъ смотрѣлъ на тѣ отношенія, которыя установились въ Россіи между офицерами и солдатами, помѣщиками и крестьянами, и это сблизило его съ членами Сѣвернаго общества, имѣвшими одинаковые взгляды и чувства. «Многіе изъ офицеровъ, говоритъ Розенъ, почтили за заповѣдь чести раздѣлить опасность и бѣду съ мужами, которыхъ они знали за благороднѣйшихъ передовыхъ подвижниковъ новѣйшихъ идей. Увѣренность принадлежать къ числу лучшихъ людей дѣйствовала гораздо сильнѣе, чѣмъ страхъ отъ смерти и изгнанія». Къ числу такихъ офицеровъ принадлежалъ и Розенъ, въ которомъ было очень развито чувство чести. Все участіе Розена въ событіи 14 декабря состояло въ томъ, что онъ задержалъ 1-й батальонъ финляндскаго полка на Исаакіевскомъ мосту, остановивъ свой стрѣлковый взводъ, находившійся впереди: убѣдившись, что у его товарищей нѣтъ единства дѣйствій, онъ не хотѣлъ проливать напрасно крови, не желая стать и въ ряды противной стороны. Болѣе года провелъ Розенъ въ Петропавловской крѣпости и 5 февраля 1827 г. былъ отправленъ въ Сибирь въ одной партіи съ М. Кюхельбекеромъ, Рѣпинымъ и Глѣбовымъ. Отправили ихъ, какъ обыкновенно бывало, около полуночи. «Свѣтъ луны и ярко горящихъ звѣздъ освѣщалъ нашу дорогу, говоритъ онъ въ «Запискахъ». Тихой рысью переѣхали Неву. Я все глядѣлъ на сторону Васильевскаго острова, благословлялъ жену и сына. Я зналъ, что жена въ то время стояла на молитвѣ; она, извѣщая отца моего о моей отправкѣ и припоминая эту свѣтлую звѣздную ночь, написала ему слова Паскаля: «Il n'y a rien de plus beau dans le monde que le ciel étoilé et le sentiment du devoir dans le coeur de l'homme». Мы под-

нялись на другой берегъ Невы у Мраморнаго дворца, поворотили къ Литейной, оттуда черезъ Офицерскую улицу на Невскій проспектъ мимо Александровской лавры къ Шлиссельбургской заставѣ. Мало видѣли домовъ освѣщенныхъ; улицы въ ночное время были пусты; только слышны были оклики будочниковъ и изрѣдка встрѣчались запоздалые празднователи масляницы». Розенъ и его спутники были въ кандалахъ. На станціяхъ ямщики обертывали ихъ ноги сѣномъ, чтобы не было холодно отъ оковъ. При остановкѣ въ Ярославлѣ площадь быстро наполнилась народомъ. Лишь только открылись ворота тюрьмы, тройки бросились стрѣлой. Розенъ едва успѣлъ снять шапку и поклониться народу — и «вмигъ всѣ съ поклономъ сняли шапки и фуражки». Путешествіе продолжалось безпрерывно. «Скакали день и ночь. Въ саняхъ дремать было неловко, ночевать въ кандалахъ и одеждѣ было неспокойно, потому дремали на станціяхъ по нѣскольку минутъ во время перепряжки. Въ Глазовѣ ночевали и на нѣсколько минутъ отомкнули желѣзо, чтобы только можно было перемѣнить бѣлье». Путешествіе Розена по Сибири, какъ и прочихъ декабристовъ, было легче и сопровождалось даже иногда пріятными впечатлѣніями. «На ночлеги или во время обѣда и ужина останавливались въ чистыхъ и опрятныхъ избахъ, гдѣ хозяева радушно насъ угощали и ни за что не хотѣли брать платы. Повсемѣстно отъ Тобольска до Читы принимали насъ отлично и усердно, навязывали будки на сани, укутывали, чѣмъ могли и провожали съ благословеніями». Въ Красноярскѣ купецъ Старцевъ принялъ Розена и его спутниковъ въ своемъ домѣ, «угостилъ по-барски обѣдомъ, а вечеромъ по-русски славной баней». Чита, куда прибылъ Розенъ, была въ то время весьма ничтожнымъ поселеніемъ: ветхая деревянная церковь, дворовъ 20 горнозаводскихъ крестьянъ, домъ оберъ-гиттенфервальтера Смольянинова, небольшой хлѣб-

ный магазинъ и амбаръ для склада угольевъ. До построенія острога, декабристы, которыхъ вначалѣ было до 30 человѣкъ, помѣстились въ 2 крестьянскихъ домахъ, обнесенныхъ частоколомъ. «Цѣпи наши не давали намъ много ходить, говоритъ Розенъ, но по мѣрѣ, какъ стали къ нимъ привыкать и пріучились лучше поворачивать ихъ на ремнѣ или вокругъ пояса или вокругъ шеи на широкой тесьмѣ, то могли ходить въ нихъ даже скоро, даже вальсировать. Между домикомъ и частоколомъ было пространство въ 2 сажени шириной, по коему прохаживались нѣсколько разъ въ день. 24 мая по утру насъ вывели съ вооруженнымъ конвоемъ на открытое просторное мѣсто, гдѣ встрѣтили товарищей, прибывшихъ туда изъ другого острога. Свиданіе было радостное; оно повторялось дважды въ день—по утру отъ 8—12, и послѣ обѣда отъ 2—5. На площадкѣ лежали заступы, кирки, носилки и тачки. Первая наша работа началась тѣмъ, что мы сами вырыли фундаментъ къ новой нашей темницѣ и ровъ въ сажень глубины для частокола въ 5 саженъ вышиной. Невольно припомнили, что швейцарцевъ заставили построить для самихъ себя крѣпость Швицъ-Ури». Спали на нарахъ, постилая шубы и войлока. Ночью, при закрытыхъ дверяхъ, воздухъ становился очень душнымъ, и лишь только открывались двери, съ утренней зарей, Розенъ спѣшилъ изъ камеры на открытый воздухъ освѣжиться. Въ это первое время книгъ у заключенныхъ было очень мало, а карты сами заключенные рѣшили не допускать въ тюрьму, чтобы устранить всякій поводъ къ ссорамъ; бумага и перья имъ строжайше воспрещались. Только въ сентябрѣ 1827 г. Розенъ и его товарищи были переведены въ общій острогъ, составлявшій 4 большихъ помѣщенія. Съ этого времени заключенные устроились удобнѣе. «Вмѣсто наръ, говоритъ Розенъ, заказаны были на собственныя деньги кровати, не для того, чтобы спокойнѣе спать, но

чтобы держать комнаты въ бо́льшей опрятности: подъ кроватями можно было мыть и мести полы. Столъ былъ у насъ общій; обѣдали по своимъ комнатамъ, накрывали столы сами, по очереди, по дежурству, сами ставили самоваръ». Хозяйство заключенныхъ было организовано на артельныхъ началахъ. «Черезъ каждые 3 мѣсяца, говоритъ Розенъ, при выборѣ новаго хозяина, каждый изъ артели назначалъ, сколько могъ дать, по своимъ средствамъ, въ общую артельную сумму, которой распоряжался хозяинъ, на пищу, чай, сахаръ и мытье бѣлья. Одежду и бѣлье носили мы всѣ собственныя. Рѣшительно все дѣлили между собой—и горе, и копейку. Дабы не тратить денегъ даромъ, или на неспособныхъ портныхъ, то нѣкоторые изъ числа товарищей сами кроили и шили платье». Здоровые товарищи доканчивали уроки больныхъ или слабосильныхъ, и Розенъ исполнялъ обыкновенно работу Митькова. Въ 9 час. вечера, по пробитіи зари, заключеннымъ не давали свѣчъ, и «какъ невозможно было такъ рано уснуть, говоритъ Розенъ, то мы или бесѣдовали въ потемкахъ, или слушали разсказы М. К. Кюхельбекера о кругосвѣтномъ его путешествіи и Корниловича изъ отечественной исторіи». «Въ часы досужные отъ работъ, продолжаетъ Розенъ описаніе своей жизни, имѣли мы самое занимательное и поучительное чтеніе: кромѣ всѣхъ журналовъ и газетъ русскихъ, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, имѣли хорошія библіотеки Н. М. Муравьевъ, С. Г. Волконскій, С. П. Трубецкой. Невозможно было одному лицу прочитать всѣ журналы и газеты, полученные отъ одной почты до другой, почему они были распредѣлены между многими читателями, которые передавали изустно самыя важныя новости, открытія и событія. Сверхъ того, многіе изъ моихъ товарищей получили классическое образованіе, бесѣды ихъ были полезнѣе всякой книги; ихъ мы упросили читать намъ лекціи въ продолженіе долгихъ зимнихъ вечеровъ».

Розенъ, какъ и многіе его товарищи-декабристы, не получившіе раньше достаточно серьезнаго образованія, пополнили этотъ пробѣлъ во время своего заключенія. «Образованность умныхъ товарищей, говоритъ онъ, имѣла большое вліяніе на тѣхъ изъ насъ, которые прежде не имѣли ни времени, ни средствъ обогатиться познаніями. Нѣкоторые изъ нашихъ начали учиться иностраннымъ языкамъ». «Многіе изъ нашихъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, изучили не только языкъ книжный, но и разговорный. Въ послѣднемъ отношеніи всего забавнѣе было съ англійскимъ языкомъ — сколько споровъ и сколько смѣху и сколько звуковъ, совершенно не соотвѣтствовавшихъ сложенію буквъ! Такъ что Лунинъ, въ совершенствѣ знавшій англійскій языкъ, всегда упрашивалъ: «Читайте, господа, и пишите по англійски, сколько хотите, только не говорите на этомъ языкѣ!» Кромѣ научныхъ занятій, заключенные занимались ремеслами, музыкой, пѣніемъ. «Комнаты наши были тѣсны, заставлены по всѣмъ стѣнамъ кроватями; некуда было помѣстить станокъ токарный или столярный. Нѣкоторые желали учиться играть на скрипкѣ, на флейтѣ, но совѣстились терзать слухъ товарищей; по этой причинѣ избралъ я для себя самый скромный, но и благородный инструментъ — чеканъ; съ помощью самоучителя разобралъ я ноты и каждый вечеръ употреблялъ на это условленные ½ часа. На этомъ инструментѣ учился со мной Фаленбергъ. На слѣдующій годъ позволили выстроить на дворѣ острога 2 домика», и въ одномъ изъ нихъ помѣстились столярная и переплетная мастерскія, а въ другомъ рояль и фортепіано. Физическое здоровье Розена, какъ и всѣхъ его товарищей, нисколько не пострадало въ заключеніи, чему не мало содѣйствовали правильная жизнь и здоровая, простая ихъ пища. «Пища у насъ была простая и здоровая; часто удивлялся я умѣренности и довольству тѣхъ товарищей, которые привыкли всю

жизнь свою имѣть лучшихъ поваровъ и никогда безъ шампанскаго и дессерта не обѣдали, а теперь, безъ сожалѣнія о прошломъ, довольствовались щами, кашей, запивали квасомъ или водой. Гастрономовъ было много между нами; они сознавались, что никогда теперь не терпѣли отъ голода, но за то никогда досыта не наѣдались». Какъ истый нѣмецъ, Розенъ и въ заключеніи былъ очень аккуратенъ и велъ строго правильную жизнь. Всѣхъ аккуратнѣе онъ ходилъ ежедневно по нѣскольку часовъ для сбереженія здоровья, и товарищи въ шутку прозвали его Кино фонъ-Кобургъ. «Это былъ человѣкъ рыцарскаго характера, прямой, правдивый, всегда важный, серьезный и неуклонно точный въ исполненіи всего, что у него положено было для каждаго часа, говоритъ Бѣляевъ. Онъ подверженъ былъ глазнымъ воспаленіямъ и въ это время началъ нюхать французскій табакъ, который, оттягивая отъ глазъ приливы, вскорѣ уничтожилъ болѣзнь; но далѣе онъ уже не позволялъ себѣ нюхать, считая прихотью эту привычку. По вечерамъ онъ обыкновенно игралъ на чеканѣ съ Фаленбергомъ и тоже только въ извѣстное время, оканчивая музыку тоже въ извѣстный часъ, положенный для этого развлеченія». Наружность Розена, какъ видно изъ его со статейнаго списка 20 іюля 1832 г., была въ то время такова: «ростомъ 2 арш. 9½ вер., лицомъ бѣлъ, волосы на головѣ, бровяхъ свѣтлорусые, носъ продолговатъ, глаза голубые, таліи стройной». Во время перехода заключенныхъ изъ Читы во вновь выстроенную тюрьму Петровскаго завода, въ августѣ 1830 г., къ нему пріѣхала его жена, Анна Васильевна, дочь бывшаго директора царскосельскаго лицея Малиновскаго, на которой онъ женился въ началѣ 1825 г. Баронесса Розенъ пріѣхала безъ сына Евгенія, взять котораго съ собой ей не было позволено. Въ 1832 г. Розенъ, по ходатайству тетки жены, дѣйствительной статской совѣтницы Самборской, былъ отправленъ на поселеніе въ Курганъ, куда онъ и вы-

ѣхалъ 11 іюля 1832 г.; слѣдомъ за нимъ выѣхала жена и сынъ Кондратій. Между Тарой и Тобольскомъ баронесса Розенъ разрѣшилась отъ бремени сыномъ, въ селѣ Фирстовѣ, почему Розенъ и просилъ губернатора какъ можно скорѣе отправить его въ Курганъ, до осенней распутицы. 19 сентября 1832 г. Розенъ прибылъ въ Курганъ. Этотъ городокъ въ то время имѣлъ всего 3 продольныхъ улицы, пересѣкаемыхъ 5 переулками. Всѣ строенія были деревянныя, кромѣ двухъ каменныхъ домовъ. Въ городѣ было мало садовъ, мало тѣни и зелени, лѣтомъ царила страшная пыль. Въ концѣ 1833 г. баронесса Розенъ купила на свое имя деревянный домъ за 2900 р., употребила на его ремонтъ до 1500 р., и вся семья зажила спокойно, не нуждаясь въ средствахъ, въ тихомъ Курганѣ, гдѣ жизнь въ то время была крайне дешева: пудъ ржаной муки стоилъ 7 к., фунтъ мяса 1½ к., десятокъ яицъ 1½ и пр. въ этомъ же родѣ. Вскорѣ Розены познакомились съ мѣстными чиновниками и особенно сошлись съ протоіереемъ Знаменскимъ. Жизнь Кургана того времени была типичная патріархальная жизнь стариннаго сибирскаго городка. «Каждый изъ чиновниковъ, пишетъ Розенъ, празднуетъ именины свои и всѣхъ членовъ своего семейства. Наканунѣ или за 2 дня разсылались приглашенія слѣдующаго содержанія: «такой-то приказалъ кланяться и просилъ пожаловать въ такой-то день на закуску, на обѣдъ и на вечеръ съ супругою». По утру начинаются поздравленія и закуска, въ 2 часа обѣдъ, вкусный и многоблюдный; послѣ обѣда всѣ разъѣзжаются по домамъ спать, а вечеромъ, въ 6 часовъ, собираются съ семействами на чай, танцы и ужинъ, что продолжается до 3—4 часовъ утра. Во время танцевъ подаютъ лимонадъ, черносливъ, изюмъ, миндаль, сушеные фрукты». Танцевали съ увлеченіемъ. Оркестръ состоялъ изъ віолончели, 2 скрипокъ и кларнета. Не танцующіе играли въ винтъ и бостонъ. Шумно и весело

провожали Розены масляницу среди курганскаго общества. «Въ послѣднiй день масляницы, говоритъ Розенъ, сколачивали огромныя сани изъ дровней, намощенныхъ досками. По 4-мъ угламъ укрѣплены 4 столба съ перекрестными перекладинками у верхнихъ концовъ; въ срединѣ перекладинъ горизонтально привязано колесо, на которомъ сидитъ и ломается шутъ или скоморохъ, въ ступицу вложенъ шестъ съ развѣвающимся значкомъ. Подъ такимъ балдахиномъ, на намощенныхъ доскахъ, уставлены скамейки для чиновниковъ и музыкантовъ. Шестерка лошадей съ форейторомъ везетъ этотъ экипажъ. Такъ разъѣзжаютъ чиновники по всѣмъ улицамъ отъ одного знакомаго до другого; хозяйки принимаютъ ихъ ласково, съ блинами и виномъ, и лобызаются со всѣми въ прощальный день передъ наступающимъ великимъ постомъ. Несмѣтное число троекъ, паръ и одиночекъ городскихъ и деревенскихъ жителей слѣдуетъ за этой процессiей съ колокольцами и пѣснями, что продолжается до поздняго вечера». Въ Курганѣ у Розена родилось еще двое сыновей и дочь, и онъ старался приготовиться къ роли воспитателя своихъ дѣтей: онъ читалъ, много писалъ, сочинялъ дѣтскiя повѣсти въ подражанiе «Поговоркамъ стараго Генриха» или «Мудрости добраго Ричарда». Въ 1842 году Розена увѣдомили, что его дѣти могутъ быть взяты для воспитанiя на казенный счетъ, если онъ согласится отказаться за нихъ отъ фамилiи и именовать ихъ по отчеству. Розенъ отказался отъ подобнаго предложенiя, какъ и всѣ декабристы, за исключенiемъ Давыдова. Фохтъ, Лореръ, Назимовъ, Нарышкинъ, Лихаревъ, фонъ-деръ-Бриггенъ очень скрашивали жизнь Розена въ Курганѣ. Когда въ 1835 г. каждый изъ декабристовъ получилъ 15-десятинный надѣлъ, Розенъ соединилъ съ своимъ участки Фохта, Лорера и Назимова и занялся земледѣлiемъ, удобрялъ свою землю золой съ сосѣдняго мыловареннаго завода и ввелъ у себя нѣкоторыя усо-

вершенствованныя орудія. Посѣщеніе Сибири и Кургана наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 г. имѣло для Розена то послѣдствіе, что ему было разрѣшено поступить рядовымъ на Кавказъ, куда онъ и отправился въ сентябрѣ 1837 г., не дожидаясь излѣченія вывихнутой имъ ноги въ началѣ этого года. Розенъ спѣшилъ воспользоваться отправленіемъ на Кавказъ, какъ переходной ступенью для возвращенія въ Россію. Изъ Тифлиса Розенъ отправленъ былъ въ Бѣлый Ключъ къ своему посту, откуда въ Пятигорскъ на воды для лѣченія ноги, а 10 января 1834 г. его уволили въ отставку съ обязательствомъ жить на родинѣ подъ присмотромъ полиціи. Въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ Розенъ поселяется въ селѣ Каменкѣ Изюмскаго уѣзда Харьковской губ. и дѣлается школьнымъ учителемъ, ясно сознавая все значеніе грамотности для крестьянъ. Крестьяне были постоянной заботой Розена, который не могъ примириться съ ихъ невѣжествомъ и бѣдностью, почему въ концѣ 70-хъ годовъ устроилъ въ Каменкѣ крестьянскій банкъ на собственный счетъ. Живо интересуясь дѣломъ освобожденія крестьянъ, Розенъ 2 трехлѣтія былъ мировымъ посредникомъ въ Изюмскомъ уѣздѣ. Уединившись подъ конецъ жизни въ селѣ Викнинѣ, близъ Изюма, Розенъ еще въ 1870 г. издалъ въ Лейпцигѣ свои интересныя «Записки», много работалъ, читалъ, напечаталъ стихотворенія Одоевскаго, и тамъ 19 апрѣля 1884 г. прервалась его жизнь, ясная и чистая, несмотря на всѣ испытанія. Всюду, въ Сибири, на Кавказѣ, въ деревнѣ, Розенъ сохранилъ бодрость, вѣру въ свои духовныя силы, всюду слѣдовалъ установленному для себя режиму, всюду удовлетворялъ свою духовную жажду наукой, чтеніемъ, литературными занятіями. Его бодрость, свѣжесть ума, энергія, гуманность, мягкость въ обращеніи внушали къ нему всеобщія симпатіи. Года за три до смерти въ его жилище ворвались грабители и едва не задушили его.

Хотя онъ и зналъ ихъ въ лицо, но настоялъ на прекращеніи слѣдствія: «Пускай себѣ живутъ и каются, что посягнули на убогій карманъ и бренную жизнь 82-лѣтняго старика. Покаяніе — лучшее врачеваніе и лучшее возмездіе за всѣ наши проступки, заблужденія и злыя дѣла». «Умираетъ человѣкъ, но живетъ имя его», какъ бы о себѣ сказалъ Розенъ въ своихъ «Запискахъ».

Петръ Николаевичъ
Свистуновъ.

Рылѣевъ К. Ѳ.

Кондратій Ѳеодоровичъ Рылѣевъ, отставной подпоручикъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство, назначалъ къ совершенію онаго лица, умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи и пріуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества, управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинять манифесты о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительные пѣсни и стихи и принималъ членовъ; пріуготовлялъ опасныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь». Онъ былъ поставленъ внѣ разрядовъ и приговоренъ къ смертной казни четвертованіемъ, что было замѣнено повѣшеніемъ. Рылѣевъ родился 18 сентября 1784 г. Его отецъ, бригадиръ екатерининскаго времени, былъ жестокій, крутой человѣкъ и нещадно наказывалъ сына за малѣйшую дѣтскую шалость. Съ женой отецъ Рылѣева обращался очень дурно, нерѣдко сажалъ ее въ погребъ. Мальчикъ вынесъ изъ родительскаго дома тяжелыя воспоминанія. Столь же дурное обращеніе ожидало Рылѣева и въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, куда онъ поступилъ въ 1801 г. Директоръ Клингеръ совершенно не занимался дѣлами корпуса, постоянно оставался въ своей квартирѣ и писалъ по-нѣ-

мецки; написанное отправлялъ за границу для печати, предупреждая въ то же время полицію, завѣдывавшую тогда цензурою, чтобы его сочиненія не допускались къ обратному ввозу въ Россію, такъ какъ они опасны для непросвѣщенной русской публики. Не занимаясь корпусомъ, Клингеръ тѣмъ не менѣе ввелъ тамъ частыя и жестокія тѣлесныя наказанія. Юныя сердца воспитанниковъ ожесточались. Маленькій Рылѣевъ былъ въ высшей степени предпріимчивый шалунъ, пылкій, славолюбивый. Тѣлесныя наказанія онъ переносилъ съ хладнокровіемъ и стоицизмомъ. Онъ часто принималъ на себя вину товарищей и за нихъ подвергался наказаніямъ, что привлекло къ нему множество друзей и почитателей. Лишь года за три до выпуска Рылѣевъ измѣнился, сталъ спокойнѣе и былъ выпушенъ въ артиллерію прапорщикомъ въ первомъ десяткѣ. Въ наукахъ математическихъ Рылѣевъ всегда былъ изъ посредственныхъ, но зато первенствовалъ въ словесныхъ. Изъ языковъ онъ основательно зналъ французскій и польскій, которому, кажется, научилъ его Зигмунтовичъ, одинъ изъ товарищей. Самыя «Думы» Рылѣева навѣяны книгой Нѣмцевича «Spiewy historychny». Повидимому, Рылѣевъ зналъ и нѣмецкій языкъ, такъ какъ въ 1820 г. былъ членомъ масонской ложи «Пламенѣющей Звѣзды», въ которой было всего трое русскихъ, и гдѣ всѣ пренія велись по-нѣмецки. Его поэтическій талантъ обнаружился еще во время пребыванія въ корпусѣ. По окончаніи курса въ корпусѣ, хорошо понимая недочеты своего образованія, Рылѣевъ всячески старался ихъ пополнить путемъ чтенія и бесѣдъ съ учеными и образованными людьми. Такъ, онъ хорошо былъ знакомъ съ проф. Плисовымъ, съ которымъ проводилъ цѣлые вечера въ бесѣдахъ о политической экономіи, со Строевымъ, у котораго онъ искалъ разъясненій разныхъ темныхъ мѣстъ русской исторіи. Въ его «Думахъ» очень замѣтны слѣды изученія лѣтописей. Посту-

Кондратій Өедоровичъ
Рылѣевъ.

пивъ на службу въ Американскую компанію, Рылѣевъ сблизился, благодаря своимъ занятіямъ по этой службѣ, съ нѣкоторыми лицами, имѣвшими вліяніе на государственныя дѣла и извѣстными своимъ образованіемъ и просвѣщенными взглядами (Сперанскій, Мордвиновъ), которыя были очень благосклонны къ нему. Рылѣевъ скоро сошелся и съ передовыми выдающимися литературными силами того времени, и его «русскіе завтраки» скоро получили громкую извѣстность. Дарованія, предпріимчивость, энергія Рылѣева, одушевлявшая его гражданская ревность, скоро сблизили его съ руководителями Сѣвернаго общества (въ началѣ 1823 г.), и если онъ не явился его единственной движущей пружиной, какой былъ Пестель въ Южномъ, то, во всякомъ случаѣ, по своей предпріимчивости и склонности къ скорѣйшему практическому осуществленію намѣченныхъ плановъ, стоялъ выше Н. Муравьева, Тургенева, Батенкова и др. теоретиковъ Сѣвернаго общества. Политическая программа Рылѣева недостаточно отчетлива и опредѣленна; повидимому, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ республики и стоялъ за конституціонную монархію. Въ успѣхъ самого предпріятія онъ вѣрилъ, хотя его нерѣдко угнетали сомнѣнія, которыя онъ старался подавлять поэтическимъ подъемомъ чувствъ. Гражданское чувство и тѣсно связанный съ нимъ патріотизмъ представляли главный мотивъ недолгой общественной дѣятельности Рылѣева. Извѣстной одой «Къ временщику» Рылѣевъ какъ бы вступилъ на политическое поприще и тѣмъ далъ примѣръ, что необходимо говорить истину, не опасаясь преслѣдованій. Курцій и Винкельродъ, погибшіе для счастія отечества, всегда вдохновляли Рылѣева и давали ему силу ожидать съ спокойнымъ духомъ гибели, въ близости которой онъ былъ увѣренъ. Рылѣевъ былъ превосходный семьянинъ, страстно любилъ свою молодую жену, Наталью Михайловну, урожденную Тевяшеву, и единственную дочь Анастасію, но свою полити-

ческую и общественную задачу, какъ онъ ее понималъ, ставилъ выше своего личнаго счастія. Онъ отличался крайне довѣрчивымъ характеромъ, былъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, ненавидѣлъ несправедливость, ложь, а тѣмъ болѣе клевету, былъ чуждъ какихъ-либо личныхъ видовъ и былъ вполнѣ убѣжденъ, что по осуществленіи его плановъ прекратятся безпорядки и злоупотребленія, возмущавшія его душу. Рылѣевъ не былъ краснорѣчивъ, овладѣвалъ умами не внѣшнимъ блескомъ рѣчи, не силлогизмами, а силой очевиднаго и глубокаго внутренняго убѣжденія, жаромъ простого, иногда несвязнаго разговора. «Онъ похожъ на гипсовую вазу, говоритъ его старинный біографъ, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ только въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя рукой художника, обнаруживаются сами собой». Въ исторіи русской литературы Рылѣевъ представляетъ собою перваго по времени поэта-гражданина, искренняго и краснорѣчиваго защитника правъ народа на національную свободу и свободу вѣроисповѣданія. Искренность и глубокое убѣжденіе стушевываютъ недостатки его поэзіи. Это былъ поэтъ гражданской мысли и гражданскаго чувства. Вмѣстѣ съ А. Бестужевымъ Рылѣевъ сочинялъ пѣсни на голоса народныхъ подблюдныхъ, въ которыхъ говорилось о тяжелой судьбѣ и возможномъ будущемъ для народа. Искренній и прямой, Рылѣевъ не измѣнилъ себѣ и во время процесса. На допросѣ онъ отвѣчалъ пространно, откровенно, ничего не утаивая. Убѣдившись въ тюрьмѣ въ полномъ несоотвѣтствіи мечты заговорщиковъ съ дѣйствительностью и считая себя особенно виновнымъ, какъ поэта-вдохновителя, въ декабрьскомъ кровопролитіи, раскаяваясь за убѣжденія и за подъемъ души,—Рылѣевъ готовъ былъ принять наказаніе. Религіозное настроеніе, которое всегда было ему свойственно, подкрѣпило его въ тяжелые часы передъ казнью. Цѣлуя крестъ и руку священника, Рылѣевъ ска-

залъ ему: «Батюшка, помолитесь за наши грѣшныя души, не забудьте моей жены и благословите мою дочь!» Ни той, ни другой онъ уже не видѣлъ послѣ своего ареста. Когда помостъ висѣлицы, на которомъ Рылѣевъ стоялъ на скамейкѣ, опустился внизъ съ нажатіемъ пружины, онъ упалъ внизъ, такъ какъ петля была плохо приспособлена. У него упалъ съ головы колпакъ, который надѣли на него передъ исполненіемъ приговора, и видна была окровавленная бровь и кровь за правымъ ухомъ: онъ расшибся при паденіи. Онъ сидѣлъ скорчившись и только произнесъ: «Какое несчастіе!» К. Ѳ. Рылѣевъ скончался 13 іюля 1826 г. въ 5 ч. утра.

«Одни только декабристы, говоритъ г. Н. Котляревскій, показали намъ впервые, какъ можно вдохновиться идеей свободы, какъ, усиливая въ себѣ религіозное рвеніе къ своей святынѣ, можно, въ преклоненіи передъ ней, забыть все земное, пребывая на землѣ и желая для земли счастія.

Если въ декабрьскихъ событіяхъ оттѣнять именно эту эмоціональную сторону, то яркое, чистое и благородное ея воплощеніе дано въ личности «рыцаря Полярной Звѣзды», какъ въ тѣ годы называли Рылѣева».

Рѣпинъ Н. П.

Николай Петровичъ Рѣпинъ, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, родился въ 1797 г. Воспитанный подъ руководствомъ своего дѣда, адмирала Карцева, директора морского кадетскаго корпуса, по отзыву Якушкина, отъявленнаго вольтеріанца,—Рѣпинъ еще въ молодыхъ лѣтахъ познакомился съ французскими писателями XVIII в. и усвоилъ ихъ общія воззрѣнія. Его образованіе завершилось во французскомъ пансіонѣ Жакино. Онъ сначала служилъ въ конной артиллеріи, участвовалъ въ походахъ 1813-1814 гг. и потомъ переведенъ былъ въ гвардію. Рѣпинъ представляетъ собою одинъ изъ яркихъ примѣровъ вліянія, которое оказывала французская «просвѣтительная» литература на формировку взглядовъ молодаго поколѣнія того времени. Точно такъ же не прошла безслѣдно для Рѣпина «освободительная» война 1812 года и знакомство съ европейской жизнью, вынесенное изъ походовъ 1813-1814 гг. «Событія, говоритъ академикъ Пыпинъ, вызвали и возбудили въ обществѣ броженіе самыхъ разнообразныхъ элементовъ нравственныхъ и общественно-политическихъ, которое, въ молодыхъ поколѣніяхъ того времени, обратилось къ вопросамъ русской жизни именно съ политической точки зрѣнія и рѣшило ихъ не въ смыслѣ стараго преданія, какъ его защищалъ Карамзинъ, а въ смыслѣ европейскихъ политическихъ идей. Политическое возвышеніе Россіи послѣ 1812 г. должно было поднять

Николай Петровичъ
Рѣпинъ.

политическіе интересы и расширить политическій кругозоръ особенно тѣхъ лицъ, которыя принимали въ событіяхъ ближайшее участіе и могли сознательно относиться къ нимъ, благодаря умственнымъ и нравственнымъ вліяніямъ преимущественно книжнаго происхожденія. Долговременное пребываніе за границей дало военной молодежи того времени возможность на практикѣ познакомиться съ положительными результатами жизненнаго уклада, уже и тогда твердо установившагося на западѣ Европы». Рѣпинъ въ этомъ отношеніи былъ, конечно, не исключеніемъ, а типичнымъ правиломъ. Рѣпинъ, какъ сообщаетъ Якушкинъ, «имѣлъ отличную память и замѣчательныя качества ума, а потому и разговоръ его былъ всегда оживленъ и очень занимателенъ». Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова. Рѣпинъ, какъ говоритъ Пущинъ, «былъ человѣкъ замѣчательно не глупый, и, можетъ быть, слишкомъ не глупый для того, чтобы увлечься и рѣшиться на безысходную крайность, какъ какой-нибудь Ал. Бестужевъ, Сутгофъ или Пановъ». Воспитанный на французской литературѣ XVIII в., Рѣпинъ имѣлъ вообще большую склонность къ умозрѣніямъ всякаго рода и очень неуважительно отзывался о христіанствѣ. Познакомившись хорошо съ Библіей, онъ особенно остановился на ея мистической сторонѣ, причемъ нашелъ возможность сближать христіанство съ неоплатонизмомъ. Рѣпинъ былъ обвиненъ въ принадлежности къ тайному обществу «со знаніемъ сокровенной цѣли» и въ подготовленіи товарищей къ мятежу, почему причисленъ къ V разряду и осужденъ на 8 лѣтъ каторжныхъ работъ. Умѣвшій рисовать, Рѣпинъ оставилъ виды Читы и внутренности тюрьмы *). Въ 1831 г. Рѣпинъ былъ переведенъ въ Верхоленскъ на поселеніе,

*) Вѣроятно, его кисти принадлежитъ рисунокъ (въ оригиналѣ акварель), изображающій внутренній видъ одной изъ камеръ Читинской тюрьмы и воспроизведенный въ настоящей книгѣ.

гдѣ и погибъ насильственной смертью 15 апрѣля 1832 г. Въ Верхоленскѣ Рѣпинъ нанялъ у одной мѣстной купчихи квартиру, которая сѣнями отдѣлялась отъ помѣщенія хозяйки. Въ первую же ночь, когда къ Рѣпину пріѣхалъ его товарищъ Андреевъ, произошелъ пожаръ, и оба сгорѣли. По вѣроятнымъ предположеніямъ, Рѣпинъ и Андреевъ погибли, благодаря поджогу, сдѣланному съ цѣлью ихъ ограбленія. Подобные случаи были очень обыкновенны въ старинной Сибири.

Свистуновъ П. Н.

Петръ Николаевичъ Свистуновъ, корнетъ кавалергардскаго полка, родился въ Петербургѣ 27 іюля 1803 г. Онъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу, былъ признанъ виновнымъ «въ участвованіи въ умыслѣ цареубійства и истребленіи императорской фамиліи сочиненіемъ и въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей», отнесенъ къ II разряду и приговоренъ (послѣ смягченія приговора) къ 20 годамъ каторжныхъ работъ и вѣчному поселенію. Съ 8 до 12 лѣтъ Свистуновъ учился въ пансіонѣ іезуитовъ, а послѣ ихъ изгнанія—въ пансіонѣ барона Шабо, откуда перешелъ въ пажескій корпусъ. Въ Читинскомъ острогѣ Свистуновъ былъ регентомъ хора, завѣдывалъ оркестромъ и считался выдающимся віолончелистомъ. Освобожденный въ 1836 г. отъ каторжныхъ работъ, Свистуновъ былъ поселенъ въ селѣ Идинскомъ, Иркутской губерніи, гдѣ оставался всего нѣсколько мѣсяцевъ, затѣмъ переѣхалъ въ Курганъ, откуда въ 1841 г. былъ переведенъ въ Тобольскъ. Въ ноябрѣ этого года Свистуновъ былъ принятъ на государственную службу канцелярскимъ служителемъ IV разряда тобольскаго общаго губернскаго управленія. Съ 1844 года онъ былъ письмоводителемъ тобольскаго статистическаго комитета и съ 1847 г. началъ заниматься въ комитетѣ, учрежденномъ для разсмотрѣнія проекта законоположеній для бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ. Въ 1849 г. Свистуновъ былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы. Эти не-

видныя должности и маленькій чинъ нисколько не препятствовали Свистунову проявлять свою выдающуюся энергію, недюжинный умъ и обширное образованіе. Тобольскіе губернаторы, какъ Энгельке и Прокопьевъ, очень цѣнили Свистунова и уважали его мнѣнія. Прокопьевъ пригласилъ его для разработки устава и устройства необходимыхъ приспособленій открывавшейся тамъ Маріинской женской школы, хозяйственной частью которой и сталъ завѣдывать онъ. Въ тобольскомъ обществѣ того времени Свистуновъ занималъ видное и почетное положеніе. Располагая значительными денежными средствами, Свистуновъ выстроилъ себѣ на Большой Архангельской улицѣ обширный деревянный домъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ домовъ Тобольска. Благодаря матеріальной обезпеченности, образованію и обходительности Петра Николаевича, получавшаго множество русскихъ и иностранныхъ журналовъ, его домъ сдѣлался мѣстомъ объединенія обширной семьи тобольскихъ декабристовъ. Вмѣстѣ съ Свистуновыми въ ихъ домѣ жилъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ, съ которымъ Петръ Николаевичъ былъ связанъ тѣсной дружбой. Знатокъ и любитель музыки, Свистуновъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ концертахъ, устраиваемыхъ тогда въ Тобольскѣ, а по понедѣльникамъ въ его гостепріимномъ домѣ устраивались музыкальные вечера, на которыхъ онъ всегда игралъ на віолончели. Одно время Свистуновъ завѣдывалъ архіерейскимъ хоромъ, въ качествѣ наблюдателя и руководителя. Еще въ половинѣ 30-хъ годовъ, въ Восточной Сибири, Свистуновъ хотѣлъ вступить въ бракъ съ дочерью горнаго чиновника Занадворнаго, но этотъ бракъ почему то разстроился, хотя и не было никакихъ внѣшнихъ препятствій. Въ Курганѣ Свистуновъ женился на Татьянѣ Александровнѣ Дуроновой, дочери мѣстнаго окружного начальника, милой, застѣнчивой молодой дѣвицѣ, хотя нѣсколько капризной,

впослѣдствіи оказавшейся довольно болѣзненной. Свистуновъ очень любилъ жену и исполнялъ всѣ ея желанія, даже капризы. 26 августа 1856 г. Свистуновъ съ семействомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дѣтей, выѣхалъ изъ Тобольска въ Россію, оставивъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія среди всѣхъ, знавшихъ его въ Сибири и особенно въ Тобольскѣ. Отъ брата онъ получилъ свою часть родового имѣнія въ Калужской губерніи. Въ началѣ 60-хъ годовъ Свистуновъ жилъ въ Калугѣ, принималъ дѣятельное участіе въ освобожденіи крестьянъ и устройствѣ ихъ новаго быта, въ качествѣ мирового посредника, и еще ранѣе былъ выбранъ дворянствомъ Лихвинскаго уѣзда въ члены комитета по освобожденію, преподавалъ въ мѣстной женской гимназіи французскій языкъ. Въ 1863 г. Свистуновъ переѣхалъ въ Москву для лѣченія болѣзни жены. Черезъ 26 лѣтъ, 15 февраля 1889 г., въ Москвѣ и скончался П. Н. Свистуновъ, «послѣдній декабристъ», какъ онъ называлъ себя, не признавая Завалишина, нѣкогда блестящій представитель гвардіи и высшаго петербургскаго общества временъ Александра I, съ отличной карьерой впереди. Онъ похороненъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Въ характерѣ Свистунова было очень много живости, того, что французы называютъ caustique, и что дѣлало его чрезмѣрно впечатлительнымъ и активнымъ даже до глубокой старости. Свистуновъ отличался замѣчательной честностью, постоянствомъ въ дружбѣ, великодушіемъ. Онъ отправился въ ссылку, имѣя при себѣ всего 1000 р., изъ которыхъ 200 р. далъ фельдъегерю, чтобы этимъ купить 4-часовой отдыхъ послѣ безпрерывной бѣшеной скачки, а остальныя деньги раздѣлилъ на 4 равныя части и 3 изъ нихъ вручилъ своимъ невольнымъ спутникамъ, Завалишину и братьямъ Крюковымъ, которыхъ раньше не зналъ. Одаренный воспріимчивымъ и свѣтлымъ умомъ, Свистуновъ, попавъ въ благопріятную для духовной жизни обстановку Читинскаго

острога и Петровскаго завода, увлекся всецѣло умственнымъ подъемомъ среды и вышелъ изъ мѣста своего заключенія человѣкомъ широкаго и разносторонняго образованія. Языкъ замѣтокъ Свистунова, появившихся въ историческихъ журналахъ, не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ устарѣлости, отсталости, что было бы такъ естественно въ языкѣ человѣка, получившаго свое образованіе въ первой четверти прошлаго вѣка и проведшаго цѣлый рядъ лѣтъ въ забайкальскихъ острогахъ. Впрочемъ, то же самое нужно сказать почти о всѣхъ безъ исключенія декабристахъ; это служитъ очевиднымъ для всѣхъ признакомъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, насколько неустанно, вдумчиво и правильно слѣдили они за текущей русской литературой, вполнѣ параллельно съ поступательнымъ ходомъ ея развитія.

Семеновъ С. М.

Степанъ Михайловичъ Семеновъ, экспедиторъ гражданской канцеляріи петербургскаго генералъ-губернатора, родился 27 декабря 1789 г. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ орловской семинаріи и, по окончаніи курса, поступилъ въ 1810 г. въ Московскій университетъ, откуда вышелъ въ 1814 г. со степенью кандидата этико-политическихъ наукъ. Въ 1816 г. Семеновъ получилъ степень магистра этихъ наукъ и остался при Московскомъ университетѣ до 1819 г., когда поступилъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ духовныхъ дѣлъ; кромѣ того, онъ управлялъ канцеляріей коммиссіи для приведенія въ ясность счетовъ по постройкѣ Казанскаго собора въ Петербургѣ. Въ 1822 г. Семеновъ былъ командированъ въ Курскую губ. для производства секретнаго слѣдствія о помѣщицѣ и сельскомъ священникѣ, подозрѣвавшихся въ убійствѣ. Аракчеевъ стоялъ за ихъ невиновность, кн. Голицынъ, его соперникъ, утверждалъ противоположное. Кн. Голицынъ, зная честность и добросовѣстность Семенова, устроилъ его командировку на это слѣдствіе, предупредивъ только остерегаться отравы. Семеновъ все время слѣдствія питался лишь булками и яйцами, которыя самъ покупалъ на рынкѣ. Голицынъ оказался правъ и торжествовалъ побѣду надъ Аракчеевымъ. Эта командировка продолжалась 3 года. Въ августѣ 1825 г. Семеновъ былъ назначенъ въ гражданскую канцелярію ген.-губ. Лѣтомъ 1826 г.

раскрылось участіе Семенова въ дѣлахъ Сѣвернаго общества, секретаремъ котораго онъ состоялъ нѣкоторое время. Съ Сѣвернымъ обществомъ Семеновъ вошелъ въ сношенія, вѣроятно, черезъ Трубецкихъ, т. к. былъ воспитателемъ Никиты Трубецкого (брата Сергѣя). Послѣ четырехмѣсячнаго заключенія въ крѣпости Семеновъ былъ сосланъ въ Западную Сибирь «для употребленія его на службу», безъ лишенія чиновъ. Управлявшій Омской областью просвѣщенный и гуманный генералъ де-Сентъ-Лоранъ зачислилъ Семенова въ штатъ канцеляріи омскаго областного правленія и черезъ 2 мѣсяца опредѣлилъ устькаменогорскимъ окружнымъ судьей. Но ген.-губ. Капцевичъ нашелъ такое назначеніе неправильнымъ, т. к. Семеновъ присланъ въ Сибирь въ видѣ наказанія, и потому онъ черезъ 2 мѣсяца былъ смѣщенъ и назначенъ канцелярскимъ служителемъ въ тотъ же судъ. Вскорѣ переведенный де-Сентъ-Лораномъ на прежнюю должность въ Омскъ, Семеновъ приказомъ изъ Петербурга вновь отправленъ въ Устькаменогорскъ канцелярскимъ служителемъ. Въ 1829 г. де-Сентъ-Лоранъ назначилъ Семенова сопровождать по Омской области Гумбольдта, Эренберга и Розе. При свиданіи съ императоромъ Николаемъ I Гумбольдтъ сказалъ ему, что и въ Сибири есть высокообразованные чиновники. Это послужило поводомъ къ тому, что Семенова приказано было «употребить на службу въ отдаленномъ мѣстѣ безъ права выѣзда», и онъ въ 1830 г. былъ посланъ въ Туринскъ канцелярскимъ служителемъ мѣстнаго окружного суда и лишь только въ 1838 г. былъ переведенъ въ Омскъ столоначальникомъ 2-го отдѣленія канцеляріи главнаго управленія Западной Сибири. Лишь въ 1839 г. Семеновъ былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, но безъ права старшинства. Новый генер.-губернаторъ, кн. Горчаковъ, относился благосклонно къ Семенову и пользовался его совѣтами и указаніями. Въ 1843 г. изъ совѣт-

Степанъ Михайловичъ
Семеновъ.

никовъ пограничнаго управленія сибирскихъ киргизовъ Семеновъ былъ переведенъ въ Тобольскъ совѣтникомъ губернскаго правленія, гдѣ и оставался до самой смерти, дослужившись до чина статскаго совѣтника. Все время службы до самой смерти Семеновъ оставался подъ надзоромъ, наравнѣ съ прочими декабристами. Семеновъ, какъ человѣкъ и чиновникъ, отличался честными, стойкими и независимыми убѣжденіями. Твердость убѣжденій, которыми онъ не поступался ни передъ мнѣніями своихъ сослуживцевъ, ни передъ предложеніями губернаторовъ и предписаніями генералъ-губернаторовъ, часто порождала непріятныя для него служебныя столкновенія. Во все время службы своей въ Сибири онъ никогда не имѣлъ и не надѣвалъ ни мундира, ни вицъ-мундира и всегда являлся на службу въ черномъ сюртукѣ. Зимой онъ носилъ картузъ съ большимъ козырькомъ и овчинный тулупъ или ергакъ. Семеновъ все время оставался холостымъ и скончался отъ заворота кишекъ, послѣ продолжительной болѣзни, 10 іюня 1852 г. Онъ похороненъ въ Тобольскѣ на городскомъ «Завальномъ» кладбищѣ подлѣ церкви Семи Отроковъ.

Соловьевъ В. Н.

Баронъ Веніаминъ Николаевичъ Соловьевъ, штабсъ-капитанъ черниговскаго полка, подвергся одинаковому суду и наказанію съ Мазалевскимъ и былъ въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ при передвиженіи изъ Кіева до Москвы, а затѣмъ до Читы. Отправляясь изъ Кіева, Соловьевъ не имѣлъ даже рубашки и халата, которые и дали ему солдаты его роты, отправленные, въ наказаніе, на Кавказъ. Соловьевъ былъ человѣкъ энергичный, храбрый, страстный, съ рѣзкими, даже грубыми манерами. Онъ принадлежалъ къ обществу Соединенныхъ Славянъ. Въ предпріятіи Сергѣя Муравьева-Апостола онъ принялъ самое дѣятельное участіе, взялъ въ плѣнъ и едва не умертвилъ жандармскаго полковника Гебеля; во время самого столкновенія показалъ отчаянную храбрость, становился подъ картечь, тщетно призывая своихъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ С. Муравьевымъ-Апостоломъ и Мазалевскимъ. Послѣ открытія заговора Сухинова въ Нерчинскомъ заводѣ онъ былъ переведенъ въ Култуму, а затѣмъ въ Читу одновременно съ Мазалевскимъ. В. Н. Соловьевъ скончался въ 1871 г. въ Рязани.

Баронъ

Веніаминъ Николаевичъ

Соловьевъ.

Сутгофъ А. Н.

Александръ Николаевичъ Сутгофъ, поручикъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, принадлежалъ къ Сѣверному обществу, былъ причисленъ къ I разряду и осужденъ, по смягченію приговора, на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ и вѣчное поселеніе въ Сибири за то, что «принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго знанія о сокровенной его цѣли. Принялъ одного члена. Лично дѣйствовалъ. Возмутилъ роту и присоединился къ мятежникамъ. Команда его стрѣляла». Сутгофъ родился 4 декабря 1801 г. въ Кіевѣ. Отецъ его происходилъ изъ старинной шведской фамиліи, а мать была малороссіянка. 7-ми лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ одинъ московскій пансіонъ, послѣ сожженія Москвы былъ перевезенъ въ Кіевъ и 16 лѣтъ поступилъ саперомъ въ лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ. На поселеніи Сутгофъ женился въ 1839 г. на дочери горнаго штабъ-лѣкаря Аннѣ Ѳедосѣевнѣ Янчуковской, жилъ сначала въ деревнѣ Хомутовой, затѣмъ, въ 40-хъ годахъ, въ Оёкѣ, близъ Иркутска, и въ 1844 г. — въ Иркутскѣ. Въ деревняхъ онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ, которое вообще очень любилъ. Въ 1848 г. онъ былъ переведенъ рядовымъ кубанскаго полка на Кавказъ, въ 1854 г. произведенъ въ прапорщики, а въ 1856 г., послѣ амнистіи, пріѣхалъ въ Москву, гдѣ завѣдывалъ фехтовальной школой. Сутгофъ былъ высокаго роста и имѣлъ представительную наружность. Какъ солдатъ, онъ былъ очень

любимъ своими товарищами-солдатами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и офицерами, какъ человѣкъ ихъ круга и интересовъ. Климатъ Москвы не позволилъ Сутгофу оставаться тамъ болѣе 3 лѣтъ, и онъ поступилъ сначала смотрителемъ водъ въ Кисловодскѣ, потомъ получилъ мѣсто управляющаго Боржомскимъ имѣніемъ, но вскорѣ, по слабости здоровья, остался лишь смотрителемъ Боржомскаго дворца. Сутгофъ до кончины интересовался всѣми явленіями общественной жизни, радовался реформамъ, слѣдилъ за литературой. Энергія, безупречная нравственность, любовь къ людямъ, особенно къ солдатамъ, скромность, глубокая внутренняя религіозность—таковы были душевныя качества Сутгофа. Онъ скончался 14 августа 1872 г., оставивъ вдову. Дѣтей у него не было.

Александръ Николаевичъ
Сутгофъ.

Тизенгаузенъ В. К.

Василій Карловичъ Тизенгаузенъ, полковникъ полтавскаго пѣхотнаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы императорской фамиліи, хотя безъ согласія, но и безъ противорѣчія, участвовалъ въ умыслѣ бунта, но безъ дѣйствія». Онъ былъ отнесенъ къ VII разряду и приговоренъ къ 4-лѣтней каторгѣ и вѣчной ссылкѣ на поселеніе. Тизенгаузенъ, самый старшій изъ всѣхъ декабристовъ, родился въ 1779 г. и получилъ образованіе въ І-мъ кадетскомъ корпусѣ. Человѣкъ скорѣе XVIII в., Тизенгаузенъ рѣзко отличался отъ гуманной либеральной военной молодежи Александровскаго времени, и новыя вѣянія коснулись болѣе его головы, чѣмъ сердца. Деспотическій, холодный и суровый по характеру, нѣмецъ по происхожденію и воспитанію, Тизенгаузенъ питалъ презрѣніе не только къ русскому солдату, но и къ русской офицерской молодежи незначительнаго ранга. Онъ принадлежалъ къ аристократической группѣ Южнаго общества. Горбачевскій и Фроловъ передали не разъ высказываемый Тизенгаузеномъ взглядъ на русскаго солдата: для него, Тизенгаузена, достаточно будетъ, если онъ, выстроивши полкъ, выкативъ нѣсколько бочекъ вина, выдавъ нѣсколько денегъ, вызвавъ впередъ пѣсенниковъ, крикнетъ: «Ребята, за мной!»,—и полкъ двинется и будетъ дѣйствовать, какъ онъ прикажетъ. О своихъ

офицерахъ и солдатахъ онъ никогда не заботился; лучшіе офицеры вышли изъ его полка и остальные намѣревались сдѣлать то же самое. Солдаты жаловались на его притѣсненія и ненавидѣли его. По словамъ Горбачевскаго, Тизенгаузенъ вступилъ въ Южное общество не по глубокому и прочному убѣжденію, а по какимъ-то личнымъ разсчетамъ, по неудовольствіямъ личнаго характера. Онъ самъ арестовалъ офицеровъ Трусова и Троицкаго, которые хотѣли поднять его полкъ и овладѣть Бобруйскомъ, который онъ занималъ, а Тизенгаузенъ въ своемъ рапортѣ по этому случаю называлъ ихъ разбойниками, бунтовщиками и пьяницами. Отбывъ годичный срокъ каторжныхъ работъ, Тизенгаузенъ былъ поселенъ въ Сургутѣ. Но климатъ Сургута и вообще жизнь въ этомъ уныломъ и непріютномъ мѣстѣ такъ подѣйствовали на него, что, по отзыву командированнаго для обозрѣнія мѣстъ поселенія полковника Маслова, не только его здоровье, но и его психическія способности оказались ослабленными. Хотя генералъ-губернаторъ Западной Сибири и назначилъ Тизенгаузену Тобольскъ для жительства, однако управлявшій главнымъ штабомъ гр. Чернышевъ вскорѣ сообщилъ высочайшую резолюцію: «Только до возстановленія здоровья преступника Тизенгаузена пользовать въ Тобольскѣ, но не иначе, какъ подъ арестомъ; когда же онъ по[illegible]тъ совершенное облегченіе, то назначить ему мѣстожительство южнѣе Тобольска». Поэтому уже 27 мая 1829 г. Тизенгаузенъ былъ отправленъ изъ Тобольска въ Ялуторовскъ. Въ 1830 г. онъ построилъ себѣ обширный деревянный домъ, который неоднократно загорался отъ неизвѣстныхъ причинъ и вновь отстраивался Тизенгаузеномъ. Послѣ пожара, уничтожившаго въ 1848 г. домъ до основанія, Тизенгаузенъ уже не возобновлялъ его. Тизенгаузенъ въ Ялуторовскѣ жилъ совершеннымъ пустынникомъ въ своемъ огромномъ деревянномъ домѣ очень странной

Василій Карловичъ
Тизенгаузенъ.

архитектуры, выстроенномъ въ самомъ концѣ города, возлѣ кладбища. Единственный слуга Тизенгаузена, отставной солдатъ, жилъ въ кухнѣ на дворѣ. Собственнаго стола онъ не имѣлъ и обѣдалъ поочередно у своихъ товарищей-декабристовъ. Хотя Тизенгаузенъ постоянно жаловался на свое слабое здоровье, но физически былъ очень крѣпокъ, такъ что зимой никогда не носилъ ни шубы, ни галошъ. Его обыкновенный костюмъ состоялъ изъ шестиугольной старой фуражки на кожаной подкладкѣ и коричневаго суконнаго сюртука, доходившаго до пятъ, съ рукавами, совсѣмъ закрывавшими пальцы. Въ Ялуторовскѣ онъ казался чудакомъ, оригиналомъ, но въ сущности это былъ человѣкъ трезвыхъ взглядовъ и холоднаго благоразумія, хотя съ нѣкоторой загадочной, причудливой pli d'esprit. Единственной его слабостью было влеченіе къ женскому полу, но всѣ дѣла этого рода онъ умѣлъ устраивать очень ловко и незамѣтно. Вступивъ въ пререканія съ мѣстной полиціей вслѣдствіе жалобъ на нее за недостатокъ охраны его отъ разныхъ злоумышленниковъ, Тизенгаузенъ былъ обвиненъ ею въ склоненіи одной несовершеннолѣтней дѣвицы къ любовной связи съ нимъ, но окружный судъ оправдалъ его за недостаткомъ основательныхъ уликъ. Раздраженный городничій Смирновъ вскорѣ обвинилъ Тизенгаузена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Ентальцева, въ порожденіи духа ябедничества въ мѣстномъ населеніи и въ возбужденіи послѣдняго противъ начальства. Эти доносы также не имѣли никакихъ послѣдствій. Получивъ въ 1835 г. 15-десятинный надѣлъ, Тизенгаузенъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ, а въ своемъ саду выращивалъ такія овощи и ягоды, какихъ до него не знали въ Ялуторовскѣ. Въ началѣ своей ссылки Тизенгаузенъ получалъ отъ родныхъ изъ Петербурга и Нарвы такія средства, которыя вполнѣ обезпечивали его безбѣдное существованіе, но уже съ

1835 г. сталъ нуждаться въ пособіи отъ казны, которое съ 200 р. возвысилось въ 1845 г. до 400 р. и выдавалось до самаго отъѣзда его изъ Сибири. По ходатайству ген.-ад. князя Суворова, 6 іюля 1853 г. Тизенгаузенъ выбылъ изъ Ялуторовска къ своему семейству въ Нарву, гдѣ и скончался 25 октября 1853 г.

Трубецкой С. П.

Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, полковникъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4 пѣхотнаго корпуса, былъ обвиненъ въ томъ, что «въ 1825 г. умышлялъ на цареубійство и соглашался съ предложеніемъ другихъ; предлагалъ лишеніе свободы императора и императорской фамиліи при занятіи дворца; управлялъ Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ». Трубецкой былъ отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ отсѣченію головы, что было замѣнено вѣчной каторжной работой. Трубецкой родился въ 1791 г. и дома получилъ воспитаніе и образованіе подъ руководствомъ гувернеровъ и учителей-иностранцевъ. Трубецкой, членъ масонской ложи «Трехъ добродѣтелей», обладалъ выдающейся личной храбростью. Подъ Бородинымъ, какъ сообщаетъ Пущинъ, онъ 14 часовъ провелъ подъ ядрами и картечью съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ онъ сидѣлъ, играя въ шахматы. Подъ Люценомъ, когда принцъ Евгеній изъ 40 орудій громилъ гвардейскіе полки, Трубецкому пришла мысль пошутить надъ Бокомъ, извѣстнымъ своей трусостью въ семеновскомъ полку: онъ подошелъ къ нему сзади и бросилъ въ него комъ земли— и тотъ свалился, какъ снопъ. Подъ Кульмомъ 2 роты 3-го батальона семеновскаго полка, не имѣвшія въ сумкахъ ни одного патрона, были посланы, подъ начальствомъ капитана Пущина, съ однимъ холоднымъ оружіемъ и громкимъ русскимъ ура, прогнать французовъ, стрѣлявшихъ изъ опушки лѣса. Трубецкой, находившійся

при одной изъ ротъ, несмотря на свистѣвшія непріятельскія пули, шелъ спокойно впереди солдатъ, размахивая шпагой надъ головой. Храбрость Трубецкого, его знатное имя, чинъ полковника гвардіи, наконецъ, мягкость характера, какъ гарантія отъ возможности узурпаторскихъ дѣйствій въ родѣ Наполеона Бонапарта 18 брюмера, — все это побудило Рылѣева и другихъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Сѣвернаго общества поставить Трубецкого во главѣ, какъ диктатора, при подготовляемыхъ событіяхъ 14 декабря 1825 г. Но Трубецкой, при всей своей личной храбрости, былъ очень нерѣшителенъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни, и не въ его натурѣ было рѣшиться, въ критическія минуты, взять на свою отвѣтственность кровь, которая должна была пролиться, и всѣ дальнѣйшія событія. Узнавъ 14 декабря, что московскій полкъ пришелъ на сборное мѣсто, Трубецкой совершенно растерялся и, присягнувши въ главномъ штабѣ новому государю, все время потомъ оставался въ его свитѣ. Трубецкой, говоритъ фонъ-Визинъ въ своихъ «Запискахъ»,—«человѣкъ добродѣтельный и умный, образованный, всѣми любимый; но мягкосердечіе и легкомысленность характера дѣлали его неспособнымъ къ принятію на себя диктаторской власти, ему предназначенной, которую онъ не сумѣлъ отъ себя отклонить». Глубокое религіозное настроеніе, которымъ всегда отличался Трубецкой, особенно укрѣпилось въ немъ во время заключенія и ссылки. «Съ младенчества моего, говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ», вкоренена въ сердцѣ моемъ увѣренность, что промыслъ Божій ведетъ человѣка къ благу, какъ бы путь, которымъ онъ идетъ, ни казался тяжелъ и несчастливъ. Эта увѣренность не уменьшилась, но укрѣпилась еще съ тѣхъ поръ, какъ обстоятельства моей жизни приняли оборотъ, для всякаго посторонняго зрителя печальный. Въ теченіе этого времени я имѣлъ случай познать всю благость всевышняго промысла и на-

учился благословлять его за все посылаемое счастіе и несчастіе. Я убѣжденъ, что еслибы я не испыталъ жестокой превратности судьбы и шелъ бы безъ препятствій блестящимъ путемъ, мнѣ предстоявшимъ, то со времени сдѣлался бы недостойнымъ милостей Божіихъ и утратилъ бы истинное достоинство человѣка. Нынѣ же я благословляю десницу Божію, проведшую меня по тернистому пути и тѣмъ очистившую сердце мое отъ страстей, имъ овладѣвшихъ, показавшую мнѣ, въ чемъ заключается истинное достоинство человѣка и цѣль человѣческой жизни и между тѣмъ наградившую меня и на земномъ поприщѣ ни съ чѣмъ другимъ несравнимымъ счастіемъ семейной жизни и неотъемлемымъ духовнымъ благомъ — спокойствіемъ совѣсти».

Высокій ростомъ, но не обладавшій крѣпкимъ здоровьемъ, Трубецкой чувствовалъ себя очень плохо въ началѣ читинскаго заключенія. Въ декабрѣ 1826 г. тюремное начальство сообщало, что онъ «одержимъ грудною и внутреннею болѣзнью, кажется, чахоткою, одержимъ кровохарканіемъ, чувствуетъ великую слабость въ груди». Только пріѣздъ жены, урожденной графини Лаваль, поднялъ упавшій духъ Трубецкого и, вѣроятно, сохранилъ ему жизнь. Княгиня Трубецкая была однимъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ «ангеловъ», о которыхъ упоминаетъ кн. Одоевскій, изъ тѣхъ добрыхъ геніевъ, которые такъ подкрѣпляли иногда падавшій духъ заточниковъ Читы и Петровскаго завода. Въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ Трубецкіе жили на поселеніи въ Оёкѣ. Въ 1842 г., по поводу желанія правительства помѣстить дѣтей декабристовъ въ казенныя учебныя заведенія подъ условіемъ отказа отъ фамильнаго имени, Трубецкой обратился къ генер.-губ. Руперту съ письмомъ, въ которомъ доказывалъ, что лишеніе дѣтей фамильнаго имени обидно для ихъ матерей, такъ какъ ставитъ первыхъ въ ложное положеніе, какъ бы внѣбрачныхъ. О принятіи дѣтей на

казенное содержаніе помимо этого условія онъ предоставляетъ на волю государя, хотя разлука съ дочерьми и будетъ для ихъ матери смертельнымъ ударомъ. «Въ 1845 г., говоритъ Бѣлоголовый въ своихъ «Воспоминаніяхъ», Трубецкіе жили еще въ Оёкскомъ селеніи въ большомъ собственномъ домѣ. Семья ихъ тогда состояла, кромѣ мужа и жены, изъ 3 дочерей: старшей Александры, уже взрослой барышни, двухъ меньшихъ, прелестныхъ дѣвочекъ, Лизы 10 лѣтъ и Зины 8 лѣтъ и только что родившагося сына Ивана. Самъ князь Сергѣй Петровичъ былъ высокій, худощавый человѣкъ, съ некрасивыми чертами лица, длиннымъ носомъ, большимъ ртомъ, изъ котораго торчали длинные и кривые зубы; держалъ онъ себя чрезвычайно скромно, былъ мало разговорчивъ». Впослѣдствіи, уже въ старости Трубецкой сталъ гораздо красивѣе, пріобрѣлъ ту особую прелесть, которою отличаются старцы, обладающіе прекраснымъ, благороднымъ сердцемъ. О княгинѣ Трубецкой Бѣлоголовый говоритъ, что «она была небольшого роста, съ пріятными чертами лица и большими кроткими глазами, и иного отзыва о ней не слыхалъ, какъ тотъ, что это была олицетворенная доброта, окруженная обожаніемъ не только своихъ товарищей по ссылкѣ, но и всего оёкскаго населенія, находившаго всегда у ней помощь словомъ и дѣломъ. Князь тоже былъ очень добрый человѣкъ, а потому мудренаго ничего нѣтъ, что это свойство перешло по наслѣдству и къ дѣтямъ, и всѣ они отличались необыкновенной кротостью». Когда въ 1845 г. открылся въ Иркутскѣ дѣвичій институтъ Восточной Сибири, то, по ходатайству бабушки, графини Лаваль, княжны Трубецкія были приняты туда воспитанницами. Сначала было разрѣшено жить въ Иркутскѣ княгинѣ Трубецкой, для лѣченія ея болѣзни, а затѣмъ и князю, такъ что Трубецкіе уже въ 1845 г. переселились въ купленный ими домъ въ Знаменскомъ предмѣстьи. Трубецкая, отличав-

Князь

Сергѣй Петровичъ

Трубецкой.

шаяся такимъ же религіознымъ настроеніемъ, какъ и ея мужъ, была въ большой дружбѣ съ извѣстнымъ иркутскимъ архіепископомъ Ниломъ, который называлъ ее «второй матерью». Незадолго до общей амнистіи въ 1856 г. Трубецкой испыталъ тяжелый ударъ: въ 7 ч. утра 14 октября 1854 г. скончалась княгиня Екатерина Ивановна на 52 г. жизни. Въ 1857 г. Трубецкой былъ въ Кіевской губерніи, а въ концѣ 50-хъ годовъ ему, говоритъ Бѣлоголовый, «разрѣшено было проживать въ Москвѣ, въ видѣ исключенія и подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не разставаться съ сыномъ, который поступилъ студентомъ въ Московскій университетъ. Жилъ онъ въ небольшой квартиркѣ на Кисловкѣ вмѣстѣ съ сыномъ, и я нерѣдко навѣщалъ его. Хотя разница въ лѣтахъ между нами была на цѣлыхъ 50 лѣтъ, но меня привлекало къ нему и необыкновенная доброта его, и то чувство благоговѣнія, которое я питалъ съ своего еще безсознательнаго дѣтства къ декабристамъ, тѣмъ болѣе, что, живя весьма уединенно и тѣсно, не выходя на воздухъ вслѣдствіе одышки, старикъ скучалъ и всегда при прощаніи настойчиво просилъ заходить къ нему. Онъ, видимо, дряхлѣлъ, и давняя болѣзнь сердца, по мѣрѣ развитія старческаго окостенѣнія сосудовъ, все болѣе и болѣе безпокоила его мучительными припадками, а потому я нисколько не удивился, какъ въ ноябрѣ раннимъ утромъ ко мнѣ прибѣжалъ кто-то сказать, что князю очень плохо, и меня просятъ прійти поскорѣе. Я отправился немедленно и нашелъ его уже мертвымъ въ сидячей позѣ на диванѣ. Бѣлье на немъ и все кругомъ залито было хлынувшей изо рта кровью съ такой стремительностью и въ такомъ количествѣ, что смерть наступила быстро и безъ страданій». 22 ноября 1860 г. князя С. П. Трубецкого отпѣвали въ небольшой церкви на Никитской въ присутствіи 20-25 человѣкъ товарищей и почитателей.

Тургеневъ Н. И.

Николай Ивановичъ Тургеневъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, былъ обвиненъ въ томъ, что, «по показаніямъ 24 соучастниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе и, удалясь за границу, онъ, по призыву правительства, къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія». Тургеневъ былъ отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы. Н. И. Тургеневъ родился 11 октября 1789 г. въ Симбирскѣ въ семьѣ происходившаго изъ стариннаго дворянскаго рода И. И. Тургенева, человѣка просвѣщеннаго, виднаго масона екатерининскаго времени. Онъ основалъ въ Симбирскѣ масонскую ложу, въ которую принялъ Карамзина. Тургеневъ былъ въ сношеніяхъ съ Новиковымъ не только, какъ масонъ, но какъ близкій и постоянный сотрудникъ всѣхъ его изданій. Когда Новиковъ подвергся преслѣдованію, въ концѣ царствованія Екатерины, то и Тургеневъ отправленъ былъ въ ссылку и возвращенъ лишь при Павлѣ. Въ началѣ царствованія Александра I И. И. Тургеневъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и кураторомъ Московскаго университета. Раннее дѣтство Николай Тургеневъ провелъ въ Симбирскѣ, въ своей просвѣщенной семьѣ; потомъ, когда все его семейство переѣхало въ

Николай Ивановичъ
Тургеневъ.

Москву, онъ поступилъ въ университетскій благородный пансіонъ, а затѣмъ перешелъ въ университетъ. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, Тургеневъ въ 1810 г. отправился въ Геттингенъ, гдѣ слушалъ лекціи Шлецера, Гефена, Гёде и др. по политической экономіи, философіи, юридическимъ и историческимъ наукамъ. Геттингенскій университетъ въ то время былъ не только однимъ изъ наиболѣе видныхъ центровъ германской науки, но и разсадникомъ гуманныхъ идей. Вопросъ объ освобожденіи Германіи отъ наполеоновскаго ига въ то время поднялъ до чрезвычайности національное чувство въ странѣ, вызвалъ къ жизни Tugendbund и др. тайныя общества и поставилъ на первый планъ эмансипацію крестьянъ, какъ необходимое условіе возрожденія Германіи. Отвращеніе къ рабству и крѣпостнымъ порядкамъ въ Россіи, давно испытываемыя Тургеневымъ, конечно, усилилось и вполнѣ осмыслилось, когда онъ попалъ въ атмосферу геттингенскаго университета. Вернувшись въ Россію въ 1812 г. и поступивъ на службу въ комиссію законовъ, Тургеневъ въ слѣдующемъ году получилъ назначеніе состоять при знаменитомъ прусскомъ реформаторѣ баронѣ Штейнѣ, который имѣлъ очень сильное вліяніе на него. «Находясь въ центрѣ великихъ событій, говоритъ біографъ Тургенева г. Корниловъ, отражавшихся на судьбѣ всѣхъ европейскихъ народовъ, притомъ состоя при человѣкѣ, который имѣлъ въ то время несомнѣнно наибольшее вліяніе на Александра I, и являясь представителемъ самыхъ либеральныхъ и благородныхъ принциповъ, Тургеневъ въ эти два года получилъ для окончанія своего образованія такъ много, какъ можетъ получить человѣкъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что Штейнъ относился съ неизмѣнной симпатіей къ своему молодому сотруднику. Имя Тургенева было, по его собственному выраженію, синонимомъ «чести и честности». Въ качествѣ рус-

скаго комиссара «центральнаго департамента» Тургеневъ сопровождалъ русскія войска въ походахъ 1814-1815 гг. и вернулся въ Россію въ 1816 г., одушевленный самыми лучшими гражданскими и патріотическими намѣреніями. Находясь за границей, Тургеневъ близко сошелся со многими представителями русской военной молодежи, почему въ Петербургѣ былъ принятъ, какъ исключеніе, въ одну масонскую ложу, въ которую принимались только военные. Въ Петербургѣ Тургеневъ много способствовалъ умственному развитію военной молодежи: устраивалъ частные кружки и лекціи по политическимъ наукамъ, указывалъ книги для ознакомленія съ началами политической экономіи и теоріей конституціоннаго права. Главнымъ занятіемъ Тургенева въ это время была служба: онъ былъ назначенъ исполняющимъ должность статсъ-секретаря государственнаго совѣта въ департаментѣ экономіи и вскорѣ, какъ дополненіе, получилъ должность директора канцеляріи по кредитной части въ министерствѣ финансовъ. Личныя и литературныя связи Тургенева въ это время все расширялись. Карамзинъ, Жуковскій, Орловъ, Уваровъ и многіе др. оказывали ему вниманіе и расположеніе. Онъ былъ членомъ извѣстнаго Арзамаса. Его «Опытъ теоріи налоговъ», изданный въ 1818 г., еще болѣе расширилъ его связи и популярность. Около этого времени Тургеневъ при участіи извѣстнаго проф. Куницына предполагалъ издавать журналъ, въ которомъ намѣревался проводить въ сознаніе русскаго общества идеи современныхъ германскихъ юристовъ—Гёзе, Миттермайера и др. Въ 1819 г. Тургеневъ вступилъ въ «Союзъ Благоденствія», основанный въ 1817 г. Этотъ союзъ, какъ теперь выяснено, не имѣлъ какой-либо строго опредѣленной программы съ политическими цѣлями и особенно стремился къ распространенію въ обществѣ правильныхъ нравственныхъ и гражданскихъ понятій, такъ что Тургеневъ могъ считаться однимъ изъ его усерд-

ныхъ и видныхъ членовъ лишь по размѣрамъ, характеру и направленію своей общественной, литературной и государственной дѣятельности. По закрытіи «Союза Благоденствія», въ 1821 г., Тургеневъ формально не вступилъ въ число членовъ вновь образованнаго Сѣвернаго общества, хотя, въ силу своего выдающагося общественнаго положенія и прежнихъ знакомствъ и связей, поддерживалъ сношенія съ многими изъ членовъ новаго общества. Между тѣмъ служба Тургенева шла обычнымъ порядкомъ. Послѣ нѣскольких лѣтъ службы въ департаментѣ экономіи онъ перешелъ въ департаментъ законовъ; кромѣ того, въ теченіе этого времени ему поручались разныя законодательныя работы. Въ продолженіе всей службы вопросъ о необходимости освобожденія крестьянъ никогда не забывался Тургеневымъ, и онъ всегда съ жаромъ стоялъ на сторонѣ крестьянъ и ихъ интересовъ, касалось-ли это частныхъ, отдѣльныхъ случаевъ, или общей принципіальной стороны вопроса. Начальники Тургенева, какъ Мордвиновъ, Кочубей, Куракинъ, Гурьевъ, несмотря на всю разницу ихъ законодательныхъ и административныхъ взглядовъ, высоко цѣнили его дѣятельность, какъ просвѣщеннаго, трудолюбиваго и честнаго чиновника. Утомленный непрерывнымъ трудомъ, Тургеневъ не разъ просился въ отпускъ для отдыха и лѣченія и получилъ его только въ апрѣлѣ 1824 г. Находясь въ Англіи, Тургеневъ получилъ предписаніе явиться въ Петербургъ на судъ, но не исполнилъ этого, по весьма понятнымъ и извинительнымъ причинамъ. Русское правительство пыталось убѣдить англійское въ необходимости выдачи Тургенева, но, конечно, безуспѣшно. Отзывъ, посланный Тургеневымъ въ Петербургъ, не принесъ ему никакой пользы, благодаря, вѣроятно, ложному сообщенію Бенкендорфа, будто Тургеневъ въ тайной типографіи думалъ издавать нелегальный журналъ. Братъ его, Александръ Ива-

новичъ, сохранилъ для него наслѣдственную часть имущества, такъ что Тургеневъ въ матеріальномъ отношеніи былъ совершенно обезпеченъ. Въ 1833 г. Тургеневъ переѣхалъ въ Парижъ и поселился въ окрестностяхъ Буживаля, въ виллѣ Вербуа. Передъ этимъ онъ женился въ Швейцаріи на дочери маркиза Віарисъ, офицера наполеоновскихъ войскъ, отъ которой впослѣдствіи имѣлъ двухъ сыновей и дочь. За границей Тургеневъ остался русскимъ, даже московскимъ человѣкомъ. «Бывало, говоритъ И. С. Тургеневъ, находясь подъ кровомъ этого радушнаго, гостепріимнаго хозяина-хлѣбосола, слушая его нѣсколько тяжеловатую, но всегда искреннюю, толковую и честную рѣчь, нѣсколько удивляешься, почему ты сидишь передъ каминомъ, въ убранномъ по иностранному кабинетѣ, а не въ теплой и просторной гостинной старозавѣтнаго маленькаго дома гдѣ нибудь на Арбатѣ или Пречистенкѣ, или на той же Маросейкѣ, гдѣ Н. Тургеневъ провелъ свою первую молодость». Въ 1856 г. Тургеневъ былъ возстановленъ во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ и въ 1857 г. прибылъ въ Россію. Въ томъ же году онъ приступилъ къ устройству своихъ крестьянъ на условіяхъ, очень выгодныхъ для нихъ и очень неудобныхъ для него. Въ Россіи онъ былъ еще два раза, въ 1859 и 1864 гг. До конца жизни Тургеневъ сохранилъ не только нравственную свѣжесть и ясность мысли, но и физическую бодрость. Онъ скончался тихо, почти внезапно, 27 октября 1871 г. въ своей виллѣ Вербуа. Кромѣ «Опыта теоріи налоговъ», обстоятельно, добросовѣстно и талантливо составленной компиляціи, содержащей слѣды научныхъ положеній лучшихъ европейскихъ авторитетовъ того времени въ области политической экономіи и экономической политики,—другимъ обширнымъ трудомъ Тургенева является трехтомная книга «La Russie et les russes» (1847 г.), которая заключаетъ въ себѣ его воспоминанія о 1812-1825 гг., обзоръ моральнаго, политическаго и

соціальнаго положенія Россіи въ первой половинѣ XIX в. и его pia desideria—обзоръ необходимыхъ для Россіи реформъ. Заря эпохи «великихъ реформъ» вызвала рядъ брошюръ Тургенева: «Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ», «О судѣ крестьянъ и судебной полиціи въ Россіи» и др. Въ 1868 г. онъ издалъ книгу «Что желать для Россіи». Послѣдняя книга представляетъ собою замѣчательный образчикъ постоянной работы мысли этого 80-лѣтняго старца, который охотно признаетъ себя опереженнымъ новыми дѣятелями обновляемой Россіи, но въ то же время не теряетъ способности критически относиться къ современнымъ событіямъ и хорошо замѣчаетъ всѣ недостатки въ осуществленныхъ уже преобразованіяхъ.

«Изъ возможныхъ благъ, доступныхъ людямъ, многія, говоритъ И. С. Тургеневъ, достались на его долю: онъ вкусилъ вполнѣ счастье семейной жизни, преданной дружбы, онъ узрѣлъ, онъ осязалъ исполненіе своихъ завѣтныхъ думъ».

Владыка, отпусти слугу
Въ родной домъ съ миромъ, по глаголу:
Я видѣлъ свѣтъ, послѣдній долу,
И указать его могу!—

могъ бы сказать о себѣ Н. И. Тургеневъ словами его товарища, декабриста Батенкова.

Тютчевъ А. И.

Алексѣй Ивановичъ Тютчевъ, капитанъ пензенскаго пѣхотнаго полка, родился въ 1800 г. и получилъ образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда вышелъ, не окончивъ курса. Онъ принадлежалъ къ обществу Соединенныхъ Славянъ и былъ обвиненъ въ томъ, «что участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ, возбуждалъ и подговаривалъ нижнихъ чиновъ и подготовлялъ ихъ къ мятежу». Тютчевъ былъ причисленъ къ II разряду и приговоренъ къ 20 годамъ каторги (послѣ смягченія приговора). До отправки въ Читу Тютчевъ содержался въ Роченсальмѣ, въ фортѣ «Слава». Будучи на поселеніи, Тютчевъ въ половинѣ 30-хъ годахъ задумалъ жениться. Ген.-губ. Броневскій въ 1836 г. приказалъ прекратить «переписку, заключавшуюся въ сватовствѣ, Тютчевымъ производящуюся», «но если возлюбленная будетъ расположена рискнуть за него выйти, то, мнѣ кажется, не предстоитъ надобности этому противодѣйствовать. Можетъ быть, это облегчитъ сколько нибудь его несчастіе». Тютчевъ скончался въ 1856 г. въ Минусинскѣ, Енис. губ. Хотя Тютчевъ и былъ склоненъ къ меланхоліи, но имѣлъ рѣшительный и страстный характеръ и былъ способенъ на самопожертвованіе. Во время заключенія Ал. Бестужева (Марлинскаго) онъ упросилъ, чтобы его посадили вмѣстѣ съ нимъ, и всячески старался развлекать его. Во время васильковскаго возстанія онъ тщетно уговаривалъ Громницкаго и Лисовскаго дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ и выступилъ въ походъ съ батальономъ пензенскаго полка въ Житоміръ для занятія корпусной квартиры.

Алексѣй Ивановичъ
Тютчевъ.

Фаленбергъ П. И.

Петръ Ивановичъ Фаленбергъ, подполковникъ квартирмейстерской части, былъ обвиненъ въ томъ, что «соглашался произвести цареубійство и хотя впослѣдствіи и началъ отъ общества уклоняться, но сокровенную цѣль его зналъ». Онъ былъ причисленъ къ IV разряду и приговоренъ къ 15-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ и потомъ ссылкѣ на поселеніе. Фаленбергъ, сынъ саксонскаго уроженца, вызваннаго Потемкинымъ для устройства въ Россіи суконной фабрики, родился въ Ригѣ 20 мая 1791 г. Онъ сначала учился дома, имѣя учителей: Циммерманна, Вейля, Котерфельда и пастора Фольбирта, затѣмъ въ рижской Domschule и наконецъ въ царскосельскомъ лѣсномъ институтѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1811 г. Въ 1822 г. въ Тульчинѣ кн. Барятинскій предложилъ Фаленбергу вступить въ Южное общество, выставивъ на первый планъ распространеніе просвѣщенія и медленный путь культурно-политическаго развитія Россіи. И впослѣдствіи изъ членовъ Южнаго общества Фаленбергъ зналъ только Аврамова и Пестеля. Женитьба Фаленберга на Раевской совершенно удалили его отъ Южнаго общества, но тѣмъ не менѣе Фаленбергъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость во время тяжкой, почти смертельной болѣзни горячо любимой жены, и это подѣйствовало на него столь угнетающимъ образомъ, что онъ, слѣдуя совѣтамъ своего родственника Раевскаго

и желая спасти себя полной откровенностью, измѣнилъ свое первоначальное показаніе и взвелъ на себя то, въ чемъ совсѣмъ не участвовалъ и о чемъ узналъ только изъ правительственнаго печатнаго сообщенія. Поэтому Фаленбергъ на очныхъ ставкахъ уличалъ Барятинскаго въ никогда небывалыхъ разговорахъ и внушеніяхъ. Эта тяжелая исповѣдь сдѣлана самимъ Фаленбергомъ въ его «Воспоминаніяхъ». Взведеніе на себя небывалыхъ проступковъ только ухудшило положеніе Фаленберга; оно было вызвано приступомъ крайняго отчаянія, временно затуманившаго его разсудокъ, и потому нисколько не повліяло на хорошія отношенія къ нему товарищей въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ. По словамъ Розена, среди своихъ товарищей по Читѣ и Петровскому заводу Фаленбергъ былъ извѣстенъ, какъ лучшій мастеръ шить щегольскія фуражки. Онъ производилъ топографическія съемки въ окрестностяхъ Читы и Петровскаго завода и самъ сдѣлалъ для этого планшетъ. Жена Фаленберга (урожденная Раевская), выздоровѣвъ, не только не послѣдовала за нимъ въ Сибирь, но, послушавшись уговоровъ матери, вышла за другого, воспользовавшись правомъ, предоставленнымъ женамъ сосланныхъ декабристовъ. Нечего и говорить, какъ это поразило Фаленберга. Съ 1833 г. онъ былъ поселенъ въ глухомъ селеніи Минусинскаго округа (с. Шушь), гдѣ первое время испытывалъ тяжкія лишенія и душевныя терзанія. Черезъ нѣсколько времени Фаленбергъ сблизился съ управлявшимъ казенными поселеніями (ссыльно-поселенцевъ) Голенищевымъ-Кутузовымъ, получилъ пріютъ въ его домѣ и началъ помогать ему въ его многочисленныхъ хозяйственныхъ работахъ (управляющій завѣдывалъ мельницами, разными мастерскими и т. п.). Во 2-й половинѣ 30-хъ годовъ умерла женщина, которая была въ Россіи женою Фаленберга, и лишь тогда онъ рѣшился вступить во второй бракъ. Въ 1840 г. онъ женился на Аннѣ Ѳеодоровнѣ Соколовой, дочери ка-

Петръ Ивановичъ
Фаленбергъ.

зачьяго урядника изъ с. Саянскаго. Стародавніе обычаи въ то время еще въ полной силѣ господствовали въ глухихъ мѣстностяхъ Сибири, и свадьба Фаленберга состоялась при полномъ ихъ соблюденіи. Дѣвичникъ справлялся въ домѣ отца невѣсты. Послѣ вѣнчанія былъ обѣдъ, а вечеромъ пѣсни и пляски. Дѣвицы, составивъ кругъ, пѣли: «Вы, бояре молодые» и пр., при чемъ одна изъ нихъ ходила съ платкомъ, плавно приплясывая, и бросала его кому нибудь изъ сидящихъ вдоль стѣнъ молодыхъ казаковъ, который тогда выходилъ къ ней, и они плясали вмѣстѣ, въ тактъ пѣсни; затѣмъ пѣсня переходила въ речитативъ со словами: «Вотъ и я, твой кумъ, ужъ и ты, моя кума! Гдѣ мы сойдемся, тамъ обоймемся, гдѣ мы свидимся, тамъ поцѣлуемся!» Затѣмъ протяжно повторялись слова: «Вы, бояре молодые» и пр. Вся минусинская колонія декабристовъ, бывшіе блестящіе представители русской арміи и флота, принимали живѣйшее участіе въ брачномъ пирѣ Фаленберга. П. А. Крюковъ игралъ на скрипкѣ, а прочіе участвовали въ хорѣ. Жена Фаленберга оказалась нѣжной и преданной его подругой и скрасила его изгнанническую жизнь. Наблюдательная и умная сибирячка очень скоро усвоила себѣ всѣ пріемы образованнаго общества, въ которое она вступила, ставъ женою декабриста. Въ оффиціальномъ донесеніи о Фаленбергѣ отъ 23 мая 1852 г. говорится: «Простота, скромность, чистосердечіе, душевная бодрость составляютъ отличительныя черты его характера». «Средства его весьма ограничены; единственное его достояніе составляетъ доходъ съ табачной плантаціи, съ которой онъ получаетъ около 40 пудовъ табаку». Когда, въ 1851 г., разливомъ Енисея плантація Фаленберга была затоплена и уничтожена, то жители Минусинска собрали ему въ пособіе довольно значительную сумму денегъ. «Это доказываетъ, какой любовью и уваженіемъ онъ пользуется во всей округѣ», говоритъ упомянутый оффиціальный документъ. Фален-

бергъ оставилъ Сибирь послѣ общей амнистіи 1856 г. и въ 1858 г. поселился въ Подольской губ., гдѣ началъ управлять имѣніями Куликовскаго. Единственный сынъ Фаленберга, окончивъ курсъ въ высшемъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ въ конную артиллерію и здравствуетъ и въ настоящее время. Кончина единственной любимой дочери, бывшей замужемъ въ Малороссіи, такъ поразило 82-лѣтняго старца Фаленберга, что онъ тотчасъ послѣ этого скончался 13 февраля 1873 г. въ Бѣлгородѣ Курской губ. и похороненъ въ Харьковѣ.

Фроловъ А. Ф.

Александръ Филипповичъ Фроловъ, подпоручикъ пензенскаго пѣхотнаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли». Фроловъ былъ отнесенъ ко II разряду осужденныхъ и приговоренъ къ положенію головы на плаху и ссылкѣ въ вѣчную каторжную работу, что было замѣнено 20-лѣтней ссылкой въ каторжную работу, а затѣмъ оставленіемъ на поселеніе. Фроловъ родился 25 августа 1804 г. въ Севастополѣ въ семьѣ начальника керчь-еникальской крѣпости, артиллерійскаго офицера. Онъ провелъ дѣтство въ атмосферѣ дружной, любящей, патріархальной семьи, подготовился дома къ поступленію въ мѣстную военную школу, которую и посѣщалъ въ продолженіи 3 или 4 лѣтъ, а затѣмъ былъ прикомандированъ къ извѣстной муравьевской школѣ колонновожатыхъ. 17-ти лѣтъ отъ роду Фроловъ принялъ участіе въ заграничныхъ походахъ, въ которыхъ и провелъ 2 или 3 года. Живой, увлекающійся, общительный, Фроловъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ движенія, охватившаго въ то время лучшіе элементы передовой военной молодежи, и, подъ непосредственнымъ вліяніемъ своего начальника, капитана Тютчева, вступилъ въ Южное общество. Фроловъ казался столь юнымъ, что первый вопросъ, сдѣланный ему императоромъ Николаемъ I при допросѣ, былъ: «Сколько тебѣ лѣтъ?» «Я тебя проучу!» въ заключеніе

сказалъ императоръ, и этихъ словъ Фроловъ не могъ забыть въ теченіе всей жизни. Время заключенія въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ Фроловъ, какъ и всѣ его товарищи, провелъ съ большой пользой для себя и для другихъ: кромѣ постояннаго систематическаго чтенія, онъ занимался столярнымъ, токарнымъ и переплетнымъ дѣломъ, выучился золотыхъ дѣлъ мастерству; всѣ нужные ему инструменты выписывали для него въ Читѣ Муравьевъ и кн. Трубецкая. Сошедшись близко съ Вольфомъ, Фроловъ сдѣлался его дѣятельнымъ помощникомъ по аптекѣ: приготовлялъ лѣкарства, заботился о посудѣ. Въ лѣтнее время Фроловъ предавался огородничеству со всѣмъ пыломъ своей увлекающейся натуры и выращивалъ великолѣпные дыни и арбузы. Свое заключеніе, какъ и вообще всѣ испытанія въ теченіе жизни, Фроловъ выносилъ съ неизмѣннымъ терпѣніемъ и безропотно. Вышедши на поселеніе въ концѣ 30-хъ годовъ, Фроловъ былъ отправленъ въ село Шушь, Минусинскаго окр., гдѣ и нашелъ обширное поле для разносторонней сельско-хозяйственной дѣятельности: онъ занялся хлѣбопашествомъ, завелъ табунъ лошадей, построилъ мельницу, устроилъ огромный огородъ. Хлѣбныя и огородныя сѣмена онъ выписывалъ изъ Россіи и старался о распространеніи ихъ среди мѣстныхъ крестьянъ, которымъ вообще помогалъ, чѣмъ только могъ. Кромѣ того, онъ поступилъ на службу по откупу. 8 февраля 1846 г. Фроловъ вступилъ въ бракъ съ 26-лѣтней дочерью атамана казачьей станицы Саянской, Евдокіей Николаевной Макаровой. Еще ранѣе, лѣтъ 7 тому назадъ, минусинскіе декабристы, Фроловъ, Фаленбергъ, Крюковы, Бѣляевы, заинтересовавшись выдающимися умственными способностями этой дѣвушки, занялись ея образованіемъ и достигли очень замѣтныхъ результатовъ. Нѣкоторое время молодая дѣвушка была невѣстой А. П. Бѣляева, но когда онъ былъ отправленъ рядовымъ на Кавказъ, и когда для него вы-

Александръ Филипповичъ
Фроловъ.

яснилась невозможность скоро освободиться отъ службы на Кавказѣ, онъ поручилъ невѣсту своему другу Фролову. Какъ истая сибирячка, Е. Н. Фролова оказалась дальновидной, образцовой хозяйкой, неутомимой труженицей. Въ домѣ Фроловыхъ все было свое, домашнее, кромѣ чая, сахара, пряностей и нѣкоторыхъ матерій для одежды. Одаренный математическими и строительными способностями, умѣвшій прекрасно чертить, Фроловъ не только составлялъ планы всѣхъ хозяйственныхъ сооруженій, но и принималъ личное участіе въ самой постройкѣ, что доставляло ему большое удовольствіе. Умершій въ Тобольскѣ въ самомъ концѣ 1854 г. неизмѣнный другъ Фролова Ф. Б. Вольфъ оставилъ ему по завѣщанію 5000 р. Когда наступившій 1856 г. принесъ амнистію всѣмъ декабристамъ, Фроловъ, распродавъ все свое сельско-хозяйственное обзаведеніе и присоединивъ къ вырученной суммѣ деньги, полученныя по завѣщанію Вольфа,—рѣшилъ уѣхать въ Россію съ женой, дочерью и 2 сыновьями. Его престарѣлая, полуослѣпшая мать была еще жива и находилась въ Елизаветградѣ. Послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, Фроловъ, чтобы не испугать старушки, явился сначала, какъ одинъ изъ товарищей ея сына, но чуткое сердце матери скоро открыло истину: она ощупала ногти на пальцахъ сына, провела рукой по его лицу—и убѣдилась окончательно въ томъ, что подсказывало ей сердце. Изъ Елизаветграда Фроловъ въ томъ же году переѣхалъ съ семьей въ Керчь, въ окрестностяхъ которой купилъ хуторъ и занялся овцеводствомъ. На новомъ мѣстѣ хозяйство Фроловыхъ не шло такъ удачно, какъ въ Сибири: овцы часто подвергались падежамъ, операціи съ шерстью не удавались, и въ концѣ концовъ Фроловъ продалъ свое хозяйство за 2200 р. и переѣхалъ въ 1872 г. въ Троицко-Сергіевскій посадъ около Москвы, а въ 1879 г. совсѣмъ переселился въ Москву, гдѣ и жилъ въ кругу старыхъ товарищей—А. П. Бѣляева, Загорѣцкаго, Сви-

ступова и М. И. Муравьева Апостола. За 3 года до смерти Фролова поразилъ нервный ударъ; онъ сталъ плохо видѣть, тѣмъ болѣе, что еще въ Читѣ повредилъ себѣ одинъ глазъ: во время паянія вылетѣла искра и обожгла ему зрачекъ. Онъ потерялъ всякій интересъ къ политическимъ и современнымъ вопросамъ, не помнилъ настоящаго, исключительно сталъ жить прошлымъ. Онъ скончался 6 мая 1885 г. въ Москвѣ. Въ послѣдніе годы жизни Фроловъ, при помощи одного изъ сыновей и нѣкоторыхъ изъ старыхъ товарищей, составилъ свои «Воспоминанія», которыя хорошо отражаютъ характеръ этого прекраснаго человѣка: благородство чувствъ, признательность и любовь къ товарищамъ, строгія нравственныя правила и глубокую, истинную религіозность.

Цебриковъ Н. Р.

Николай Романовичъ Цебриковъ, поручикъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, получилъ образованіе въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, но не окончилъ курса. Онъ принадлежалъ къ Сѣверному обществу. Пріѣхавъ 14 декабря 1825 г. въ Петербургъ провести время съ товарищами по службѣ, Цебриковъ встрѣтилъ у Конногвардейскаго моста толпу народа и вышелъ изъ саней узнать, что тутъ происходитъ. Въ толпѣ онъ видитъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ изъ гвардейскаго экипажа и обращается къ нимъ съ шутливымъ возгласомъ: «Куда васъ чертъ несетъ, карбонары?» Квартальному надзирателю послышалось: «Въ карэ противъ кавалеріи!» На допросѣ Цебриковъ оправдывался съ сильнымъ негодованіемъ, за что ему и было усилено наказаніе: по настоянію Дибича, онъ отданъ въ солдаты безъ выслуги лѣтъ. Онъ обвиненъ былъ въ томъ, что «по показанію свидѣтелей, въ день мятежа 14 декабря произносилъ возмутительныя слова морскому экипажу, когда онъ шелъ на Петровскую площадь, самъ подходилъ къ толпѣ мятежниковъ и ввечеру далъ пристанище одному изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ, князю Оболенскому». Онъ былъ отнесенъ къ XI разряду. Цебриковъ свыкся съ тяжелой долей солдата—потерялъ свѣтскій лоскъ, огрубѣлъ, вполнѣ сталъ похожъ на солдата въ своей старой солдатской шинели, прокопченной махоркой, въ порыжелой отъ солнечныхъ лучей фуражкѣ. Онъ чуждался

офицерскаго общества и держался солдатъ, съ которыми любилъ играть въ карты.

Въ концѣ 30-хъ годовъ Цебриковъ уже былъ офицеромъ на Кавказѣ и скончался въ Петербургѣ въ 1866 г. Одинъ изъ современниковъ такъ говоритъ о немъ: «Это былъ человѣкъ весьма оригинальный: правдивый, честнѣйшій и пылкій до сумазбродства и либералъ въ душѣ».

Николай Романовичъ
Цебриковъ.

Черкасовъ А. И.

Баронъ Алексѣй Ивановичъ Черкасовъ, поручикъ квартирмейстерской части, принадлежалъ къ Южному обществу, былъ признанъ виновнымъ «въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ принадлежности къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли», причисленъ къ VII разряду и осужденъ на четырехлѣтнія каторжныя работы и затѣмъ на вѣчное поселеніе въ Сибири. Черкасовъ, сынъ зажиточнаго помѣщика Бѣлевскаго уѣзда Тульской губ., родился въ 1799 г. и, получивъ прекрасную домашнюю подготовку, поступилъ въ муравьевскую школу колонновожатыхъ, гдѣ учился превосходно и всегда былъ въ первомъ десяткѣ. Черезъ годъ пребыванія въ каторжныхъ работахъ Черкасовъ былъ поселенъ на 20 лѣтъ въ Березовѣ (Тоб. губ.) вмѣстѣ съ Ентальцевымъ и Фохтомъ, куда и прибылъ лѣтомъ 1828 г. Березовъ того времени, по разсказамъ самого Черкасова, состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ бревенчатыхъ домиковъ, каменныхъ острога и казначейства и 2 церквей. Двѣ сотни душъ составляли все населеніе этого отдаленнаго сѣвернаго городка, гдѣ самоваръ въ обиходѣ Черкасова и его товарищей уже былъ роскошью, и гдѣ только употребленіе теплой оленьей крови и рыбьяго жира спасало ихъ отъ скорбута въ безконечныя недѣли непрерывныхъ лютыхъ морозовъ. Березовскій городничій оказался грубымъ, вѣчно полупьянымъ солдатомъ и сталъ сильно притѣснять Черкасова и его товарищей, которые ежедневно утромъ и

вечеромъ обязаны были являться къ нему и выслушивать отъ него грубую брань даже за нѣсколько минутъ опозданія. Въ Березовѣ Черкасовъ началъ было заниматься безплатнымъ обученіемъ мѣстныхъ дѣтей, и въ его маленькой школкѣ собралось уже до десятка учениковъ, но полуграмотный городничій нашелъ это «незаконнымъ», кричалъ на Черкасова и даже посадилъ его на одинъ день въ тюрьму. Какъ и нѣкоторые другіе декабристы, Черкасовъ ложнымъ доносомъ былъ обвиненъ въ мятежническихъ замыслахъ противъ правительства, но разслѣдованіе, произведенное по этому поводу генералъ - губернаторскими чиновниками, разоблачило только лживость доноса и подтвердило симпатіи населенія къ Черкасову и двумъ его товарищамъ по ссылкѣ. Съ 1832 г. Черкасовъ началъ хлопотать о переводѣ своемъ изъ Березова въ какой либо изъ южныхъ округовъ губерніи, такъ какъ суровый климатъ Березова надѣлилъ его ревматизмомъ, признаками ипохондріи и угрожалъ чахоткой. Обдорскій врачъ Петелинъ въ выданномъ свидѣтельствѣ удостовѣрилъ, что Черкасовъ «темперамента меланхоличнаго, тѣлосложенія посредственнаго, постоянно тоскуетъ, имѣетъ стремленіе къ уединенію, желтый цвѣтъ лица, впалые глаза, раннее выпаденіе волосъ и, по всѣмъ признакамъ, страдаетъ воспаленіемъ печени и селезенки». Вообще жизнь Черкасова въ Березовѣ была настолько сурова и тяжела, что имъ не разъ овладѣвала мысль о самоубійствѣ, отъ чего его спасало христіанское чувство, смѣнившее идеи энциклопедистовъ, раньше оказывавшія замѣтное вліяніе на его умъ. Вслѣдствіе особыхъ условій жизни въ Березовѣ, мистицизмъ, всегда не чуждый Черкасову, развился въ немъ въ сильныхъ размѣрахъ. Онъ получилъ глубокую вѣру въ сибирскихъ шамановъ, владѣвшихъ, по его мнѣнію, еще никому неизвѣстными тайнами; онъ передавалъ объ этомъ множество фактовъ, поразившихъ его своей таин-

Баронъ

Алексѣй Ивановичъ

Черкасовъ.

ственностью и необъяснимостью. Переведенный 4 марта 1833 г. въ Ялуторовскъ, Черкасовъ повелъ тамъ такой же скромный образъ жизни, какимъ отличался и въ Березовѣ. Съ матеріальной стороны онъ былъ хорошо обезпеченъ тѣми средствами, которыя высылалъ ему отецъ. Свой 15-десятинный надѣлъ онъ отдавалъ своимъ ялуторовскимъ товарищамъ по ссылкѣ, занимавшимся сельскимъ хозяйствомъ. Въ 1837 г. Черкасовъ былъ опредѣленъ рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ и отправленъ въ Тифлисъ. Освобожденный отъ военной службы, Черкасовъ вернулся на родину, и его братъ, Петръ Ивановичъ, къ которому послѣ ссылки Алексѣя Ивановича, перешла его часть,—возвратилъ ее послѣднему. Возвратившись въ Россію, Черкасовъ увлекся спиритизмомъ. По однимъ извѣстіямъ, Черкасовъ дожилъ до освобожденія крестьянъ, а по возвращеніи съ Кавказа женился и былъ счастливъ въ супружествѣ. По свѣдѣніямъ барона Розена, А. И. Черкасовъ скончался въ Москвѣ въ 1855 г.

Чернышевъ З. Г.

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, ротмистръ кавалергардскаго полка, принадлежалъ къ Сѣверному обществу, былъ обвиненъ въ томъ, что зналъ «объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли», былъ отнесенъ къ VII разряду и приговоренъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ и ссылкѣ на поселеніе. Чернышевъ родился 14 декабря 1796 или (вѣрнѣе) 1797 г., получилъ сначала домашнее образованіе подъ руководствомъ швейцарца Жуайё, а потомъ поступилъ въ муравьевскую школу колонновожатыхъ. Онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ огромнаго майората, овладѣть которымъ хотѣлъ было послѣ его осужденія А. И. Чернышевъ, военный министръ, одинъ изъ его судей, но это домогательство было отклонено Николаемъ I, такъ какъ министръ Чернышевъ не состоялъ ни въ какомъ родствѣ съ гр. З. Г. Чернышевымъ. На службу онъ поступилъ юнкеромъ въ кавалергардскій полкъ, а такъ какъ Н. М. Муравьевъ былъ женатъ на его сестрѣ, то онъ и вступилъ въ Сѣверное общество, въ которомъ, впрочемъ, не игралъ никакой роли. Въ началѣ 1827 г. онъ былъ отправленъ въ Читинскій острогъ, гдѣ и оставался до весны 1828 г., когда былъ отправленъ въ ссылку въ Якутскъ. Благодаря хлопотамъ вліятельной родни Чернышева, онъ оставилъ Якутскъ въ началѣ 1829 г. и былъ отправленъ рядовымъ на Кавказъ. Въ Якутскѣ Чернышевъ первое время жилъ вмѣстѣ съ А. Бесту-

Графъ

Захаръ Григорьевичъ

Чернышовъ.

жевымъ, съ которымъ по цѣлымъ днямъ бродилъ въ окружающихъ горахъ и поляхъ, въ тщетныхъ поискахъ дичи, но потомъ товарищи разстались по неизвѣстной причинѣ, вѣроятно, въ зависимости отъ нѣкоторыхъ качествъ характера Бестужева. На Кавказѣ Чернышевъ стойко и безропотно переносилъ всѣ тягости кавказской солдатской жизни того времени, участвовалъ въ нѣсколькихъ кампаніяхъ, получилъ офицерскій чинъ, въ концѣ 1830 г. былъ раненъ въ грудь пулей на вылетъ и, по ходатайству сестры, гр. Чернышевой-Головкиной, былъ уволенъ въ отставку. Его сестра Софья Григорьевна передала ему имѣніе, с. Тачино въ Орловской губерніи, гдѣ онъ и поселился въ 1840 г. Въ 1834 г. Чернышевъ женился на Е. Л. Тепловой. Слабое здоровье жены заставило Чернышева хлопотать о разрѣшеніи жить въ Москвѣ, въ которой онъ и провелъ нѣсколько зимъ. Вообще, благодаря внимательному отношенію своихъ вліятельныхъ родственниковъ, а также и крайне отдаленному касательству къ заговору, положеніе Чернышева всегда было далеко лучше судьбы его прочихъ товарищей по несчастію. Послѣ общей амнистіи 1856 г. Чернышеву былъ возвращенъ графскій титулъ, и онъ вмѣстѣ съ женой удалился въ Римъ, гдѣ и скончался въ маѣ 1862 г. Онъ и жена его похоронены на римскомъ кладбищѣ Monte Testaccio. З. Г. Чернышевъ былъ человѣкъ рѣдкой скромности, доброты и мягкости, хорошо образованный, неизмѣнно любезный въ обществѣ и пользовался въ своей семьѣ горячей любовью всѣхъ ея членовъ.

Шаховской Ѳ. П.

Князь Ѳеодоръ Петровичъ Шаховской, майоръ, былъ обвиненъ въ томъ, что, «по уликѣ 4-хъ сообщниковъ, участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и по собственному признанію принадлежалъ къ тайному обществу». Онъ былъ отнесенъ къ VIII разряду и приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе по лишеніи чиновъ и дворянства. Шаховской родился въ 1797 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, затѣмъ пробылъ годъ въ пансіонѣ Жакино и, наконецъ, уже будучи на службѣ, въ Москвѣ, слушалъ курсъ политическихъ наукъ у Шлёцера. Шаховской принадлежалъ къ Сѣверному обществу, но не игралъ въ немъ никакой замѣтной роли. Поселенный въ Туруханскѣ, Шаховской, подъ вліяніемъ одиночества и тяжелой внѣшней обстановки, скоро получилъ сильное нервное разстройство, что отразилось даже на состояніи его умственныхъ способностей. Когда въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, онъ, по ходатайству родственниковъ, былъ возвращенъ въ Евр. Россію, то имъ овладѣла сильная религіозная экзальтація на нервной почвѣ, выразившаяся въ формѣ обоснованнаго на раціоналистическихъ началахъ протеста противъ господствующаго вѣроисповѣданія. Ѳ. П. Шаховской былъ заключенъ въ Спасо-Евфиміевскій Суздальскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1834 г.

Князь

Ѳедоръ Петровичъ

Шаховской.

Иванъ Өедоровичъ
Шимковъ.

Шимковъ И. Ѳ.

Иванъ Ѳеодоровичъ Шимковъ, поручикъ саратовскаго пѣхотнаго полка, родился въ 1802 г. и учился въ харьковскомъ университетѣ. Онъ принадлежалъ къ обществу Соединенныхъ Славянъ и былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ цареубійства, но безъ противорѣчія: принялъ одного члена». Онъ былъ причисленъ по VI разряду и приговоренъ къ 15 годамъ каторги и 12 поселенія. Шимковъ принадлежалъ къ типу усердныхъ рядовыхъ исполнителей. По увѣдомленіи майора Свиридова о волненіяхъ въ черниговскомъ полку Шимковъ отвѣчалъ: «Саратовскій полкъ съ нетерпѣніемъ ждалъ начала возстанія. Я ѣздилъ въ тамбовскій полкъ и приготовилъ тамъ 5 ротныхъ командировъ, которые поклялись, при первомъ случаѣ, соединиться съ нашимъ и готовы содѣйствовать намъ съ своими подчиненными». И. Ѳ. Шимковъ скончался въ 1837 г. на поселеніи въ Верхнеудинскомъ округѣ, Иркутской губ.

Штейнгель В. И.

Баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, отставной подполковникъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа войскамъ». Штейнгель былъ отнесенъ къ III разряду и, по смягченіи приговора, осужденъ на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ, которыя въ томъ же 1826 г. были сокращены до 15 лѣтъ. Штейнгель родился 13 апрѣля 1783 г. въ Обвѣ Пермской губ., гдѣ отецъ его женился на дочери мѣстнаго купца Разумова. Еще въ раннемъ дѣтствѣ Штейнгель былъ въ Иркутскѣ, куда его отца перевели на службу. Въ Иркутскѣ Штейнгель учился въ мѣстной школѣ. Послѣ этого Штейнгель побывалъ и въ Камчаткѣ, куда его отца назначили капитанъ-исправникомъ, и гдѣ онъ провелъ дѣтство и имѣлъ случай видѣть все безобразіе мѣстныхъ деспотовъ-начальниковъ Камчатки, Коха, Козлова-Угреина, грубыхъ, невѣжественныхъ, всецѣло преданныхъ хищенію и самоуправству. Честный отецъ Штейнгеля не мало пострадалъ отъ этихъ людей. Эти впечатлѣнія дѣтства опредѣлили на всю жизнь симпатіи, взгляды и убѣжденія Штейнгеля. Образованіе онъ получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, который до нѣкоторой степени напомнилъ ему Камчатку: тамъ была очень плохая

Баронъ

Владимiръ Ивановичъ

Штейнгель.

внѣшняя обстановка и удушливая педагогическая атмосфера; тамъ господствовала грубость нравовъ; воспитанниковъ сѣкли, сажали въ карцеръ, напоминавшій тюрьму. Въ 1795 г. Штейнгель былъ произведенъ въ гардемарины, въ 1797 г. — въ мичманы съ назначеніемъ на корабль «Эмгётенъ» въ составѣ эскадры, посланной съ десантомъ къ берегамъ Голландіи. По возвращеніи въ Россію Штейнгель былъ отправленъ сухимъ путемъ въ Охотскъ для вооруженія тамъ корвета «Слава Россіи». Съ этого времени по 1810 г. Штейнгель постоянно служилъ въ Восточной Сибири, гдѣ въ послѣднемъ году и женился на дочери директора кяхтинской таможни Вонифантьева и вскорѣ, по настоянію тестя, покинулъ далекую окраину. Въ 1811 г. Штейнгель вступилъ въ 4-ую дружину с.-петербургскаго ополченія, и впечатлѣнія отъ этой службы изложены имъ въ «Запискахъ о с.-петербургскомъ ополченіи». Въ 1812 г. Штейнгель вышелъ въ отставку и въ 1814 г. поступилъ завѣдывающимъ канцеляріей московскаго генералъ-губернатора Тормасова. Выдающійся умъ Штейнгеля, его энергія и служебное рвеніе создали ему множество враговъ въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, и онъ, благодаря интригамъ, принужденъ былъ выйти въ отставку. По выходѣ въ отставку онъ началъ заниматься литературой, въ тѣсномъ смыслѣ публицистикой, насколько это было возможно при условіяхъ того времени. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ Штейнгель высказывался всегда противъ такихъ современныхъ ему явленій, какъ работорговля, наказаніе кнутомъ и т. п. Нуждаясь въ средствахъ, чувствуя себя несправедливо обиженнымъ, оброшеннымъ, забытымъ, Штейнгель познакомился съ Рылѣевымъ и вступилъ въ Сѣверное общество. Штейнгель былъ очень друженъ съ Бестужевыми, особенно съ Михаиломъ, и пользовался уваженіемъ и пріязнью многихъ лицъ, въ томъ числѣ и А. П. Ермолова. Онъ

думалъ, что при переворотѣ получитъ надлежащую точку приложенія для своихъ выдающихся способностей, такъ какъ понималъ, что съ достоинствомъ и пользой для дѣла могъ бы занимать любое мѣсто. Въ самомъ декабрьскомъ событіи онъ не принималъ никакого участія, даже не желалъ, чтобы въ это время было приступлено къ чему либо рѣшительному. Но когда его друзья отправились на Сенатскую площадь, онъ удалился въ свою комнату составлять манифестъ къ народу и приказъ къ войскамъ. Въ Сибирь Штейнгель отправился пѣшкомъ, по этапу. Въ 1836 г. онъ былъ переведенъ на поселеніе въ с. Еланское, въ 67 верстахъ отъ Иркутска, и немедленно началъ хлопотать о переводѣ въ Ишимъ Тоб. губ. или другой какой либо городъ въ Западной Сибири «собственно для утѣшенія невиннаго, но не менѣе страждущаго его семейства». Просьба его была уважена, и 11 марта 1837 г. онъ прибылъ въ Ишимъ. Оставивъ въ Россіи большое семейство, состоявшее изъ жены, 4 сыновей и 3 дочерей, и не получая ни отъ семьи, ни отъ родственниковъ никакой денежной поддержки, Штейнгель на поселеніи нуждался въ средствахъ къ существованію и потому просилъ и получилъ казенное пособіе, сначала въ размѣрѣ 57 руб. $14^2/_7$ коп. сер. въ годъ, а съ 1845 г.—по 114 р. $28^4/_7$ к. Въ 1838 г. Штейнгель началъ хлопотать о переводѣ въ Тобольскъ, что и состоялось только въ 1840 г. Въ Тобольскѣ Штейнгель началъ пользоваться особымъ расположеніемъ губернатора Ладыженскаго, жена котораго знала его еще въ дѣтствѣ. Эта близость къ губернатору дала поводъ къ слухамъ, будто Штейнгель не только подаетъ губернатору совѣты относительно управленія, но и составляетъ для него важнѣйшіе проекты, доклады и резолюціи. Конечно, молва преувеличила размѣры вліянія Штейнгеля на губернатора, но вполнѣ вѣроятно, что его дѣловая опытность

при умѣ, начитанности и живости характера, остались не безъ вліянія и на сферу служебной дѣятельности Ладыженскаго. По настоянію генерала-губернатора кн. Горчакова, Штейнгель въ 1843 г. былъ переведенъ изъ Тобольска въ Тару. Объясненія Штейнгеля по этому поводу съ гр. Орловымъ отличались такой смѣлостью тона, что его хотѣли отправить даже въ одну изъ отдаленныхъ деревень. Кн. Горчаковъ воспротивился также ходатайству Штейнгеля въ 1846 г. о переводѣ его въ Тюмень. Только въ 1851 г., когда Горчакова смѣнилъ Гасфордъ, Штейнгель снова былъ переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ и прожилъ до 1856 г. Штейнгель скончался въ Петербургѣ въ 1863 г. Баронъ Штейнгель былъ однимъ изъ блестящихъ представителей современной ему эпохи. Умный, дѣльный, честный, хорошо образованный, онъ отличался подвижностью, предпріимчивостью и страстью обличать и раскрывать злоупотребленія. Еще находясь въ Петропавловской крѣпости, 11 января 1826 г. онъ отправилъ императору Николаю I цѣлый трактатъ о вредныхъ дѣйствіяхъ Магницкаго и Рунича. Въ Читѣ, имѣя отъ роду 50 лѣтъ, онъ съ жаромъ принялся за изученіе латинскаго языка; кромѣ того, онъ съ удовольствіемъ занимался математикой. Въ Ишимѣ, по порученію мѣстнаго купца Чернякова, онъ написалъ «Историческое описаніе Ишимскаго округа», напечатанное въ «Журналѣ м-ва внутр. дѣлъ». Кромѣ «Записокъ несчастнаго», составленныхъ въ 1835 г. со словъ Колесникова и по своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, онъ написалъ интересную статью «Сибирскіе сатрапы». Въ его произведеніяхъ видны вполнѣ литературные пріемы, вкусъ и изящество рѣчи.

Щепинъ-Ростовскій Д. А.

Князь Дмитрій Александровичъ Щепинъ-Ростовскій, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, родился въ 1798 г., вѣроятно, въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. Образованіе онъ получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; принадлежалъ къ Сѣверному обществу. Щепинъ-Ростовскій былъ обвиненъ въ томъ, что «лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, которыми предводительствовалъ на площади, съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ генераламъ Шеншину и Фридрихсу, полковнику Хвощинскому и одному унтеръ-офицеру и гренадеру». Онъ былъ причисленъ къ I разряду и осужденъ на 20-тилѣтнія каторжныя работы (послѣ смягченія приговора). Въ 1839 г. Щепинъ-Ростовскій былъ поселенъ въ селѣ Тасѣевскомъ, Канск. окр., Енис. губ., а въ 1842 г. переведенъ въ Курганъ Тобольск. губ., гдѣ и оставался до 1856 г. Князь Щепинъ-Ростовскій былъ брюнетъ и имѣлъ одинъ усъ черный, а другой совершенно бѣлый, посѣдѣвшій внезапно отъ сильнаго душевнаго потрясенія во время его заключенія въ крѣпости. Онъ отличался вспыльчивымъ, неровнымъ, несдержаннымъ характеромъ, что приводило его въ столкновенія съ курганской администраціей и вызывало доносы и обвиненія его въ противоправительственномъ образѣ мыслей. Доносы эти оказывались ложными. Получая средства отъ матери, Щепинъ-Ростовскій въ Курганѣ не избралъ себѣ опредѣлен-

Князь

Дмитрій Александровичъ

Щепинъ-Ростовскій.

ныхъ занятій и потому аттестовался «ничѣмъ особенно не занимающимся». Только въ вѣдомости за 1850 г. онъ показанъ «занимающимся чтеніемъ книгъ». Вслѣдствіе столкновеній съ курганской администраціей Щепинъ-Ростовскій съ 1850-1854 гг. аттестовался неодобрительно. Въ Курганѣ онъ старался казаться не старымъ еще бонвиваномъ и очень ухаживалъ за сестрой чиновника Щепина. Щепинъ-Ростовскій имѣлъ недурный теноръ и участвовалъ въ хорѣ Читинскаго острога. Въ послѣднее время своего пребыванія въ Курганѣ онъ былъ пораженъ первымъ ударомъ и часто подвергался заболѣваніямъ. Князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій скончался въ Ярославской губ. въ 1859 г.

Юшневскій А. П.

Алексѣй Петровичъ Юшневскій, генералъ-интендантъ 2-й арміи, 4 класса, былъ обвиненъ въ томъ, что «участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи съ согласіемъ на всѣ жестокія мѣры Южнаго общества, управлялъ тѣмъ обществомъ, вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властію, участвовалъ также въ умыслѣ на отторженіе областей отъ имперіи». Юшневскій былъ причисленъ къ I разряду и осужденъ на смертную казнь отсѣченіемъ головы, что было замѣнено вѣчными каторжными работами. Юшневскій родился въ 1786 г. Образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, но не окончилъ тамъ курса. Въ ранней молодости на него имѣлъ сильное вліяніе какой-то итальянецъ. Въ 1819 г. Юшневскій вступилъ въ тайное общество, а въ 1821 г. былъ избранъ директоромъ Южнаго общества, вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ которымъ его связывала горячая дружба и глубокое взаимное довѣріе. Сначала Юшневскій былъ заключенъ въ Шлиссельбургской крѣпости, затѣмъ отправленъ въ Сибирь. Его жена, Марія Казиміровна, вышедшая за него послѣ развода съ первымъ мужемъ, богатымъ помѣщикомъ, съ 1827 г. начала хлопотать о разрѣшеніи отправиться къ читинскому заточнику. Какъ и прочихъ женъ декабристовъ, ее устрашали потерею гражданскихъ правъ, если она окончательно рѣшила бы слѣдовать за мужемъ. 4 января 1829 г. состоялось высочайшее пове-

Алексѣй Петровичъ
Юшневскій.

лѣніе, которымъ окончательно запрещалось дочери Юшневскихъ слѣдовать въ Сибирь за родителями, и Марія Казиміровна поѣхала одна. Первые годы жизни въ Петровскомъ заводѣ Юшневскіе были въ стѣсненномъ положеніи, такъ какъ все ихъ имущество было подъ запрещеніемъ, пока не окончилось дѣло по ревизіи интендантскихъ дѣлъ 2-й арміи. Лишь черезъ 8 лѣтъ Юшневскому прислали копію съ донесенія ревизіонной комиссіи, въ которой говорилось, что онъ не только не причинилъ ущерба казнѣ, но своевременными и благоразумными мѣрами доставилъ ей значительныя выгоды. Въ 1839 г. Юшневскій былъ переведенъ въ Оёкъ, въ 30 верстахъ отъ Иркутска, а въ началѣ 40-хъ годовъ жилъ въ подгородной деревнѣ Малой Разводной въ небольшомъ деревянномъ домикѣ въ 4-5 комнаты на берегу стремительной Ангары. Въ уютныхъ комнатахъ хлѣбосольныхъ Юшневскихъ нерѣдко собирались друзья-декабристы и городскіе знакомые. Живя въ Малой Разводной, Юшневскій занимался педагогической дѣятельностью: давалъ въ Иркутскѣ уроки, между прочимъ и музыки, бралъ къ себѣ на воспитаніе и обученіе дѣтей нѣкоторыхъ иркутскихъ жителей; такъ, у него жилъ и учился извѣстный врачъ Бѣлоголовый. Крестьяне относились къ Юшневскому съ большимъ уваженіемъ и часто обращались къ нему съ просьбами разобрать ихъ дѣла и научить ихъ, какъ поступить въ томъ или другомъ затрудненіи. Юшневскій скончался 10 января 1844 г. въ деревнѣ Оёкѣ, куда онъ пріѣхалъ на похороны Вадковскаго. Во время заупокойной обѣдни, сдѣлавъ земной поклонъ, онъ уже не всталъ: его поразилъ неожиданный апоплексическій ударъ. Въ галлереѣ декабристовъ, столь богатой талантами и характерами, Юшневскій занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. «Онъ былъ стоикъ во всемъ смыслѣ слова, говоритъ о немъ Розенъ, съ твердыми правилами, умомъ и сердцемъ любилъ свое

отечество и безъ малѣйшаго ропота переносилъ всѣ испытанія и лишенія. Казалось, что онъ даже вызывалъ ихъ для себя, чтобы доказать, что онъ готовъ переносить ихъ больше и не жалѣетъ никакихъ пожертвованій». Прочувственныя, теплыя строки посвящаетъ ему Бѣлоголовый въ своихъ воспоминаніяхъ: «Ровность его характера была изумительна; всегда серьезный, онъ даже шутилъ, не улыбаясь, и тѣмъ не менѣе въ обращеніи его съ нами мы постоянно чувствовали, хотя онъ насъ никогда не ласкалъ, его любовное отношеніе къ намъ и добродушіе. На урокахъ онъ былъ всегда терпѣливъ, никогда не возвышалъ голоса». Крайней сердечной доброты не отнимаетъ у Юшневскаго даже Якушкинъ, скептически относящійся къ его уму. Фонъ-Визинъ и Розенъ превозносятъ его, какъ человѣка огромнаго ума; дѣйствительно, въ противномъ случаѣ Пестель не избралъ бы его своимъ ближайшимъ сотрудникомъ. Юшневскій былъ превосходный піанистъ; онъ игралъ также на скрипкѣ и съ Свистуновымъ, Вадковскимъ и Крюковымъ 2-мъ составилъ превосходный квартетъ, слушать который было истиннымъ праздникомъ для заключенныхъ.

Якубовичъ А. И.

Александръ Ивановичъ Якубовичъ, капитанъ нижегородскаго драгунскаго полка, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цереубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго государя и сверхъ того предложилъ бросить жребій на убіеніе нынѣ царствующаго императора; былъ на совѣщаніяхъ общества и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, участвовалъ въ приготовленіи онаго, помогалъ совѣтами, предлагалъ разбить питейные домы, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церкви, идти ко дворцу; во время самаго мятежа присоединясь къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ и пришелъ съ ними на площадь». Якубовичъ былъ отнесенъ къ I разряду и, по смягченіи приговора, осужденъ на вѣчныя каторжныя работы. Якубовичъ родился въ 1792 г. и учился сначала дома, подъ руководствомъ гувернеровъ-иностранцевъ, а потомъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Имя его было занесено на золотую доску. Якубовичъ поступилъ въ гвардію и былъ сосланъ на службу на Кавказъ за участіе въ дуэли между гр. Завадовскимъ и Шереметевымъ, причемъ послѣдній былъ убитъ. На Кавказѣ онъ имѣлъ дуэль съ Грибоѣдовымъ, секундантомъ гр. Завадовскаго, и ранилъ его въ руку, чтобы, какъ передаютъ, лишить его удовольствія играть на рояли. Жизнь Якубовича на Кавказѣ прошла въ постоянныхъ и отчаянныхъ боевыхъ

подвигахъ, о которыхъ вспоминали еще въ концѣ 30-хъ годовъ. Всю добычу своихъ набѣговъ, овецъ и коней, дѣлилъ онъ поровну между своей командой, ничего не оставляя себѣ. Въ половинѣ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка Якубовичъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ наружность его обращала на себя общее вниманіе. П. А. Каратыгинъ въ своихъ «Запискахъ» такъ говоритъ о Якубовичѣ: «Высокій ростъ, смуглое лицо, съ свирѣпымъ выраженіемъ, большіе черные на выкатѣ глаза, словно налитые кровью, сросшіяся густыя брови, огромные усы, коротко остриженные волосы, черная повязка на лбу, которую онъ постоянно носилъ въ то время, бѣлые, какъ слоновая кость, зубы, сардоническая улыбка». Интеллигентная военная молодежь того времени, принадлежавшая къ высшему кругу, была, какъ извѣстно, очень чутка къ идеямъ вѣка, а Якубовичъ еще на Кавказѣ отличался либеральными взглядами, которыхъ не могъ скрыть при крайней пылкости своего характера. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ многими изъ членовъ Сѣвернаго общества; большинству онъ нравился своей страстностью и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, меньшинство не считало его ни достаточно убѣжденнымъ, ни человѣкомъ дѣла. Роль Якубовича въ самомъ событіи 14 декабря 1825 г. была двойственна и не совсѣмъ понятна: сначала онъ отговаривалъ А. Бестужева отъ рѣшительныхъ дѣйствій, потомъ самъ повелъ съ Гороховой, гдѣ жилъ, семеновскій полкъ, затѣмъ исчезъ съ Сенатской площади, сославшись на головную боль, потомъ опять появился, пробылъ значительное время вблизи императора Николая I, самъ вызвался идти отъ него для уговоровъ своихъ товарищей сложить оружіе, но потомъ самъ же совѣтовалъ имъ держаться крѣпко. Такимъ образомъ, въ душѣ Якубовича въ это время происходила борьба какихъ-то противоположныхъ чувствъ и разсчетовъ, повергшая его въ нерѣшительность и даже вызвавшая подозрѣніе въ двулич-

Александръ Ивановичъ
Якубовичъ.

ности. Приближаясь по своей натурѣ, къ довольно распространенному типу бреттера, нашедшему полное художественное выраженіе въ Дороховѣ («Война и миръ»), Якубовичъ, способный на самые крайніе подвиги личной отваги, какъ будто растерялся и недоумѣвалъ передъ той ролью въ данномъ событіи, которую онъ долженъ былъ играть, какъ рядовая единица. Находясь въ заключеніи, Якубовичъ былъ забытъ всѣми своими родными, которые не помогали и не писали ему. Вышедши на поселеніе, Якубовичъ основалъ небольшую школу и открылъ мыловаренный заводъ; онъ такъ удачно повелъ свой заводъ, что́ не только самъ могъ жить безбѣдно, но даже помогать своимъ нуждающимся товарищамъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ онъ жилъ въ Малой Разводной подлѣ Иркутска. «Его внѣшность сильно врѣзалась въ мою дѣтскую память, говоритъ о немъ Бѣлоголовый: это былъ высокій, худощавый и очень смуглый человѣкъ съ живыми, черными глазами и очень большими усами; всѣ движенія его были полны живости и энергіи; дѣтей, видно, онъ очень любилъ, потому что тотчасъ же занялся съ нами съ великой охотой и, будучи большимъ любителемъ живописи, скоро и бойко нарисовалъ карандашомъ два рисунка и подарилъ намъ каждому на память». Вскорѣ золотопромышленная компанія Базилевскаго и Малевинскаго, открывъ въ сѣверной енисейской тайгѣ два богатыхъ пріиска и нуждаясь въ дѣльномъ и честномъ управляющемъ, пригласила туда Якубовича. Тамъ, въ Ермоловской резиденціи, и скончался А. И. Якубовичъ; по однимъ извѣстіямъ, онъ утонулъ, купаясь въ Енисеѣ, по другимъ — умеръ отъ тифа. Онъ скончался 10 сентября 1845 г. и похороненъ въ Енисейскѣ.

Якушкинъ И. Д.

Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, отставной капитанъ, былъ обвиненъ въ томъ, что «умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817 г. и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество товарищей». Онъ былъ отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, что было замѣнено 20-лѣтними каторжными работами. Якушкинъ родился 28 декабря 1796 г. и росъ до 9 лѣтъ болѣзненнымъ ребенкомъ, страдалъ тяжестью въ головѣ, отличался несообразительностью и вялостью. Родители уже отчаялись въ его умственныхъ способностяхъ. Но къ 10 годамъ онъ окрѣпъ, сталъ постепенно развиваться физически и умственно, началъ учиться съ увлеченіемъ взрослаго человѣка, сталъ проявлять недюжинныя способности и замѣчательную живость характера. Въ дѣтствѣ онъ учился дома, подъ руководствомъ иностранцевъ-гувернеровъ, а затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ. Находясь въ университетѣ, онъ жилъ у извѣстнаго проф. Мерзлякова, о которомъ всегда отзывался съ любовью и уваженіемъ. Въ 1811 г. онъ былъ зачисленъ и опредѣленъ подпрапорщикомъ въ семеновскій полкъ, гдѣ немедленно и навсегда сошелся съ М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ походахъ 1812, 1813 и 1814 гг. Подъ Бородинымъ они вмѣстѣ стояли подъ знаменемъ 3-го батальона семеновскаго полка. Теперь Якушкинъ отличался такимъ

Иванъ Дмитріевичъ
Якушкинъ.

цвѣтущимъ здоровьемъ, полнотой и выносливостью, что товарищи прозвали его «бычкомъ». Въ 1817 г. Якушкинъ сдѣлался членомъ «Союза Благоденствія» и сошелся близко со всѣми Муравьевыми. Одаренный пламенной душой, онъ всецѣло отдался дѣлу «Союза Благоденствія». Остается тайной, почему въ 1819 г. онъ вышелъ въ отставку и, не разрывая связей съ прежними друзьями, удалился въ деревню. Можно думать, что онъ пожелалъ примѣнить на практикѣ, какъ землевладѣлецъ, нѣкоторыя идеи гражданскаго благоустройства, преслѣдуемыя союзомъ. Поселившись въ своемъ имѣніи Жуковѣ, Вяземскаго уѣзда Смоленской губ., онъ уменьшилъ на половину господскую запашку, уничтожилъ многіе тягостные для крестьянъ поборы, выбралъ изъ крестьянскихъ дѣтей 12 способныхъ мальчиковъ и самъ училъ ихъ грамотѣ, намѣреваясь помѣстить въ Москвѣ въ ученье, чтобы ремесленнымъ трудомъ увеличить заработокъ мѣстныхъ крестьянъ, очень скудный вслѣдствіе плохого качества почвы. По своимъ тогдашнимъ понятіямъ, онъ собрался освободить крестьянъ безъ земли, отдавая имъ скотъ, усадьбы и выгоны. Крестьяне отказались отъ такой безземельной свободы, и впослѣдствіи Якушкинъ приводилъ это доказательствомъ здраваго смысла русскаго народа. Но въ то время онъ смотрѣлъ иначе. Въ 1820 г. онъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею проектъ освобожденія своихъ крестьянъ, но проектъ этотъ былъ отвергнутъ. Въ деревнѣ Якушкинъ велъ суровую жизнь, довольствовался услугами только одного человѣка, съ сосѣдями не знакомился и проводилъ цѣлые дни въ физическомъ трудѣ, смѣняя его умственнымъ. На женщинъ онъ смотрѣлъ съ идеалистической точки зрѣнія, почему для него были немыслимы обычныя у молодыхъ людей связи до женитьбы. Надежда Николаевна Шереметева, теща М. Н. Муравьева, обратила особенное вниманіе на Якушкина, товарища ея сыновей. Умная, добрая и на-

божная старушка восторгалась своеобразнымъ складомъ его ума, характера и образа мыслей и потому сама предложила ему вступить въ бракъ со своей 16-лѣтней дочерью, Анастасіей Васильевной, замѣчательной красавицей. Весь 1823 г. молодые провели уединенно въ подмосковномъ имѣніи Шереметевыхъ, а 1824 и 1825 г.г. прожили въ Жуковѣ, гдѣ Якушкинъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ. 10 января 1826 г. онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ. Первое время онъ находился въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, потомъ въ Роченсальмѣ, въ фортѣ «Слава», и наконецъ былъ отправленъ въ Читу, оставивъ въ Россіи жену и двухъ сыновей, Вячеслава и Евгенія. Жена рвалась къ нему въ Сибирь и получила уже высочайшее разрѣшеніе, которымъ однако не позволилъ воспользоваться гр. Бенкендорфъ, такъ какъ потребовалъ, чтобы дѣти остались въ Россіи и поступили сначала въ корпусъ малолѣтнихъ, а потомъ въ царскосельскій лицей. Якушкинъ не согласился на это и просилъ жену держать дѣтей при себѣ. Вторичная просьба Якушкиной о разрѣшеніи ѣхать въ Сибирь была отклонена. Въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ Якушкинъ считался однимъ изъ лучшихъ ботаниковъ. Занимаясь преимущественно естественно-историческими науками, онъ стремился въ то же время пополнить свое общее образованіе; умственный трудъ былъ для него насущной потребностью и высшимъ наслажденіемъ. Даже находясь въ заключеніи въ Роченсальмѣ, онъ много занимался математикой по курсу Лакруа, занимался страстно и упорно, хотя не имѣлъ бумаги; это было для него своего рода casse-tête chinois. Въ Петровскомъ заводѣ, какъ передаетъ Свистуновъ, онъ работалъ, между прочимъ, надъ учебникомъ географіи по новому, оригинальному плану. Въ заключеніи онъ былъ всегда бодръ и веселъ, оживляющимъ образомъ дѣйствовалъ на своихъ товарищей и легко мирился съ

превратностью своей судьбы. Въ 1832 г. наружность Якушкина, какъ свидѣтельствуетъ его статейный списокъ, была такова: «мѣрою 2 арш. 6¼ вершк., лицомъ смуглъ, волосы черные съ просѣдью, глаза сѣрые, носъ посредственный». Въ концѣ 1835 г. Якушкинъ былъ освобожденъ отъ каторжныхъ работъ и 16 сентября 1836 г. прибылъ въ Ялуторовскъ Тоб. губ. на поселеніе. Личная библіотека Якушкина въ то время состояла изъ 48 книгъ Жизнь Якушкина въ Ялуторовскѣ ознаменовалась тѣмъ, что 6 августа 1842 г. имъ была открыта тамъ образцовая школа для мальчиковъ, послѣ многихъ препятствій со стороны городничаго и смотрителя уѣзднаго училища, но при дѣятельной поддержкѣ мѣстнаго протоіерея Знаменскаго. «Преподаваніе началось, говоритъ Палопеженцевъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Якушкина, по ланкастерскому способу. Новая метода съ ея занимательностью и отсутствіемъ тѣлесныхъ наказаній, нѣжное отношеніе учащихъ къ своимъ питомцамъ, а также и удобство помѣщенія,—все это привлекало учащихся, и число ихъ быстро росло»: къ маю 1846 г. оно дошло уже до 200 человѣкъ. Въ школу привозили мальчиковъ не только изъ округа, но и изъ другихъ городовъ Тоб. губ. Высшая тобольская администрація до такой степени покровительствовала школѣ, что въ отчетахъ о занятіяхъ Якушкина лишь отмѣчала, что онъ занимается только «хозяйствомъ и чтеніемъ книгъ». Для ознакомленія со школой, какъ образцовой, пріѣзжали смотрителя и присылали приходскихъ учителей, встрѣчавшихъ самый радушный пріемъ. Такимъ образомъ, Якушкинская школа явилась первой учительской семинаріей въ Сибири. Кромѣ элементовъ, въ школѣ преподавалась вся русская грамматика, географія, черченіе, а съ конца 1843 г.—первая часть латинской и греческой грамматикъ; оффиціально она стала называться срѣтенскимъ духовнымъ училищемъ. Потерявъ жену въ 1846 г.,

Якушкинъ ознаменовалъ ея память основаніемъ школы для дѣвочекъ, первой женской народной школы въ Сибири, которая въ 1850 г. перешла уже въ собственное помѣщеніе. Кромѣ основныхъ знаній, въ школѣ преподавалась русская исторія, географія, вся русская грамматика и ариѳметика, кончая дробями. Рукодѣліе въ этой школѣ преподавала мѣстная жительница Балакшина и воспитанница М. И. Муравьева-Апостола, А. П. Созоновичъ, ученица Якушкина. Дѣти шли въ обѣ школы, какъ на праздникъ. Якушкинъ привлекалъ дѣтей своимъ терпѣніемъ и веселостью, охотно удовлетворялъ ихъ любознательность; лѣтомъ, во время перемѣнъ, устраивалъ для нихъ разнообразныя игры, въ которыхъ самъ принималъ живое участіе. Для своей ученицы А. П. Созоновичъ онъ составилъ учебникъ географіи и естественной исторіи, который переписалъ М. И. Муравьевъ, а Сазоновичъ украсила превосходными рисунками перомъ. Якушкинъ вообще умѣлъ открывать таланты и любилъ ихъ поддерживать: въ Ялуторовскѣ онъ отыскалъ способнаго механика-самоучку Рослякова, познакомилъ его съ теоріей маятника, законами равновѣсія, движенія тѣлъ и пр., и Росляковъ сдѣлалъ для него вѣтрометръ, помѣщавшійся въ будкѣ на дворѣ дома, все время занимаемаго Якушкинымъ. Посредствомъ стрѣлки, вращавшейся по циферблату и приводимой въ движеніе системой колесъ и пружиной, на которую давитъ флюгерь, — сила вѣтра опредѣлялась пройденнымъ стрѣлкой разстояніемъ по циферблату въ данный промежутокъ времени. Для занятія гальванопластикой Якушкинъ устроилъ особый аппаратъ. Онъ усердно занимался метеорологическими наблюденіями, ботанизировалъ и составилъ гербарій мѣстной флоры. Своей личностью и жизнью Якушкинъ производилъ замѣтное культурное и нравственное вліяніе на тѣхъ жителей Ялуторовска, мужчинъ и женщинъ, которымъ приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Въ одеждѣ Якушкинъ

отличался строгой простотой: неизмѣннаго покроя черный казакинъ зимой, а лѣтомъ сѣрый изъ хорошей прочной ткани съ ослѣпительно бѣлыми отложными воротничками, узкой коймой пробивавшимися изъ-подъ широкаго черного галстуха, съ бѣлыми манжетами; часы висѣли всегда на черной муаровой лентѣ. Дома, смотря по погодѣ, онъ носилъ или куртку, или ваточный халатъ и вышитыя туфли. Отсутствіе неряшества и какая-то общая гармонія придавали праздничный видъ и свѣжесть квартирѣ, одеждѣ и хозяину, или, лучше сказать, свойства хозяина отражались на всемъ окружающемъ. Онъ смѣялся надъ непостоянствомъ и безсмысліемъ моды и надѣялся, что со временемъ люди будутъ одѣваться сообразно организаціи каждаго, образу жизни и климату. Съ длинной палкой въ рукахъ, котомкой за плечами и остроконечной шапкой на головѣ Якушкинъ любилъ ботанизировать въ окрестностяхъ города. Это занятіе и метеорологическія наблюденія, непонятныя для простого народа, создали ему репутацію нѣкотораго чародѣя, колдуна. Его двухъэтажный домикъ въ 3 окна на улицу, въ двухъ верхнихъ комнатахъ котораго онъ жилъ, существовалъ еще въ 1885 г. Въ вопросахъ вѣры умъ Якушкина всегда находился въ разладѣ съ сердцемъ: пытливость его ума всегда колебала вѣру, которой жаждало его сердце. Подобно знаменитому американскому проповѣднику Чаннингу, Якушкинъ доискивался вѣроисповѣданія, не требующаго подчиненія разума, и лишь въ этомъ смыслѣ не считалъ себя принадлежащимъ къ какой либо положительной категоріи религіозныхъ представленій. Но сердце его всегда было покорно закону евангельской любви. Онъ искалъ бесѣдъ съ людьми, способными, какъ онъ полагалъ, разсѣять его сомнѣнія и примирить его разумъ съ вѣрой. Онъ сочувствовалъ всѣмъ, вѣрующимъ и невѣрующимъ, если только видѣлъ въ нихъ искренность и простодушіе, которыми всегда отличался самъ.

Понятно поэтому его тѣсное сближенiе съ ялуторовскимъ протоiереемъ Знаменскимъ. Въ 1854 г., когда старшiй сынъ Якушкина Вячеславъ проѣзжалъ на мѣсто врача въ Вилюйскъ Якутской обл., онъ получилъ разрѣшенiе ѣхать лѣчиться на Туркинскiя минеральныя воды недалеко отъ Иркутска. Вернувшись обратно въ Ялуторовскъ въ 1856 г., Якушкинъ получилъ возможность возвратиться въ Россiю и поселился у младшаго сына Евгенiя въ Москвѣ. Чувствуя себя привольно въ кругу родной семьи, И. Д. не терялъ прежней веселости и бодрости. Старые друзья и знакомые навѣщали его квартиру на Мѣщанской подлѣ церкви св. Филиппа митрополита, почему онъ въ шутку называлъ себя и свою семью филипповцами. Но кто-то донесъ, что декабристы основали новое тайное общество филипповцевъ, и ген.-губ. гр. Закревскiй распорядился выслать всѣхъ изъ Москвы. Якушкинъ переѣхалъ въ Новинки, на границѣ между Московской и Тверской губ., въ 7 вер. отъ станцiи желѣзной дороги. Это имѣнiе принадлежало его сослуживцу по семеновскому полку Толстому. Его здоровье окончательно разстроилось въ этомъ сыромъ, болотистомъ мѣстѣ, въ тоскѣ и скукѣ отъ полнаго уединенiя. «Наконецъ, пишетъ Н. Д. фонъ-Визинъ протоiерею Знаменскому, выхлопотали ему позволенiе жить въ Москвѣ, но привезли его въ ужасномъ состоянiи — желудокъ почти уже ничего не переваривалъ. Но душою онъ оживился: бывало, по цѣлымъ днямъ лежитъ въ постели, ничего не ѣстъ — вдругъ какъ будто прiободрится и куда нибудь выѣдетъ. Я навѣщала его, лежащаго въ постели, до того ослабѣвшаго, что онъ съ трудомъ поднималъ голову, но видѣла его въ то же время спокойнаго, даже подчасъ веселаго и говорливаго, и въ послѣднiй разъ встрѣтила его у Бибикова за картами. Странно, что онъ какъ бы не чувствовалъ своей опасности, сбирался къ намъ въ Покровское и даже въ

Орелъ и говорилъ, что поѣздки принесутъ ему пользу. Иногда говорилъ о своей смерти, но какъ о событiи довольно отдаленномъ. Сказалъ однажды, что, когда умретъ, не желаетъ, чтобы ставили на его могилѣ памятникъ, а проситъ посадить на ней два вяза и ясень. Онъ всегда любилъ деревья и любовался красивыми. Нѣсколько дней тому назадъ... я прiѣхала на Пятницкое кладбище на могилку Ивана Дмитрiевича...» Онъ скончался 11 августа 1857 г. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ представителей декабристовъ, этихъ вѣчно-памятныхъ провозвѣстниковъ русскаго освобожденiя отъ тяжелаго и безконечно длиннаго ига самодержавно-полицейскаго строя, И. Д. Якушкинъ оставилъ очень интересныя и важныя «Записки».

Поправка и дополненіе о П. Г. Каховскомъ *).

Хотя Каховскій принадлежалъ къ дворянству Московской губ., однако его небольшое имѣніе, которымъ онъ владѣлъ вмѣстѣ съ братомъ, было въ Смоленской губ. Онъ учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, и относительно его образованія въ формулярѣ говорится: «по-русски, по-нѣмецки и французски читать, писать и говорить умѣетъ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ знаетъ». Но своимъ образованіемъ Каховскій былъ болѣе обязанъ самому себѣ, чѣмъ школѣ. Въ 1823—24 гг. онъ былъ за границей и внимательно присмотрѣлся къ заграничнымъ порядкамъ. Письма его изъ крѣпости о недостаткахъ русской жизни показываютъ его хорошее знакомство съ политической исторіей, государственнымъ правомъ и экономическими науками. Въ военной службѣ онъ находился недолго (съ 1816 г.), причемъ подвергался разжалованію въ рядовые и въ 1821 г. уволенъ былъ въ отставку. Каховскій былъ типичнымъ революціонеромъ-романтикомъ 20-хъ годовъ. «Страстная любовь къ родинѣ, воодушевленіе свободы, говоритъ г. Щеголевъ, естественно вызывали въ Каховскомъ ненависть къ пора-

*) Печатныя свѣдѣнія о Каховскомъ, извѣстныя до января и февраля 1906 г., были очень кратки и неточны (даже сами декабристы, какъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ и Розенъ, называли его Петромъ *Андреевичемъ*, а не *Григорьевичемъ*), и лишь послѣ появленія въ 1 и 2 №№ „Былого" статьи г. Щеголева, написанной на основаніи архивныхъ матеріаловъ, жизнь и личность Каховскаго явилась въ болѣе опредѣленномъ освѣщеніи. Невозможность ввести поправки и дополненія въ уже напечатанный текстъ заставила отнести это къ самому концу книги.

ботителямъ родины и переходили въ жажду отмщенія, жажду самоотверженнаго подвига. Быть русскимъ Брутомъ, русскимъ Зандомъ составляло постоянную мечту Каховскаго, почему онъ неоднократно заявлялъ Рылѣеву о своемъ непреклонномъ желаніи «поразить тирана». Это настроеніе не было придуманнымъ, поверхностнымъ. Политическое міровозрѣніе Каховскаго, какъ гражданина, хорошо видно изъ его писемъ Николаю I и Левашеву: «вдумчивость, наблюдательность и правильная оцѣнка положенія — вотъ отличительныя черты его взглядовъ», говоритъ г. Щеголевъ. Членъ Сѣвернаго общества, очень близкій съ Рылѣевымъ, Каховскій не игралъ однако никакой видной роли въ обществѣ, и Рылѣевъ даже опасался его крайнихъ взглядовъ по вопросу объ устраненіи «тирана».

При первомъ допросѣ, произведенномъ лично Николаемъ I, Каховскій обнаружилъ всю свою способность къ крайнему увлеченію, всю довѣрчивость, свойственную пылкому и благородному сердцу, а Николай I — замѣчательное умѣнье скрывать свои истинныя чувства и намѣренія и выдающуюся способность надѣвать какую угодно маску. Каховскому показалось, что императоръ искренно желаетъ глубокихъ и серьезныхъ реформъ. «Счастливъ подданный, слышавшій отъ своего монарха: я самъ есть первый гражданинъ своего отечества», писалъ онъ царю на другой день послѣ свиданія-допроса. Сбитый съ толку и обольщенный, Каховскій сообщилъ о заговорѣ все, что зналъ, умолчавъ лишь о лицахъ и о своемъ намѣреніи «поразить тирана». Въ своихъ письмахъ Николаю I Каховскій мѣтко, краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ, что тяжелое внутреннее положеніе Россіи безъ коренныхъ политическихъ реформъ въ конституціонномъ смыслѣ не можетъ измѣниться къ лучшему. Послѣ второго свиданія съ Николаемъ I Каховскій лишь давалъ показанія передъ слѣдственной комиссіей и мало-по-малу убѣдился, что его

товарищи, какъ Рылѣевъ, Трубецкой, Оболенскій, не считаютъ нужнымъ умалчивать о немъ.

«Всю жизнь, говоритъ г. Щеголевъ, Каховскій былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Мечта о подвигѣ, о призваніи Брута скрашивала существованіе. Но судьба безжалостной рукой разбивала мечты Каховскаго. Въ началѣ заключенія мелькнула надежда, что счастье родины, во имя котораго онъ вышелъ на борьбу, будетъ устроено императоромъ, но эта иллюзія быстро разлетѣлась въ пухъ и прахъ. Оставались еще наслажденія взаимной заговорщической вѣрности и дружбы. Но грубо было разсѣяно и это утѣшеніе. Въ тѣхъ, кто по истинѣ должны были бы быть послѣдними друзьями, Каховскій увидѣлъ враговъ, и вотъ, въ послѣдніе мѣсяцы, въ послѣдніе дни своей жизни онъ по прежнему былъ заброшеннымъ и одинокимъ. Процессъ растерзалъ его душу».

Вся инициатива рѣшенія суда по отношенію къ Каховскому, какъ и другимъ четыремъ его товарищамъ, поставленнымъ внѣ разрядовъ, принадлежитъ исключительно императору Николаю I. Въ государственномъ архивѣ сохранилась слѣдующая записка кн. П. В. Лопухина, помѣченная 10 іюля 1826 г., въ день доклада: «Государь изволилъ отозваться, что докладъ и всѣ приложенія просмотритъ и дастъ по оному свое повелѣніе, но тутъ же присовокупилъ, что если *неизбѣжная смертная казнь* кому надлежать будетъ, государь ее *самъ не утвердитъ*, а уполномочитъ верховный уголовный судъ исключительно самому разрѣшить этотъ вопросъ».

Для всѣхъ понятно, такимъ образомъ, что *по существу* инициатива смертнаго приговора принадлежала Николаю I, а *формально* его постановилъ верховный уголовный судъ.

УКАЗАТЕЛЬ

ИСТОЧНИКОВЪ И ПОСОБІЙ.

(Въ этотъ перечень включены лишь тѣ источники и пособія, которые имѣютъ отношенія къ біографіямъ декабристовъ, вошедшимъ въ настоящее изданіе).

Донесеніе слѣдственной коммиссіи.

Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ.

Записки кн. С. Г. Волконскаго.

Записки кн. М. Н. Волконской.

Записки Ив. Дм. Якушкина. Лондонъ, 1862 г. (Вторая часть помѣщена въ „Рус. Арх.“ 1870 г.).

Записки кн. С. П. Трубецкого. Лондонъ 1863 г.

Записки фонъ-Визина. Лейпцигъ 1859 г. (сокращ. въ „Рус. Стар.“ 1884 г.).

Записки бар. Розена. Лейпцигъ, 1870 г.

Воспоминанія Бѣляева. Спб. 1882 г.

Записки Басаргина „XIX“ в. I ч.

Записки Горбачевскаго „Рус. Арх.“ 1882 г. № 4.

Записки М. Бестужева. „Рус. Стар.“ 1870 г. № 11.

Изъ „Записокъ“ Н. Бестужева „Полярная Звѣзда“ 1862 г. вып. II.

Записки Фаленберга „Рус. Арх.“ 1877 г., III.

„Повѣсть собственной жизни“. Записки Батенкова „Рус. Арх.“ 1881 г. № 2.

Воспоминанія Фролова „Рус. Стар.“ 1882 г. №№ 5 и 6.

Изъ Записокъ Лорера „Рус. Бог.“ 1904 г. №№ 6 и 7.

Записки И. Пущина. Атеней 1859 г. № 8; пропущенное здѣсь напечатано въ „Поляр. Зв.“, 1861 г., VI, 105—118.

Изъ „Воспоминаній“ М. И. Муравьева-Апостола. „Рус. Арх“ 1871 г.

Воспоминанія кн. Оболенскаго. „Будущность“ 1861 г. №№ 9—12 и въ „Рус. Заграничномъ Сборникѣ“ ч. IV, тетр. V.

Разсказы и воспоминанія Лорера. „Рус. Арх.“ 1872 г.

Бар. Штейнгеля „Записки“. „Ист. Вѣст.“ 1900 г. № 6; „Рус. Арх.“ 1895 г. № 2.

„Вселенскій орденъ Освобожденія и мои отношенія къ Сѣверному Обществу“. Изъ „Записокъ“ Завалишина. „Рус. Стар.“ 1882 г. № 1.

Кюхельбекеръ В. Стихотворенія, дневникъ, біографія. „Рус. Стар.“ 1870 г. т. I; 1875 г. т. XIII—XIV; 1878 г. т. XXI; 1883 г. т. XXXIX; 1884 г. т. XLI.

Одоевскій А. И. Стихотворенія. 1883 г.

Рылѣевъ. Стихотворенія. Изд. 1874 и 1895 гг.

Марлинскій (А. А. Бестужевъ). Сочиненія.

Бестужевъ Н. А. Разсказы стараго моряка.

Tourgueneff N. „La Russie et les russes“. Paris, 1847.

Пущинъ И. „14 декабря“. Лонд., 1863 г.

Н. Муравьевъ. Разборъ донесенія слѣдств. коммиссіи въ 1826 г.

Лунинъ. Взглядъ на тайное общество въ Россіи и его письма къ сестрѣ. „Полярн. Зв.“ 1861 г.

Письма Горбачевскаго кн. Оболенскому. „Рус. Стар.“ 1903 г. № 9 и 10.

Свистуновъ. Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о событіи 14 декабря и декабристахъ. „Рус. Арх.“ 1870 г., стр. 16—33.

Штейнгель. „Сибирскіе сатрапы“. „Ист. Вѣст.“ 1884 г. № 8.

Переписка кн. Оболенскаго съ гр. Ростовцевымъ. „Рус. Стар.“ 1889 г. № 9.

Письма Бриггена и Казимірскаго кн. Оболенскому. „Рус. Ст.“ 1901 г. № 2.

Письма Н. Д. фонъ-Визинъ протоіерею Знаменскому. „Литературный Сборникъ“ (приложеніе къ „Восточ. Обозр.“ 1885 г.).

Письма С. Муравьева-Апостола отцу изъ Петропавловской крѣпости (подлинники).

Фонъ-Визинъ „Одно изъ воспоминаній моей юности“. „Рус. Стар.“ 1881 г. т. 31, 509—530.

Воспоминанія А. П. Сазоновичъ, воспитанницы М. И. Муравьева-Апостола (рукопись; отрывки напечатаны въ „Рус. Арх.“ 1888 г.—о Пущинѣ, Оболенскомъ, Якушкинѣ и нѣк. др.).

Автобіографическія записки сенатора Боровкова. „Рус. Стар.“ 1899 г. № 11 (о многихъ декабристахъ).

Францева. „Воспоминанія". „Ист. Вѣстн." 1888 г. № 5 (о фонъ-Визинѣ и др.).

Письма А. Я. Булгакова брату. „Рус. Арх." 1901 г. № 7 (о Лунинѣ и Якубовичѣ).

Письмо в. к. Конст. Павлов. имп. Николаю I. „Рус. Стар." 1873 г., т. VII, стр. 473 (о Лунинѣ).

Каратыгинъ. „Записки" (о Якубовичѣ).

Сабанѣева. Воспоминанія о быломъ. „Ист. Вѣст." 1900 г. № 11 (объ Оболенскомъ).

Пассекъ Т. Воспоминанія (тоже).

Першинъ. „Петровскій заводъ". „Забайкалье" 1902 г. №№ 41 и 42 (о Горбачевскомъ).

Разсказъ современниковъ о казни декабристовъ. „Рус. Арх." 1881 г., II.

Голодниковъ К. Декабристы въ Тоб. губ. Оттиски въ „Сиб. Торг. Газ." 1899 г. (О курганскихъ, тобольскихъ и ялуторовскихъ декабристахъ; съ рукописными поправками Н. С. Знаменскаго).

Гангебловъ. „Воспоминанія". М. 1888 г. (о Лунинѣ, Свистуновѣ и нѣк. др.).

Изъ „Записокъ" Ипполита Оже. „Рус. Арх. 1877 г., I. (о Лунинѣ).

Огаревъ. Воспоминанія о кн. Одоевскомъ. „Полярн. Зв." 1861 г., VI.

Бѣлоголовый. „Воспоминанія" (о Трубецкомъ, Волконскомъ, Поджіо, Юшневскомъ, Борисовыхъ, Мухановѣ, А. Муравьевѣ, Якубовичѣ, Бечасномъ).

Пыпинъ. „Общественное движеніе при Александрѣ I", изд. 2-ое, 1900 г.

Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири. 1895 г.

Богдановичъ. Исторія царств. Александра I, т. VI.

Шильдеръ. Междуцарствіе въ Россіи. Матеріалы. „Рус. Ст." 1882 г., т. 35 (О Вадковскомъ).

Шильдеръ. Имп. Николай I.

Максимовъ. Сибирь и каторга. Изд. 3-е 1900 г. Гл. VI—VII.

Шугуровъ. О бунтѣ черниговскаго полка. „Рус. Арх." 1902 г., № 6 (О С. Муравьевѣ-Апостолѣ и др.).

Agaton Giller. Opisanie Zabajcalskiej krainy w Syberyi. Lips. 1867, т. II, стр. 112—115 (о Лунинѣ).

„Поляр. Зв." 1861 г., VI (о Рылѣевѣ).

Кропотовъ. Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Рус. Вѣст." 1869 г., т. 80.

Гастфрейндъ. Бѣгство и поимка В. К. Кюхельбекера. „Всемір. Вѣстн.“ 1903 г., № 10.

Гастфрейндъ. Бракоразводное дѣло М. К. Кюхельбекера. „Всем. Вѣст.“ 1903 г., № 4.

С. Знаменскій. И. Д. Якушкинъ. „Сиб. Сб.“ 1886 г., III.

Н. Палопеженцевъ. Народное образованіе въ Ялуторовскѣ. гл. I, стр. 27—32 (объ Якушкинѣ).

Н. Малиновская. О декабристѣ гр. Чернышевѣ. „Рус. Арх.“ 1903 г., № 1.

Юнкеръ. Еще о декабристѣ гр. Чернышевѣ. „Рус. Арх.“ 1903 г., № 2.

По поводу статей о декабристѣ гр. Чернышевѣ. Гр. И. И. Чернышева-Кругликова. „Рус. Арх.“ 1903 г. № 4.

А. Корниловъ. Н. И. Тургеневъ. „Міръ Божій“, 1903 г., №№ 6, 7, 8.

Н. И. Тургеневъ въ письмахъ къ братьямъ. „Рус. Стар.“ 1901 г., № 5.

Отношенія иркутскаго архіепископа Нила къ декабристамъ. „Рус. Ст.“ 1899 г., № 9 (о Трубецкихъ).

Стремоуховъ. Нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ. „Рус. Ст.“ 1901 г., № 5.

Савельевъ. Нѣсколько словъ о бывшемъ нижегород. губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ. „Рус. Ст.“ 1898 г., №№ 6 и 7.

Баласъ. С. Муравьевъ-Апостолъ. „Рус. Ст.“ 1873 г., т. VII.

М. Муравьевъ-Апостолъ. С. И. Муравьевъ-Апостолъ. (Замѣтка по поводу его біографіи). „Рус. Ст.“ 1873 г., № 5.

Императоръ Николай I и семейство декабриста И. А. Анненкова. „Рус. Ст.“ 1901 г., № 2.

Бороздинъ. Мое знакомство съ декабристомъ Черкасовымъ. „Нива“ 1887 г., №№ 11 и 12.

Сиротининъ. Декабристъ Фаленбергъ. „Рус. Ст.“ 1882 г., № 9.

М. А. фонъ-Визинъ въ воспоминаніяхъ Францевой. „Рус. Ст.“ 1885 г., № 11.

Еще о Лунинѣ: „Пол. Зв.“ 1859 г., V, 231, въ „Зап.“ Розена, въ „Воспом.“ Вигеля, III, V, 57.

Завалишинъ. Декабристъ Лунинъ. „Ист. Вѣстн.“ 1880 г., № 1.

Венгеровъ. Критико-біографич. словарь II, 220—227 (о Батенковѣ).

Гавр. Степ. Батенковъ. „Рус. Ст.“ 1889 г., № 8.

Лучшевъ. Декабристъ Батенковъ. „Спб. Вѣст.“ 1886 г., № 25.

Разсказы о Батенковѣ. „Рус. Арх.“ 1881 г., III.

Батенкова біографія. „Рус. Ст.“ 1889 г., № 8.

Еще о Батенковѣ: „Рус. Арх.“ 1881 г., II, стр. 251 и III, стр. 436, Греча „Записки“, Пыпинъ „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ“. „Вѣст. Евр.“ 1872 г., № 7.

Лучшевъ. Еще нѣсколько словъ о Батенковѣ. „Сиб.“ 1883 г., № 5 (о томъ же ib. 1882 г., № 14).

Сутгофъ. „Кавказъ“ 1872 г., № 120.

Фелицынъ. О немъ же ib. № 143.

Брайловскій. Изъ жизни одного декабриста (Бриггена). „Рус. Ст.“ 1901 г., № 3.

Къ пребыванію декабристовъ въ Сибири (въ Читѣ). „Сиб. Вѣст.“ 1887 г., № 46.

Тонковъ. Курскіе декабристы. „Кур. Губ. Вѣд.“ 1888 г., № 93.

„Библіограф. Извѣстія“ 1859 г., т. II, стр. 252 (О Пущинѣ).

Изъ жизни декабристовъ въ Сибири. „Рус. Ст.“ 1899 г., № 11.

Фонъ-деръ-Ховенъ. Мое знакомство съ декабристами. „Древ. и нов. Россія“ 1877 г., № 2.

И. И. Сухиновъ. „Рус. Арх.“ 1870 г. (о Соловьевѣ и Мазалевскомъ).

И. Ефимовъ Пребываніе декабристовъ въ Сибири. „Рус. Арх.“ 1885 г., № 12.

М. Семевскій. Н. А. Бестужевъ. „Заря“ 1869 г., № 7.

Еще о Бестужевыхъ: Геннади. „Справоч. словарь рус. писат.“, I, 84—85 (о Н. и М. А. Бестужевыхъ), „Поляр. Зв.“ VI и VII (о Ник. Бест.), „Рус. Ст.“ 1871 г., т. IV (некрологъ М. Бест.), „Воспомин. Вигеля“ III, VI, 29.

Максимовъ. Н. А. Бестужевъ по его письмамъ. „Наблюдатель“ 1883 г., № 3.

Дѣтство и юность А. А. Бестужева. „Рус. Сл.“ 1861 г, № 12.

А. А. Бестужевъ въ Якутскѣ. „Рус. Вѣст.“ 1867 г., № 11.

А. А. Бестужевъ на Кавказѣ. „Рус. Вѣст.“ 1869 г., № 8.

А. А. Бестужевъ. „Отеч. Зап.“ 1860 г., кн. V—VII.

Бестужевъ-Марлинскій. „Дѣло“ 1880 г., № 11.

Богучарскій. Семья Бестужевыхъ. „Міръ Божій“ 1902 г., № 9.

Венгеровъ. Критико-біограф. словарь.

Старый дьячекъ. „Старина о декабристахъ“. „Сиб.“ 1883 г., № 36.

Оболенскаго некрологъ. „День“ 1863 г., № 3.

Геннади объ Оболенскомъ. „Рус. Арх.“ 1867 г., ст. 970.

Поджіо А. В. некрологъ. „Спб. Вѣд.“ 1873 г., № 164.

Некрологи бар. Розена: „Южный Кр.“ 1883 г., № 783;

„Ист. Вѣст.“ 1884 г., № 7; „Нов. Вр.“ 1884 г., №№ 2936, 2938 и 2944; „Рус. Стар.“ 1884 г., № 6 и ib. 1889 г., № 3.

Свистунова некрологъ. „Рус. Стар.“ 1889 г., № 3.

М. А. фонъ-Визинъ. „Рус. Стар.“ 1885 г., № 11.

Кюхельбекера В. біографія и его переписка. „Рус. Ст.“ 1875 г., т. XIII.

Кн. Волконскаго некрологи: „Иллюстр. Газ.“ 1865 г., № 10; „День“ 1865 г., №№ 50 и 51; „Рус. Стар.“ 1878 г., № 6.

Якушкинъ В. Е. Біографія М. И. Муравьева-Апостола. „Рус. Ст.“ 1886 г., т. 51.

Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в. т. I. Декабристы. Фонъ-Визинъ, кн. Оболенскій и бар. Штейнгель. Спб. 1905 г.

Рус. біограф. словарь. Ст. Павлова-Сильванскаго о Пестелѣ.

Воспоминанія М. М. Муромцева. „Рус. Арх.“ 1890 г. №№ 1 и 3 (о фонъ-Визинѣ).

Характеристика декабристовъ М. Кюхельбекера и Фаленберга. Сообщ. бар. Таубе. „Рус. Стар.“ 1904 г. № 3.

Переписка по поводу бунта С. И. Муравьева-Апостола. „Рус. Ст.“ 1905 г. № 5.

Н. Котляревскій. К. Ѳ. Рылѣевъ. „Поляр. Зв.“ 1906 г. № 7.

Щеголевъ. П. Г. Каховскій. „Былое“, 1906 г., №№ 1 и 2.

СОДЕРЖАНІЕ *).

	Стр.
Вступительная статья В. А. Мякотина	I—XX
Предисловіе	1
* Аврамовъ И. Б.	5
* Аврамовъ П. В.	6
* Анненковъ И. А.	7
* Барятинскій А. И., кн.	10
* Басаргинъ Н. В.	13
Батенковъ Г. С.	20
Бестужевъ-Марлинскій А. А.	27
* Бестужевъ М. А.	32
* Бестужевъ Н. А.	35
* Бечасновъ В. А.	42
Бобрищевъ-Пушкинъ П. С.	44
* Борисовъ А. И.	48
* Борисовъ П. И.	49
* Фонъ-деръ-Бриггенъ А. Ѳ.	54
Булатовъ А. М.	58
* Быстрицкій А. А.	61
* Бѣляевъ А. П.	63
* Бѣляевъ П. П.	71
* Вадковскій Ѳ. Ѳ.	72
* Вегелинъ А. И.	75
* Фонъ-Визинъ М. А.	76
* Волконскій С. Г., кн.	80
* Выгодовскій П. Ѳ.	87
* Глѣбовъ М. Н.	88
* Горбачевскій И. И.	89
* Громницкій П. Ѳ.	92
* Давыдовъ В. Л.	93
* Ентальцевъ А. В.	95
* Завалишинъ Д. И.	98
* Загорѣцкій Н. А.	104
* Ивановъ И. И.	106
* Игельстромъ К. Г.	107
Каховскій П. Г.	111
* Кирѣевъ И. В.	112
Коновницынъ П. П., гр.	113
* Кривцовъ С. И.	114
* Крюковъ А. А.	116
* Крюковъ Н. А.	117
Кюхельбекеръ В. К.	119
* Кюхельбекеръ М. К.	122
* Лихаревъ В. Н.	124
* Лореръ Н. И.	127
* Лунинъ М. С.	129
* Люблинскій Ю. К.	139
* Мазалевскій А. И.	141
* Митьковъ М. Ф.	143
* Мозганъ П. Д.	145
Муравьевъ-Апостолъ М. И.	146
Муравьевъ-Апостолъ С. И.	151
* Муравьевъ А. З.	155
* Муравьевъ А. М.	158
Муравьевъ А. Н.	161
* Муравьевъ Н. М.	164
* Мухановъ П. А.	167
Назимовъ М. А.	169
* Нарышкинъ М. М.	171
Оболенскій Е. П., кн.	174
* Одоевскій А. И., кн.	181
* Пановъ Н. А.	186
Пестель П. И.	187
* Повало-Швейковскій И. С.	194
* Поджіо А. В.	196
Пущинъ И. И.	199

*) Звѣздочкой отмѣчены портреты, принадлежащіе къ основной коллекціи М. М. Зензинова.

	Стр.
* Розенъ А. Е., бар.	203
Рылѣевъ К. Ѳ.	215
* Рѣпинъ Н. П.	220
* Свистуновъ П. Н.	223
Семеновъ С. М.	227
* Соловьевъ В. Н., бар.	230
* Сутгофъ А. Н.	231
* Тизенгаузенъ В. К.	233
* Трубецкой С. П., кн.	237
Тургеневъ Н. И.	242
* Тютчевъ А. И.	248
* Фаленбергъ П. И.	249
* Фроловъ А. Ф.	253
Цебриковъ Н. Р.	257
* Черкасовъ А. И., бар.	259
Чернышевъ З. Г., гр.	262
Шаховской Ѳ. П., кн.	264
* Шимковъ И. Ѳ.	265
Штейнгель В. И., бар.	266
* Щепинъ-Ростовскій Д. А., кн.	270
* Юшневскій А. П.	272
* Якубовичъ А. И.	275
Якушкинъ И. Д.	278
Поправка и дополненіе о П. Г. Каховскомъ	286
Библіографическій указатель.	289

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
7	6 сверху.	отличилась	отличалась
»	12 снизу.	француженка	француженка
28	6 снизу.	Ринальдинѣ	Ринальдини.
31	12 снизу.	Мирлинскаго	Марлинскаго.
218	4 снизу.	за убѣжденія	не за убѣжденія
277	3 сверху.	Дороховъ	Долоховъ
282	7 сверху.	преподавала.	преподавали.